

Отд.

VII

4987

1
2

VII отдѣлъ

4987

X

1201

УКРАИНСКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ,

ИЗДАННЫЯ

Михаиломъ Максимовичемъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

КНИГА I. Украинскія Дуѣлы.

КНИГА II. Пѣсни Козацкія былевыя.

КНИГА III. Пѣсни Козацкія бытовыя.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1834.

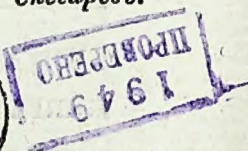
1970/1

Одесской городской
им. Императора Николая I
публичной библиотеки

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсур-
ный Комитетъ три экземпляра. Москва. Марта 23 го дня 1854
года.

Ординарный Профессоръ, Ценсоръ, Коллежскій
Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

БИБЛИОТЕКА
Н. И. ЛЕНЦА
ДАРЕТЬ
А. И. ЛЕНЦЪ

(Цена 3 руб.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Наступило, кажется, то время, когда познають истинную цѣну народности; начинается уже сбываться желаніе — да создастся Поэзія истинно Русская! Лучшие наши поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній поспиваютъ произведенія иноплеменные; но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной Поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранныхъ и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни, гдѣ звучитъ душа, движима чувствомъ, и сказки, гдѣ опсѣчивается фантазія народная.“

Эими словами начинается мое Предисловіе къ Сборнику *Малороссійскихъ пѣсенъ*, изданному мною въ 1827 году. Въ немъ помѣщено только 130 пѣсенъ; но я имѣлъ удовольствіе видѣть полный успѣхъ онаго, оправданіе и распространеніе нѣкоторыхъ тамъ высказанныхъ мыслей и замѣчаній моихъ о языкѣ и пѣсняхъ Малороссійскихъ.

Въ теченіе семи лѣтъ я продолжалъ начатое Собраніе: и оно теперь простирается уже до 2½ тысячъ пѣсенъ и опривковъ, и со-временемъ безъ сомнѣнія можетъ быть удвоено, ибо это предметъ неисощимый. Настоящимъ богатствомъ мое Собраніе обязано участію въ трудѣ моемъ Князя П. П. Цертелева — перваго издаше-

ли Украинскихъ Думъ, *И. В. Гоголя* — новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки, *И. И. Срезневскаго* — издаателя Запорожской Спарины, *А. Г. Шпигоцкаго* — переводчика Валленрода, почтеннаго *И. В. Крамаренка*, *О. М. Боддискаго* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, коимъ всѣмъ приношу мою благодарность. Кромѣ того я приобрѣлъ извѣстное Собраніе народныхъ пѣсенъ покойнаго *З. Я. Ходаковского*, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными.

При такомъ множествѣ пѣсенъ, находящихся иногда у меня въ папи и болѣе спискахъ, и имѣлъ возможность часто усматривать ясно нѣ измѣненія, какія происходили съ ними частію отъ долговременнаго и неправильнаго пѣнья оныхъ, частію и отъ изобрѣтательности самихъ пѣвцовъ и пѣвицъ: такимъ образомъ я могъ предсказать очень многія пѣсни въ исправлѣнномъ видѣ.

Предлагаю просвѣщенному вниманію читателей Первую Часть моего новаго Собранія, менѣе другихъ полную, но для многихъ можетъ быть самую занимательную: ибо въ ней помѣщены *Думы Украинскихъ бандуристовъ* и *пѣсни собственно-Козацкія*, выражающія Козацкую жизнь, въ ея отношеніи къ общественному, Историческому быту, и отчужденіи отъ быта семейнаго, домовнаго; первый изъ нихъ и называю *былевыми*, вторые *бытовыми*.

Это надгробные памятники и нѣспѣ живые свидѣтели отжилой старины. Другіе народы въ памянь важныхъ происшествій своихъ, чеканятъ медали, по которымъ Исторія часто разгады-

ваетъ минувшее: событія Козацкой жизни оплакивались въ звонкія пѣсни, и потому онѣ должны составить самую вѣрную и вразумительную Лѣтопись для новаго бытописателя Малороссіи.

Во II й части будутъ помѣщены *пѣсни женскія* — отголоски души страстной, — выраженія жизни, исполненной любви пламенной, нѣжной, но обреченной на тоску, и только изрѣдка разцвѣтающей счастьемъ. Сюда же отношу и тѣ пѣсни, гдѣ Козакъ является подъ господствомъ женскаго чувства, въ быту домашнемъ.

Въ III й части собраны *пѣсни гулявья*, въ коихъ господствуетъ болѣе прихотливое и запѣйливое расположеніе души, разгуль, карриатура и п. п.

Въ IV й части помѣщаются всѣ *обрядныя пѣсни*, относящіяся къ празднествамъ и общественнымъ занятіямъ домовитой жизни, и отличающіяся отъ другихъ болѣею придуманностію, по восходящей до символической восторженности, по облекающейся въ прелестъ идилическаго простодушія.

Дѣленіе это довольно соотвѣтственно съ своимъ предметомъ; впрочемъ оно только приблизительное, и я вовсе не думалъ вводить строгой и подробной классификаціи въ этотъ гармоническій міръ живой Поэзіи народа. Благоуханные вѣчно-свѣжіе цвѣты ея проростають сквозь цементъ систематическихъ сводовъ и дружно переплетаются между собою.

Сколько могъ теперь, я дѣлалъ пояснительныя замѣчанія къ Думахъ и пѣснямъ; къ нѣкоторымъ приложилъ переводъ; на всѣхъ словахъ спа-

вилъ удареніе и ко многимъ изъ нихъ прибавлялъ объясненіе ихъ: впрочемъ общій *Словарь* и *Грамматика* Малороссійскаго языка будутъ изданы мною въ особомъ прибавленіи къ сему Собранію (*). Я хотѣлъ-было въ сей часпи изложить подробно свои мысли о характерѣ, складѣ пѣсенъ, о языкѣ и правописаніи онаго; но долженъ оплохитъ это впредь, поспѣвая перемѣщеніемъ моимъ въ Кіевъ, гдѣ мои занятія будутъ посвящены преимущественно Отечественной Словесности. Такимъ образомъ я буду имѣть возможность продолженіе моего труда исполнить съ бѣльшимъ успѣхомъ.

Чувствуя живо красоту нашихъ народныхъ пѣсенъ и ихъ важность въ настоящее время *народности*, находя, что ни у кого не была такъ богато развита *Поэзія народная*, какъ у Сѣверныхъ (**) и Южныхъ Руссовъ, и желая моимъ собраніемъ сколько можно полнѣе и совершеннѣе открыть богатства *Поэзіи Украинской*, прошу всѣхъ

(*) Начатки *Малороссійскаго Словаря* (сравнительнаго съ другими Славянскими языками) находятся въ моемъ Сборникѣ, 1827. Краткая *Грамматика* Малороссійскаго языка у насъ издана Г. Павловскимъ 1818. Въ 5 Но Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія (1834) извѣщено объ изданіи двухъ Малороссійскихъ *Грамматикъ* Г-дами *Левичкинымъ* и *Дозинскимъ*, 1833. — Въ Лембергѣ издано *Вацлавомъ* Собраніе Галицкихъ пѣсенъ, коего однакожъ, къ сожалѣнію, я не получилъ еще: большая часть Галицкихъ пѣсенъ не только сходны съ пѣснями Украинскими, но многія пѣсни даже одні и тѣже — въ слѣдствіе однородства, сказаннаго на стр. 68.

(**) П. В. Кирпѣевскій собралъ уже Русскихъ народныхъ пѣсенъ и стиховъ болѣе 1500. Ему обязаиъ и многими замѣчаніями о семъ предметѣ.

VII

Малороссіянь принятъ участіе въ этомъ дѣлѣ : ибо оно можетъ свершиться только общимъ содѣйствіемъ ; прошу всѣхъ , кто имѣетъ случай , доставлять мнѣ *списки Украинскихъ пѣсенъ* въ томъ самомъ видѣ , какъ онѣ поются въ народѣ , безъ перемѣнъ , пропусковъ и добавленій , съ пояснительными примѣчаніями о мѣстахъ , лицахъ и мало извѣстныхъ словахъ , какія могутъ иногда случиться въ пѣсняхъ , а кто можетъ , то и съ напѣвомъ . Списывать пѣсни лучше во время пѣнья , ибо пѣвцы и пѣвицы наши часто не умѣютъ хорошо пересказывать того , что умѣютъ вполне пропѣть . Всякая пѣсня , какого бы ни была содержанія , для меня любопытна и пригодна , и будетъ принята съ благодарностью ; но особенное вниманіе я желалъ бы обратить на пополненіе сей первой части .

Голоса Украинскихъ пѣсенъ , поэтическія не менѣе словъ ихъ , составляютъ у меня особое изданіе . Первая тетрадь онаго , содержащая 25 пѣсенъ , (*) положенныхъ на ноты для пѣнья и фортепьяно *А. А. Алябьевымъ* , уже вышла въ свѣтъ .

М. М.

Москва , 21 Мая .

(*) Въ подтвержденіе сказаннаго мною прежде о нѣкоторыхъ чертахъ Кавказскихъ , встречающихся въ Украинѣ , ксашинъ замѣчу : 1) что напѣвъ *Веснянки* (№ 3) имѣетъ удивительное сходство съ напѣвомъ одной Черкесской пѣсни ; 2) напѣвъ известной пѣсни *Антонъ козу веде* , существуетъ у Нагайскихъ Татаръ , которые подъ него пляшутъ или лучше сказать толкутся на одномъ мѣстѣ , сѣдившись въ длинную вереницу .

ЗАМѢЧАНІЯ О ПРАВОПИСАНІИ И СЛОВО-ПРОИЗНОШЕНІИ (*).

1) Въ Украинскомъ языкѣ любимый гласный звукъ естѣ І, имѣющій два видоизмѣненія: 1) *острое*, какъ и въ Великорусскомъ языкѣ, на пр. въ словахъ: мои, твои; 2) *мягкое*, болѣе горланное, склоняющееся къ звуку Э. (Твердаго Великорусскаго Ы въ Украинскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ.)

Буква И послѣ гласныхъ и буква Ъ всегда произносятся *остро*. Такимъ же образомъ часто произносятся и прочія гласныя буквы, и въ такомъ случаѣ я, удерживая ихъ, отмѣчаю особымъ значкомъ (паеркомъ ^) — â, ê, î, î, ô. û.

(*) Употребляемое здѣсь правописаніе Малороссійское предложено мною въ 1827 году. Я спарался въ немъ соблюсти грамматическую правильность языка, согласивъ оную съ произношеніемъ, измѣнчивымъ по разнымъ мѣстнымъ нарѣчіямъ. Въ основаніе сего правописанія, по многимъ уваженіямъ принято: 1) *Правописаніе Библейское*, которое Малороссіяне читають сообразно своему выговору природному; 2) употребительнѣйшій способъ писанія въ Малороссіи. — Нѣкоторымъ Малороссіянамъ мое правописаніе кажется слишкомъ книжнымъ и неудобнымъ для письма; я съ ними отчаспи согласенъ въ этомъ, и думаю, что для домашняго обихода простѣе Слобожанскій способъ писанія, по

IX

Въ остальныхъ случаяхъ буквы БІ, І, И (не означенныя *пѣеркомѣ*) произносятся какъ *мягкое І*.

Примѣры: мы ходили бышыми шляхами; якій ты милый: въ эпихъ словахъ вездѣ одно *мягкое І*. (по Слобожанской методѣ писанія: мы ходылы бышымышляхами.) — Мѡй кѡнь нѣсь вѡдсѣль край дороги мѣжъ камѣньями; ѡхъ конѣи дорогѣи; дѣвка пѡшла за-мѡжъ, слѣзми обливаеця; у сына синѣи нѡсь. (по Слобожанской методѣ должно бы писать: мѣи кѣи нѣсь видсѣль крѣи дороги мѣжъ камѣньѣями; ѡхъ дѣвка пишла за-мѣжъ, слѣзѣи обливаецѣя; у сына сынѣи нѣсь.)

которому, отбросивъ всякое словопроизведеніе, стараются писать, слѣдуя только одному выговору: такъ на примѣръ, отбросивъ букву Ъ (вопреки всегдашнему употребленію оной Малороссіянами) для изображенія оспраго І употребляютъ только И, І, а для мягкаго — БІ; пишутъ гнуцьця, облываецѣя и п. д. Такимъ же образомъ и по Русски для многихъ гораздо легче писать *малако*, *кажетца*, *майѡ*, *святѡва* — но это не есть *правописаніе*, и въ Грамматикахъ называется *какографіей*. Впрочемъ надобно сказать и то, что правописаніе есть такой предметъ, по которому не бываетъ полного согласенія и въ самыхъ образованныхъ литературныхъ, и мѣлкія оплѣтки онаго болѣе или менѣе составляютъ особенность писателей. Тѣмъ менѣе могло существовать единогласіе въ правописаніи Малороссійскомъ. Однакожъ, если надобно уже вывести что-либо похожее на общее мнѣніе, по большинству случаевъ: то, сличая старинныя письма и множеству

X

II) Буква Е въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ выговаривается *остро*; послѣ согласныхъ выговаривается *твёрдо*; и тогда только выговаривается какъ *ю*, когда пишется съ двумя точками (ё).

III) Буква Г произносится чисто, какъ Латинское h (какъ у Чеховъ, Словаковъ). Иногда она прибавляется въ началѣ словъ къ гласнымъ буквамъ, на пр. гарапникъ, гей, госпрый; въ немногихъ словахъ, кажется, только иноспранныхъ, Г выговаривается какъ Латинское g, и въ такихъ случаяхъ можно писать КГ, либо опмѣчать особымъ значкомъ, по примѣру Сравнительнаго Словаря.

списковъ пѣсень, полученнымъ отъ разныхъ лицъ (большую часть не заботившихся объ искусственной и какой-либо определенной методѣ писанія), я нахожу, что къ наибольшему и привычному употребленію, ближе всѣхъ правописаніе Г. Копляревскаго, въ которомъ и буква Ъ удержана, и буква Ї употребляется почти въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ оно спавишя по правописанію Библейскому. Посему я и принялъ это правописаніе, сдѣлавъ къ нему два прибавленія: а) опмѣшку паеркомъ буквъ ѣ, ѣ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они выговариваются остро; б) введеніе коренныхъ гласныхъ буквъ ѡ, ѣ, ѡ, ѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они выговариваются какъ острое ѣ. Спавише вмѣсто ихъ букву И, отбросыте паерокъ — и правописаніе мое будетъ правописаніе Г. Копляревскаго. О всемъ этомъ подробно изъяснено будетъ въ Грамматикѣ моей, въ дополненіе къ тому, что сказано уже въ прежнемъ Сборникѣ.

IV) Буква В не выговаривается какъ *ф*; она, особенно послѣ гласныхъ, произносится какъ краткое У, обращаясь иногда и въ длинное У — (всѣ, усѣ; взявъ, узявъ; вслѣдъ, услѣдъ; въ лѣсѣ, у лѣсѣ). Наоборотъ, У иногда сокращается и какъ бы обращается въ В — (ужё, вже; у ёго, въ ёго; умираю, вмираю). Часто В прибавляется къ словамъ (начинающимся буквою О): вѣнъ, вѣна, вѣно, вѣвса, вѣвця, въ вѣчѣ (вмѣсто онъ, она оно, овца, овса въ очи); часто В замѣняетъ букву Л: повный повкъ, вовкъ, жовпый. Такимъ образомъ окончаніе 3го лица прошедшаго времени мужескаго рода, вмѣсто лѣ, всегда имѣетъ вѣ (ходивѣ, гулявѣ).

V) Когда послѣ ЛЬ, НЬ слѣдуетъ гласная, тогда предъ нею Л и Н повпоряются, напримѣръ: зѣлѣя, зѣлѣля; коханѣя, коханѣня; въ слогъ МЯ слышно послѣ М не только Ъ, но часто Н; напримѣръ: имѣня, времяя, памняшъ. Глагольное окончаніе тся или ться, выговаривается ця или цяця; да и вообще тс выговаривается какъ Ц.

VI) Часто О выговаривается какъ У (на пр. въ глагольномъ окончаніи оваши, въ словахъ: шабуръ и проч.). Иногда О скрадывается въ выговоръ, подобно тому какъ И сокращается въ Й — и въ такихъ случаяхъ можно употреблять ѳ, что и будетъ ѳ, прежде употреблявшійся въ срединѣ словъ (вѣлкъ).

VII) Частица да выговаривается та.

ПОПРАВКИ.

Въ сію часть вкралось нѣсколько опечатокъ и ошибокъ; почитаю необходимымъ и прошу читателей исправить слѣдующія :

Вѣ книгѣ первой.

- Спр. 21 стихъ 1. Украйиѣ — *чит.* Украйиѣ.
— 33 сизые орлы — *чит.* быстрые орлы.
— — степню розлеглась — *чит.* степню разлеглась.
— 56 внизу, Вмѣсто: Надѣлокъ — заступъ? кажется должно поспавить: надѣлокъ — ножны?
— 57 стихъ 5. пыпала — *чит.* пыпала.

Вѣ книгѣ второй.

- 67 — 1340 г. два раза ошибкою поставленъ вмѣсто 1320.
— 68 — Дума X — *чит.* Дума IX.
— 74 — Пѣсни о Морозенкѣ должно перенести въ претпій отдѣлъ; ибо онъ былъ современникъ Дорошенка (по замѣчанію Г. Евецкаго, полученному мною отъ Г. Срезневскаго).
— 111 спр. 10. 32 пѣсня относится къ 1731 (1761 явная опечатка).
— 115 Внизу опечатка : рапоръ *чит.* Прапоръ.
— 126 Землею Донскою *чит.* Землю Донскую.
-

КНИГА ПЕРВАЯ.

УКРАИНСКІЯ ДУМЫ.

Боянъ же, брагѣе, не десять соколовъ на спадо лебедей пуцаше,
Нъ, своя вѣщія пѣрсты на живая спруны вѣскладаше —
Они же сами Княземъ славу рокошаху!

Пѣснь Игорю.

А. — *Думы* суть пѣснопѣнія исключительно принадлежащія Бандуристамъ. Опъ *пѣсенъ* отличаются характеромъ болѣе *повѣствовательнымъ* или эпическимъ и *вольнымъ* размѣромъ, состоящимъ въ неопредѣленномъ числѣ стихическихъ стопъ, хотя иногда (по *лирическому* характеру Украинской Поэзіи) онѣ вдаются въ пѣсню: тогда и размѣръ принимаютъ опредѣленный, пѣсенный. Стихи почти всегда рифмованные. Содержаніе ихъ болѣею часію историческое.

Князь Цертелевъ первый издалъ въ свѣтъ 10 *Думъ* подъ именемъ: *Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ* 1819, коими я здѣсь вполнѣ воспользовался. Потомъ издали нѣсколько *Думъ* Гг. *Шпигоцкій* — въ Украинскомъ Альманахѣ 1831, и *Срезневскій* — въ Запорожской Спаринѣ 1833; изъ первой книжки ея заимствовалъ я *Думу* 5 и 6 во вѣпоромъ отдѣлѣ, а въ ней чинашеля найдушь двѣ *любовныя Думы*, принадлежащія къ первому періоду Козачества: одна *о дарахъ Баторія и смерти Богданка* (Ружнаго) другая *о походѣ Серплага* (П. Подковы).

Я слышалъ, что у Бандурисповъ есть большая *Дума*, въ кошорой воспѣвается *Дашковичъ*, одинъ изъ первыхъ вождей Запорожскихъ козаковъ. Безъ сомнѣнія, въ памяти Бандурисповъ сохранились *Думы* и пѣсни и о другихъ герояхъ первыхъ временъ козачества. Не уже-ли народъ не воспѣвалъ *Конашевича-Сагайдачнаго, Тараса, Павлюка* и другихъ? Но къ сожалѣнію эти пѣсни еще неизвѣстны намъ, и съ смертію спариковъ — Бандурисповъ многія изъ нихъ могутъ совсѣмъ погибнуть.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ БОЗACHECTBA ДО-УНІАТСКИХЪ.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта лепяпъ спрѣлы камены, гримлютъ сабли о шелома, прещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыи. Чръна земля подѣ копыты коспѣми была посяна, а кровію польяна — шѹгою взыдоша по Руской землѣ. . . .

Пѣснь Игорю.

Б. — Съчью называлось укрѣпленіе (подобное *острогамъ* либо *городкамъ*), гдѣ находился главный Запорожскій таберь или *кошъ*, по имени коего и начальникъ Съчи назывался *Кошевымъ Атаманомъ* или просто *Кошевымъ*. Первая (*старая* или *великая*) Съчь была на Днѣпровскомъ островѣ Хорпицѣ или Хорпищѣ, находящемся за Порогами близъ мыса Кичкаса. Этимологія *Съчи* таже что и *Застки*.

В. — Съчь дѣлилась на частии, называемыя *куреньями*, управляемыя *Куренными Атаманами*. Эти *курени* или *холовы* состояли изъ землянокъ, мазанокъ и шалашей, въ коихъ жили Запорожцы. При Бапторіѣ Украина раздѣлилась на 10 *Полковъ* (каждый съ своимъ *городомъ*), Полки дѣлились на *Сотни* (каждая съ своимъ *мѣстечкомъ* или *сошеннымъ городомъ*), а Сотни на *Курени* (съ слободами, селами, и хуторами). Но кромѣ такого собиращельнаго значенія, *Куренемъ* въ Украинѣ и на Дону называется и одинокій шалашъ, обыкновенно изъ простилика (очерёпа), либо орѣшника крышаго соломой, дѣланый для лѣтняго жилья на лугахъ и проч., да и въ Великороссіи (гдѣ большею частью избы *курныя*): *куренемъ* иногда называется шалашъ или полатка торговая. Въ Игровой пѣснѣ упоминается о *кұрлахъ* Тмушараканя (т. е. жилищахъ). *Куренемъ*, *кұрею* называлось жилье потому же, почему и теперь еще въ разныхъ мѣстахъ Россіи дворы называются *дымами*.

Г. — Кромѣ Кошевого и Куренныхъ Атамановъ въ Съчи были еще старшины: *Войсковой Судья*, *Войсковой Пи-сарь*, *Асаулъ*.

Всѣ старшины выбирались на *Радѣ*, т. е. Совѣтѣ (мірской сходкѣ, вечѣ). *Громадою* называлась общая сходка на Раду; у Куреней были свои частныя Рады (*до Куреня*).

ДУМА ПЕРВАЯ.

О ФЕДОРѢ БЕЗРОДНОМЪ.

Сей Куренной Апаманъ, можетъ быть, есть поэтъ самый
Безродный (Фома), который былъ Войсковымъ Писаремъ
при опшважномъ Гельманѣ Богданкѣ (1576).

По-надъ сагою (1) Днѣпровою
Молодой козакъ обѣдъ обѣдае; не дѣлае, не гадае,
Що на ёго молодого, ще й на чѣру (2) малого бѣда на-
стигае.

То не вѣрбы луговой зашумѣли . . .

Якъ безбожны ушкалы (3) налепѣли,

Хвѣдора Безродного, Опамана Куренного,

Постреляли, порубали — шольки чѣры не пой-
мали.

То малый чѣра до козака прибуває (4),

- (1) Сага — заливъ. Болоньемъ называется собств. лугъ, лугомъ же назывался лѣсъ, покрывающій низменные мѣста (какъ у южныхъ Славянъ вообще); отъ того *лугъ* называется въ пѣсняхъ *темнымъ*, — часто говорится о *шумѣ* луга. Отъ пороговъ за Днѣпромъ идетъ великій *лугъ*, и у Запорожцевъ (*Лугарей*) была пословица: *Сѣвъ мати, а великій лугъ батько*. (2) Чѣра — вѣрный слуга или оруженосецъ. (3) Ушкалы — разбойники. Не суть ли это Русскіе *ушкуйники*, разбѣжавшіе на судахъ, называемыхъ *ушкунями*. (4) Прибували — прибывать, приходитъ. Бути — быть.

Раны ёму глыбокіи промывае. То коза́къ ёму про-
мовляе (5);

„Чуро мой, чуро! Вѣрный слѣго!

По́йди ты степомъ по-надъ Днѣпро́мъ.

Послу́хай (6) ты, чуро: чи (7) по гу́сы крича́тъ,
чи лебе́ди я́чятъ,

Чи ушка́лы гуду́тъ, чи мо́же (8) коза́ки Днѣпро́мъ
иду́тъ?

Ко́ли гу́сы крича́тъ, а́бо лебе́ди я́чятъ — по
сже́ни (9);

Ко́ли ушка́лы гуду́тъ — мене́ зхоро́ни;

Ко́ли-жъ коза́ки иду́тъ — по объя́ви,

Неха́й вонь чо́вны до бе́рега приверта́юуъ,

Мене́ Хвѣ́дора Безро́дного навѣща́юуъ.“ —

То чу́ра ма́лый по бе́регу пробѣ́гавъ,

Козако́въ забача́въ (10), ша́пкою маха́въ, слова́ми
промо́влявъ:

— Па́но́ве-моло́дці! до́бре вы дба́йте (11),

Чо́вны приверта́йте, до Ота́мана Курѣ́нного поспѣ́-
шайте!

То коза́ки тѣе́ зачува́ли (12),

До бе́рега приверта́ли, Ота́мана навѣща́ли.

- (5) Промовля́ши — говори́тъ, промолви́шь. Мовъ —
словно. Мо́ва — рѣчь. (6) Слу́хати — слуша́ть.
(7) Чи — ли, стави́лся въ нача́лъ слова. (8) Мо́же —
можетъ бы́ть; ма́бушь — видно, зна́ть. (9) Же́ну́,
гна́ши — гоню́, гна́ть. (10) Забача́ти — савидѣ́ть;
ба́чу — ви́жу; ба́чишься — ка́жется, сда́ётся. (11)
Дба́ти — здѣсь знач. посту́пать; ча́ще употре́бл. вм. при-
обрѣ́тать; до́бре — хоро́шо. (12) Чу́ши — слы́шать.

Тогдѣ козаць чуро выхваляе, словами промовляе:

„Чуро мой, чуро! вѣрный слуга!

Коли ты будешь вѣрно пробувати,

Будути тебе козаки поважати!“

То тѣе промовлявъ, опрощѣнне зо всіми бравъ,

Милосѣрному Богу душу отдавъ. —

Тогдѣ козаки шаблями суходоль (13) копали,

Шанками, припѣлами (14) перспѣ выймали,

Хвѣдора Безродного ховали,

Въ семипядній пицалѣ гремали,

У сурѣмки (15) жалѣбно выхваляли:

То ще добре козацька голова знала,

Що безъ войська козацького не вмирала!

П Е Р Е В О Д Ъ

Надъ заливомъ Днѣпровскимъ молодой козаць обѣдаешъ обѣдъ. Онъ не думаетъ, не гадаешъ, что его молодого, и его малаго чуру бѣда наспигаетъ.

То не вербы лѣсныя зашумѣли. . . безбожные разбойники налетѣли; *Хвѣдора Безроднаго* Куреннаго Атамана поспрѣляли, порубили, только не поймали его чуры.

Вотъ малый чура приходитъ къ козаку, промываетъ ему глубокія раны.

Молвитъ ему козаць: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! Пойди ты степью по-надъ Днѣпромъ; прислушай ты, чура:

(13) Суходоль — земля сухая. (14) Припѣлы — концы поля. (15) Сурма и Сурѣмка — труба, Сурмачъ — трубачъ. Сурмиши — трубишь.

гуси-ль по кричають, ячають-ли по лебеди, разбойники-ль гуляють, или можеть, козаки Днѣпромъ идуць? Коли кричають гуси или ячають (*) лебеди, по сгони; коли разбойники гуляють, схорони меня; коли жь козаки идуць, по скажи, пусть они челноки свои приворачивають къ берегу и навѣспяють меня козака Федора Безроднаго.

Вотъ, малой чура пробѣжалъ по берегу, завидѣлъ козаковъ, машеть шапкою, говоритъ словами: Паны - молодцы! сдѣлайте доброе дѣло, приворачивайте челноки, поспѣшайте къ Атаману Куренному.

Козаки по услышали, къ берегу причаливали, Атамана навѣспили.

Хвалиють козакъ чуру и говоритъ такія слова: „Чура мой, чура! вѣрный слуга! коли ты будешь вѣрно жить, будуць тебя козаки чпить.“ —

Такъ говорилъ онъ, со всѣми прощался, милосердому Богу опдалъ душу.

Тогда козаки саблями копали суходолъ, выгребали землю шапками и приполами, хоронили Федора Безроднаго; гремѣли изъ семипяденныхъ пищалей, и жалобно выхваляли его въ трубы: дѣло козацкая голова знала, что безъ войска козацкаго не умирала!

(*) Ячають — говорится про крикъ лебедей, который въ Русскомъ языкѣ кажется, не выражается особымъ словомъ. Кукушка (зозуля) — куётъ; воронъ — крячеть, груеть (въ Пѣс. Игор. *граеть*); кречеть — кѹркуеть и проч.

ДУМА ВТОРАЯ.

ПОБѢГЪ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА.

Муравскій шляхъ (дорога), о которомъ говорится здѣсь, идетъ отъ *великой стѣги* (остр. Хорпицы на Днѣпрѣ) на сѣверъ къ верховьямъ Ворсклы и С. Донца. Между Азовомъ и симъ шляхомъ находятся большіе *байраки* (овраги или буераки); а за шляхомъ у верховья р. Самарки, какъ видно изъ думы, должна быть могила (курганъ) *Саворь*, о которой упоминается и въ пѣснѣ о *Морозѣнкѣ* (кн. II-№ 6). —

Въ думѣ сей къ списку Кн. Цершелева я сдѣлалъ пополненіе изъ списка Г. Шпигоцкаго (Укр. Альм. 1831).

Изъ гóрода изъ Азóва не великіи шумáны вспá-
вали,

Три бра́та рóднёнькихъ зъ пѣжкою невóли впѣ-
ка́ли (16).

Два ко́нныхъ; прѣпѣи пѣшій за нѣми по́дбѣгае,
На сы́ре корѣнья, на бѣле ка́мѣнья

Но́жки свои коза́цкіи по́стѣкае, крóвью слѣды
залива́е,

До ко́нныхъ бра́товъ до́бѣгае, слова́ми промовля́е.

(16) Упѣ́кати — убѣгать, уходить.

„Станьте вы, братья! коней попасите, мене по-
дождите,

Зь собою возьмите, до городѣвъ хрестіянскихъ
подвезите.“

То середульшій (17) тѣе зачувавъ, старшого пы-
тавъ;

То старшій ему словами промовлявъ:

— Чи ще-жъ побѣ не далася тяжкая неволя знати?...

Якъ будемъ мы брата дожидаши,

Буде насъ погоня доганяши, буде насъ спре-
ляши, рубяши,

Або (18) въ тяжкѣй работѣ будемъ пропадати. —

„Коли-жъ мене, брата, не хочете ждати —

Ставъ меньшій промовляти —

То прошу васъ, брата: на праву сторону звер-
тайте,

Шаблі изъ похвъ (19) винимайте, плѣмо мое
порубайте,

Въ чистѣмъ степу поховайте (20),

Звѣрю да плічѣ на поталу (21) не дайте!“ —

То середульшій тѣе зачувавъ,

Словами промовлявъ:

— Сего, брате, изъ-роду нигдѣ не чували,

Щобъ родною кровью шаблѣ обмывали,

Або гострымъ списомъ (22) опрощенье брали. —

(17) Середульшій или середущій — середній. (18)

Або — либо. (19) Похва — ножны. (20) Ховаши —

хоронить, прятать. (21) Потала — покормка. (22)

Спись — коны, пика. Гострый — острый.

„Коли-жъ не хóчете, бра́нця, менé рубáши,
То прощу́ васъ, бра́нця, якъ бóдете до байра́-
кóвъ прибува́ши;

Терно́ви вѣпки въ запóлье (23) рубáйте,

Менѣ призна́ку покида́йте!“ —

То вже два казаки́ въ байраки́ вѣзжа́е;

Середу́льший бра́нъ милосе́рдіе ма́е:

Верховѣ́шья у терно́въ змина́е (23'),

Меньшому́ бра́ту примѣ́ту покида́е.

(А якъ спáли на Мура́вській шляхъ вѣзжа́ши,

Нѣчѣ́мъ ё́му призна́кóвъ покида́ши;

Во́нь черво́ну (24) кипáйку зъ-пóдъ жупáна (25)
выдира́е,

По шляху́ розкида́е, меньшому́ бра́ту примѣ́ту
зоспа́вляє. /

То якъ спа́въ пѣшехо́дець зъ терно́въ выходѣ́ши,

Спа́въ черво́ну кипáйку находѣ́ши:

У рúки хва́пае, дрóбными слéзами облива́е.

„Не-дúрно (26), промовля́е, черво́на кипáйка по шля́-
ху валя́е,

Ма́бушь (27) мо́йхъ бра́то́въ на свѣ́пѣ нема́е! ...

Ма́бушь за нѣ́ми зъ гóрода Азо́ва погóня вспава́ла,

Менé въ терна́хъ на спочѣ́вѣ (28) мина́ла,

Бра́то́въ мо́йхъ доганя́ла, спреля́ла, рубáла!

(23) Запóлье — завороты поля. (23') — ссы́каешь. (24) Чер-
во́ный — красный (чермный). Червонная кипайка весьма часпо
упоминается. (25) Жупáнь — кафтанъ. (26) Недúрно, не-
да́рма — не даромъ. (27) Ма́бушь — можетъ быть,
видно. (28) Спочѣ́вѣ, опочѣ́вка, — отды́хъ, сонъ.

Колибъ менѣ Богъ
 Милосѣрдый помогъ
 Тѣло козацъке находипи,
 Въ чѣспомъ степѣ хоронипи!“ —
 Що одно безвѣдѣе, друге безхлѣбѣе,
 Трѣтѣе буйный вѣперъ въ полѣ повѣвае,
 Бѣдного козака зъ ногъ валяе . . .
 — „Ой годѣ-жъ менѣ за кѣнными брапами уганяпи,
 Часъ менѣ козацкѣмъ ногамъ полѣгу (29) дати!“
 То тѣе промовлявъ, до Саворъ-могилы прибувавъ,
 Подъ Саворъ - могилою спочивавъ.
 Въ той часъ сѣзы орлы налѣпали,
 Пильно (30) въ очѣ козаковѣ заглядали.
 Козакъ тѣе забачае,
 Словами промовля:
 „Орлы сизо-пѣры,
 Гѣспѣи мой милы!
 Прошѣ я васъ тогдѣ налѣпали,
 Зъ лѣбу очѣ менѣ высмыкали (31),
 Якъ не буду я свѣта Бѣжого видати. . .“
 То тѣе промовлявъ,
 За часъ, за годину милосѣрдому Бѣгу дѣшу оддавъ.
 Тогдѣ орлы налѣпали, зъ лѣбу очѣ высмыкали,
 Тогдѣ ще й дрѣбна пѣпѣця налѣпала,
 Коло жѣвпѣи кѣстѣи пѣло оббѣрала.
 Вѣвкѣ-сѣроманѣцѣи (31') набѣгали, пѣло козацъке
 рвали,
 (29) Пѣльга — лѣгота (польза! шакъ вѣм. *нельзя*, го-
 ворящъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *нелѣга*). (30) Пильно,
 спильна — приспально; пильновати — прилѣжати.
 (31) Смѣкаши — дергати. (31') Вѣвкъ сѣроманѣ-
 нецъ — волкъ - сѣрякъ.

По пёрнахъ, по бálкахъ жóвпу кóспь жвакова-
ли (32),

Жалобнёнъко квілили, проквіляли (33):

То жъ воні козацькіи похорóны одправляли!

Де-ся взялась сіза зозуленька,

Въ голóвкахъ сѣдала, жалобно кувала;

Якъ сеспрá брата, абó ма́пи сýна оплакала. —

Спали ко́нны бра́ты до городóвъ хрестіянсь-
кихъ дохожа́пи,

Спала къ ихъ серццямъ вели́ка шуга наляга́пи.

То середу́льшій бра́тъ до спáршого бра́та слова́-
ми промовляе:

„Не-дурно къ на́шимъ серццямъ вели́ка шуга на-
ляга́е:

„Ма́бутъ на́шого бра́та живóго на свѣ́шть нема́е!

„Якъ бу́демо, бра́те, до опця́ й ма́пері́ при-
бува́пи?

„Якъ бу́дуть воні́ насъ пы́па́пи, то щó спа́-
немо ка́зали?

То спáршій бра́тъ пее́ зачува́е,

До середу́льшого слова́ми промовляе:

„Ска́жемъ: не въ одного́ па́на въ нево́ль бува́ли,

Но́чноі до́бы (33') зъ нево́лі впѣ́кали,

Его́ со́нного буді́ли не збуді́ли,

Тамъ ё́го въ нево́ль й зоста́нови́ли!“

То середу́льшій бра́тъ пее́ зачува́е,

(32) Жвакова́пи — жрать, жвакать. (33) Кві́лили, прокві́ляли — выпь, завываь. (33') Ночно́ю поро́ю. До́ба — пора, время.

До старшого брата словами промовляе:

„Якъ не будемъ отцю й матерѣ правды казати,
То буде насъ опцѣвська й материньска молитва
карати. —

Тодѣ старшій браты на полѣ Самарськѣй выѣзжають,
Надъ рѣчкою Самарською опочивку собѣ мають,
Коней попасають.

Въ той часъ безбожными бусурманы набѣгали —
И пыхъ двухъ братовъ порубали,
Тѣло козацьке карбовали (34),
Въ чистомъ полѣ розкидали,
Головы на шаблѣй вздымали, довго глумовали!

ДУМА ТРЕТЬЯ.

ЧЕРНОМОРСКАЯ БУРЯ.

Въ Цертелевскомъ спискѣ сей Думы атаманъ Запорожскій *Грицько* названъ *Зборовскимъ*, а въ спискѣ Г. Шпигоцкаго *Грицькомъ Коломыйгенкомъ*: кто онъ такой, навѣрно опредѣлить не могу. По названію *Алексы Поповита* козакомъ *реестровымъ* видно, что это было уже послѣ Богданка. — Оспровъ *Тентреви* или *Тентра* недалеко отъ Днѣпровскаго лимана, пропивъ Кинбурнской косы.

(34) Карбовати — нарубать, рубить, — опшуда карбованецъ — цѣлковой рубль (съ насѣтками вокругъ).

На Чорному морѣ на бѣлому камнѣ
 Ясненькій соколъ жалобно квилить, проквиле,
 Смушно себе мае, на Чорнее море спильна поглядае.
 Що на Чорному морю недобре ся-починае,
 Що на небѣ усь звѣзды пошмарило (35),
 Половину мѣсяца въ хмáры (36) вступило.
 А изъ низу буйный вѣперъ повѣвае,
 А по Чорному морю супропивна хвила (37) вставае,
 Судна козацькй на три частй розбивае.
 Одну часть взяло — въ землю Агарську занесло,
 Другу часть горло (38) Дунайське пожерло (39),
 А третя—гдѣ ся-мае? — въ Чорному морю потоплае.
 При той частй бувъ Грицько Зборовський
 Опаманъ козацькй Запорозський,
 Той по судну похожае, словами промовляе:
 „Хло-сь мѣжъ нами, панове, великій грѣхъ на
 собѣ мае!

Що-сь дуже злая хуртовина (40) на насъ налягае.
 Сповѣдайшесь, панове, милосѣрному Богу,
 Чорному морю, и менѣ Опаману Кошовому;
 Въ Чорнее море впадѣте,
 Войска козацького не губѣте!“

То козаки пее зачували, усь замовчали,
 Бо въ грѣхахъ себѣ не знавали.

Тольки обозвався Писарь Войськовый, козаць
 леспровый,

- (35) Пошмарили — помрачили. (36) Хмáра — туча.
 (37) Хвила — волна. (38) Горло, — устье. (39)
 Пожерло — пожрало. (40) Хуртовина — на-
 пасть, буря.

Пиряпинскій, попóвичъ Олексѣй:

„Дóбре вы, бра́тца, вчинѣ́те (41), менé са́мого, вóзьмѣ́те,

„Менѣ́ чóрною кипа́йкою о́чи завяжѣ́те,

„До шѣи бѣ́лый ка́мѣнь причепѣ́те (42),

„Да й у Чóрнее мо́ре зóпхнѣ́те!

„Неха́й бóду о́днѣ́ погиба́ти,

„Коза́цкаго вóйска не збавля́ти!“

То коза́ки тѣ́е зачува́ли, до Олексѣ́я По́повича промовля́ли:

„Ты-жѣ́ свѣ́тѣе пи́сьмо въ ру́ки берѣ́шь, чи- па́ешь,

„Насѣ́ прóстыхъ лю́дѣй на все дóбре настав- ля́ешь,

„Якѣ́-же на́ибольше о́дѣ́ насѣ́ на собѣ́ грѣ́ховъ ма́ешь?

— Хо́чѣ́ свѣ́тѣе пи́сьмо я чи́таю,

Васѣ́ прóстыхъ лю́дѣй на все дóбре наставля́ю,

А я все са́мъ недóбре почи́наю.

Якѣ́ я изѣ́ го́рода зѣ́ Пиря́пина, панóве, вы́ѣзжа́въ,

Опро́щѣ́нѣя зѣ́ пан-опце́мъ и зѣ́ панѣ́-ма́лкою не бра́въ,

И на сво́го ста́ршого бра́та вели́кій гнѣ́въ по- кла́давъ,

И блі́зкихъ сусѣ́довъ хлѣ́ба-й-со́ли безневи́нно збавля́въ (43'),

Дѣ́ти ма́лыи, вдо́вы ста́рыи спрѣ́мнѣ́мъ въ гру́ди- повка́въ,

(41) Чиню́, чини́ши — дѣ́лаю. (42) Причепи́ти — прицѣ́пить; чепѣ́, ланцю́гъ — цѣ́пь. (43') Збав- ля́ти — лиша́ть, убавля́ть.

Безпéчне по ўлицямъ конёмъ гулявъ,
 Пропивъ цёркви, до́му Бóжого проѣзжа́въ,
 Ша́пки зъ себе не зніма́въ, хрестá на се́бе не кла́въ.
 За не́ я, панóве, вели́кій грѣхъ маю, тепе́рь по-
 гиба́ю!

Не ёсть се, панóве, по Чóрному мóрю хви́ля встанáе,
 А ёсть се — менé опцёвська́ й материнська́ моли́т-
 ва кара́е!

Коли́бъ менé сýя хурповина́ злая́ въ мóрь не впопи́ла,
 Одъ смёртнй моли́тва борони́ла :

То зна́въ бы я опця́ й ма́тёръ шанова́ни, поважа́ни,
 То зна́въ бы я смáршого бра́па за рóдного опця́
 почи́а́ни,

И сесирю́ рóднёнку за нёнку (44) у се́бе ма́ти!“ —

То якъ спáвъ попóвичъ Олексій грѣхн́ свои́
 сповѣ́да́ни,

То спáла злая́ хурповина́ по Чóрному мóрю спи-
 ха́ни,

Сúдна коза́цький до-горы́ (44') якъ рука́ми по́дóйма́ла,
 До Тёнпрева́ о́строва прибивáла.

То всѣ́ погди́ козаки́ дивомъ дивова́ли,

Що по я́кому Чóрному мóрю, по бы́строи хви́ль
 попо́пали,

А ни́ одного́ козака́ зъ-межы́ вóйска не вперя́ли! —

Опъ-же погди́ Олексій Попóвичъ изъ сúдна выхожа́е,

Бере́ свяще́е письмó въ ру́ки, чи́па́е,

Усѣ́хъ прóспыхъ люде́й на все до́бре навча́е, до
 козако́въ промовля́е :

(44) Нёня, нёнка — родимая, матушка. (44') До-
 горы́ — вверхъ.

Ча́сть I.

„От-тѣмъ-бы то, панове, треба людѣи поважати,
 „Пан-отця и пани-матку добре шанувати;
 „Бо копорый чоловікъ пиє уробляє (45),
 „Повѣкъ той счастье собѣ мае,
 „Смертѣльный мечъ того минає:
 „Отцѣва и матчина молитва зъ дна моря выймає,
 „Одъ грѣховъ смертѣльныхъ душу одкупляє,
 „На полѣ и на морѣ на помѣчь помогає!

(45) Роблю, робіти — дѣлаю, дѣлашь.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА

ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ПРОТИВЪ УНІИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Ужé бѣ, братіе, не веселая година вспала: вспала обида въ силахъ Дажь-божа внука . . . Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харамузѣ скована, а въ бѣспіи закалена . . . Мужаймься сами! преднюю славу сами похитимъ, а заднюю сами подѣлимъ . . . А чи диво ся, братіе, спѣру помолодѣши? Коли соколъ въ мыпехъ бываешъ, высоко пшицъ възбиваешъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду!

. . . Луце-жъ бы попяту быши, неже полонену быши!

Пѣснь Игорю.

Д. — ГЕТЬМАНЩИНОЮ называлась Украина отъ своихъ вождей, кои именовались ГЕТЬМАНАМИ, по примѣру вождей Липовскихъ, называвшихся *Гетманами*, *Гедманами* или *Гедиманами*, вѣроянно по имени славнаго *Гедимина*. Можетъ быть, названія: *Король* произошло отъ *Карла*, *Carolus*; *Цесарь* отъ великаго *Цезаря*; *Султанъ* отъ имени *Салтана*. На время оплочки Гетмана изъ Резиденціи поставлялся въ Украинѣ НАКАЗНЫЙ ГЕТЬМАНЪ; а въ отсутствіе съ поля бывшы, власть его принималъ ГЕТЬМАНЪ НАПОЛЬНЫЙ.

Е. — МОСКОВЩИНОЮ называлась Великая Россія, Московія; шведчиною Швеція; волощиною Валахія и Молдавія; такимъ же образомъ туретчина, татарщина; вѣлгорѣдчиною называлась Тапарская сторона между Днѣпромъ и Днѣспромъ; польсьемъ — Белостокская область; подольемъ — Подолія; покутьемъ — Буковина.

ДУМА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗСТАНІЕ НАЛИВАЙКА.

Дума сія опіюється къ 1596 году, когда Гетьманъ *Павель Наливайко* разбилъ Жолкевскаго при Чигринѣ. По Лѣтописямъ, на прехъ кресахъ вывѣшены были Жолкевскимъ захваченные подъ Кáневомъ козацкіе спаршини: *Богунъ*, *Сутигъ* (или *Сутига*, а въ думѣ *Сóмино*), и *Войновичъ*; а Наливайко выставилъ такую надпись: *Миръ Христіянству, а на загищника Богъ и Его Крестъ.*

Ой у нашої у славної Украинѣ
Бували коли-сь (46) преспірашнии злыгодні, без-
дольні годіны;
Бували й мори й войскові чváры; (47)
Ніхто Вкрайнеців не рятовавъ; (48)
Ніхто за їхъ Бóгові моли́твъ не посыла́въ;
Тóльки Святий Бóгъ на́шихъ не забува́въ,
На великі зусі́лля, на вóдповѣ́дя держа́въ.
Тóльки Бóгъ святий зна́въ, що вóнь дума́въ,
гада́въ, замы́шля́въ,
Як незго́дины на Украинську землю посыла́въ.
Опѣ-же й пройшли, ізóйшли злыи незго́дины:
Нема́є ні́кого, що-бъ на́съ подо́ляли!
Тóльки Бóгъ Святий зна́въ
Що вóнь дума́въ, гада́въ, замы́шля́въ . . .

(46) Когда-то. (47) Чváра — гроза. (48) Рятова́ти, ра-
пова́ти — избавля́ть, спаса́ть.

Не дѣнь и не двѣ Ляхи Україну пайндровали,
 Ни на часиночку одпочинья не мали,
 Коней на -взаводахъ дѣнь и нѣчь держали,
 До Гетьмана Наливайка дорогу верстали.
 А Гетьманъ хоробрый Наливайко — що вѣнь дѣмає
 гадає?

Що вѣнь за дѣлю поваришѣвъ своихъ замышляє?
 Тѣльки Богъ Свяпый знає, що єму на помѣчь
 помагає!...

Изъ-за горы хмѣра выступѣе — выступѣе, выходѣе,
 До Чигринѣ громомъ вигрѣмляє,
 На Украинську зѣмлю блискавкою блискає.
 То Поляки черезъ три рѣки при переходѣ мали,
 Да й бѣля прѣпѣго переходу спѣномъ спѣли;

Пустѣли коней на попасѣнье,
 Самѣ собѣ дали на три годѣны одпочивѣнье. —
 А що Гетьманъ Наливайко дѣмає, гадає?
 Що вѣнь на незгѣду Ляхѣвъ замышляє?
 Тѣльки Богъ тѣе знає, що єму на помѣчь помагає! —
 То не хмѣры по нѣбу громомъ свяпымъ вигрѣм-
 ляють,

То не свяпыхъ вѣны до Бога проважѣють:

То Ляхи у бѣбны вдарѣють,
 У свистѣлки да у трѣбы выгравѣють,
 Усѣ вѣйсько своѣ до-кѣпы у громаду скликають,
 Що-бъ ишли усѣ до громады на послухѣнье,
 Слухѣши Гетьмана Жовковського одповѣдѣнье.
 Опъ-то й прѣйшли усѣ, рѣдомъ спѣли,
 Усѣ рѣдомъ спѣли, да й замѣчали,
 Гетьманське опповѣданѣ слухѣши зачѣли;
 А послѣхавши, коней сѣдѣли,

Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали:
 Мосты мостили, грѣбли гапили, колья заби-
 вали,

Горзину да дрянницю клали,
 Черезъ Бѣлу-рѣчку переходъ великій мали;
 А, перейшовши, огороды да шанцы рѣбили,
 У-въ окрѣплъ гармапы (50) спановили,
 А по-передъ гармапами при хресты вколотили.
 А що первый хрестъ, то Сомино висить —
 Сомино висить, барзо голосить;
 А що другій хрестъ, Богунъ висить —
 Богунъ висить, шаблюкою лопотить;
 А що третій хрестъ, то порожній стойтъ,
 Усѣхъ иныхъ козаковъ до себе поджидае, —
 Козаковъ поджидае, козаковъ оглѣдае:
 Кто первый подойдет, того гармапа убѣе;
 Кто другій добѣжитъ, того самопаль (51) цапне;
 Кто третій подлеститъ, той хреститься буде, —
 Хреститься буде, и молиться спане;
 Що хрестъ зъ осокъ — то его надбана! . . .

А козаки глядели, у вѣчи вбачали,
 Премѣжъ себе бурковали, раховали,
 Три корогвы на забаченье Ляхамъ спановили,
 На корогвахъ уговоръ - рядну писали:
 „Вѣрному православному Христіянству миромъ
 миръ;

А Ляхамъ-ворогамъ пекельный пиръ.
 Въ кого хрестъ — на того и Хрестъ!“ —

Отъ-се-жъ и пошли наши на чопыри поля
 Що на чопыри поля, а на пѣшее на Подолье;

(50) Гармапа — пушка. (51) Самопаль — ружье.

Ляхѡвъ на всѣ спѡроны, по всѣмъ хрестіамъ ко-
лопѣли;

Ляхі опрощѣнья просили, да не допросились:
Не такѡвськи козаки, що-бъ опрощѣнье дали,
Не такѡвськи й Ляхі, що-бъ напастъ забули!

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала.
Що вона кувала, про-мѣжъ свяпыхъ чувала;
Що вона кувала, тому й бупи-спати, —
Якъ стануть бѣсы правыхъ й неправыхъ єднапи,
Души забірапи, у пекло до-купы складати.
Водъ того й сего, одъ иного чого Бѡже намъ помѡже.
Про те вѡнь и знае, що вѡнь думае, гадае,
Що Павлові Наливайкові да на помѡчь помагае.
Не намъ про тее, за тее раховати:

Наше дѣло Богові моли́ться,
Спасителю хресті́йся!

П Е Р Е В О Д Ъ.

Какъ въ нашей славной Украинѣ бывали когда-то страш-
ные, злые дни, бездольныя времена; бывали и моры и
войсковыя свары: никто Украинцамъ не помогалъ, никто за
нихъ Богу молитвъ не возсылалъ; а только Святый Богъ
нашихъ не забывалъ, для великихъ усилій, для опѣта
(врагамъ) сохранялъ; только Богъ Святый зналъ, что Онъ
думалъ, гадалъ, замышлялъ, когда невзгодя на Украинскую
землю посылалъ!

Вопъ и прошло, разошлось злое безвременье; — нѣтъ
никого кпобъ одолѣлъ насъ! только Богъ Святый зналъ,
что онъ думалъ, гадалъ, замышлялъ!

Не день и не два Ляхи грабили Украину, ни на часъ не имѣли отдыха, день и ночь коней во всѣ повода гнали, къ Гетьману Наливайку дорогу держали.

А Гетьманъ храбрый Наливайко — что онъ думаетъ, гадаеть? что онъ на долю поварищей своихъ замышляетъ? Только Богъ Святый знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

Изъ за горы пуча выступаетъ, — выступаетъ, выходитъ, до Чигрина громомъ гремитъ, на Украинскую землю молніей блещетъ. То Поляки, черезъ прирѣки шли при перехода; а возлѣ прѣпѣлого перехода спали спаномъ, пустили коней на паству, а себѣ дали отдыха на при часа.

А что Гетьманъ Наливайко думаетъ, гадаеть? — что онъ на невзгодѣ Лиховъ замышляетъ? — Только Богъ Святый по знаетъ, что ему Онъ помогаетъ.

То не пучи по небу святымъ громомъ гремятъ, по не Святыхъ къ Богу онѣ провожаютъ: по Ляхи бьютъ въ бубны, играютъ на свисткахъ и трубахъ; все войско свое въ одну громаду скликаютъ, чтобы всѣ шли въ громаду на послушанье, слушать опповѣдь Гетьмана Жолкевскаго. — Вотъ и пришли; всѣ рядомъ спали, — рядомъ спали и замолчали. Гетьманскую опповѣдь начали слушать; а выслушавъ, коней сѣдлали, черезъ Бѣлую-рѣчку большой переходъ держали: мосты мостили, гаши гашили, вбивали колья, клали хворостъ и дрань, — черезъ Бѣлую-рѣчку переходъ великій держали. А перейдя, дѣлали огорожу и шанцы, ставили пушки въ окрѣпъ, а передъ пушками при креспа вколопили. А что первой креспъ — по *Самно* виситъ, — *Сомно* виситъ, громко голоситъ. А что другой креспъ, по *Богунъ* виситъ — *Богунъ* виситъ, саблею стучитъ.

А что третій крестъ , то порожній стойтъ , — всѣхъ другихъ козаковъ къ себѣ поджидаетъ , козаковъ поджидаетъ , козаковъ оглядаетъ . Кто первый подойдетъ , того пушка убьетъ ; кто другой подбѣжитъ , того самопалъ хващитъ , а кто третій подлеститъ , потъ креститься будетъ , креститься будетъ молился станетъ : крестъ изъ осоки — его участь!.. А козаки глядѣли , своими очами видѣли , про-между себя переговаривались , судили ; — при хоругви на видъ Ляхамъ спановили , на хоругвяхъ уговоръ-рядную писали : *Вѣрному православному Христіанству миромъ миръ , а Ляхамъ-врагамъ адскій пиръ . У кого крестъ — на того и Крестъ ! —*

Вотъ и пошли наши на четыре поля , что на четыре поля , а на пятое на Подолье ; — Ляховъ на всѣ спороны окрестъ себя колошили . Ляхи прощенья просили , да не допросились : не таковскіе козаки , чтобъ прощенье дали ! не таковскіе и Ляхи , чтобъ напастъ забыли .

Будетъ и нашимъ бѣда , какъ кукушка куковала . Что она куковала , то она промежъ Святыхъ слыхала ! что она куковала , тому и бытъ-спастъ : какъ станутъ бѣсы правыхъ и неправыхъ единить , собирать души и въ аду въ кучу валишь . Ошъ того и сего , и другаго чего — да спасетъ насъ Богъ ! Про то Онъ и знаетъ , что Онъ думаетъ , гадаетъ , что Павлу Наливайку Онъ помогаетъ ! Не намъ о помъ и про то судить . Наше дѣло Богу молился , къ Спасителю креститься !

Прим. Нѣкоторыя измѣненія въ сей думѣ слышаны по списку , полученному мною ошъ Г. Срезневскаго .

ДУМА ПЯТАЯ.

ПОХОДЪ НА ПОЛЯКОВЪ.

Превосходная Дума сія относится къ 1637 году, когда казаки ополчились снова, послѣ ужасной смерти *Павлюка*. О Хорунжемъ *Самкѣ Мушкетѣ*, который представленъ идущимъ чрезъ поле битвы, усыянное трупами, я не знаю по Испоріи. — Подъ именемъ *Степана Кукурузы* здѣсь разумѣется; я думаю, *Степанъ Острица*, который послѣ победы своей захваченъ ночью въ Кѣневскомъ монастырѣ и въ Вѣршавѣ колесованъ. *Карло Пѣвтора-Кожуха*, бывшій послѣ Острицы въ 1639 предводителемъ козаковъ, былъ точно разгульная голова, — онъ и жизнь кончилъ въ снѣгахъ Крымскихъ, похороненный своею дружиною въ горблочною бочкѣ. Пѣсня его и нынѣ любима въ народѣ, который передѣлалъ ее въ разные виды (см. Кн. III).

Ой пошли казаки на чотыри поля,
Що на чотыри поля, а на пяте на Подолье.
Що однимъ полемъ — то пощовъ Самко Мушкетъ,
А за Паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи,
Усе хоробрыи товарищи Запорозьци.
На коникахъ выграваютъ, шабельками блискаютъ,
у бубны вдаряютъ,
Богови молишвы посылаютъ, хресны покладаютъ.

А Самко́ Мушкёпъ — по вѣнъ на коню́ да й не
выгравѣе ,

Коня́ удержи́е , до се́бе припиа́е , ду́мае, гада́е.
Да що́-бъ сто чорпѣвъ ли́хомъ вби́ли ту ёго́ ду́му,
що гада́нъе ! —

Самко́ Мушкёпъ ду́мае, гада́е, слова́ми промовля́е :
— „А що́, якъ на́ше коза́чество, мовъ у пе́кли, Ляхи́
спяля́тъ ,

Да зъ на́шихъ коза́цькихъ коспей́ пиръ со́бъ на
похмѣ́ля зва́рятъ ! . . .

А що́, якъ на́ши го́ловы коза́цьки по спену́-но́лу
поля́жущъ ,

Да ще́ й ро́дною кро́втю вми́юпъся ,
Поперероско́лопыми шабля́ми покрыва́юпъся ! . . .
Пронаде́, мовъ поро́шина зъ ду́ла, та́я коза́цька
сла́ва ,

Що по все́му свѣ́ту ды́бомъ спа́ла ,
Що по все́му свѣ́ту спѣ́номъ розля́глась , про-
стя́глась ,

Да по все́му свѣ́ту луго́вымъ го́мономъ роздала́сь ,
Турѣ́ччинъ да Тапа́рщинъ до́брымъ ли́хомъ зна́пи
дала́сь ,

Да й Ляха́мъ-ворога́мъ на спи́сь оддала́сь !“ . . .

Захря́че во́ронъ спѣ́номъ леплю́чи ,

Запла́че зозу́ля лу́гомъ скачу́чи ,

Заку́ркуютъ крече́ты сиа́й ,

Загада́юпъся о́рлики хи́жй —

Да все́, усе́ по своїхъ брата́хъ ,

По буйныхъ това́ришахъ козака́хъ ! . . .

Чи то́ ихъ зга́рбомъ занесло́ ?

Чи то́ ихъ у пе́клъ попону́ло ?

А за нѣмъ идуть мало-мало не три ты́сячи,
Усе́ хоробрыи товариши Запоро́зцѣй,
На ко́никахъ выграва́ють, шабеля́ми блиска́ють,
у бѣ́бны вдаря́ють,
Бо́говѣ моли́твы посыла́ють, хресты́ покла́дають,
До Сте́цька Кукуру́зы ось-та́къ (55) промовля́ють:
— Чи ты жи́въ, чи здо́ровъ, па́не Спепáne?
Чи ты вме́ръ, що пиво́ю голо́воньку дѣ́бомъ до-дѣ́лу
пришѣ́бло?

Рахованье (56) — не въ поминанье!

Коли-жъ нѣбудь прѣба (57) да по насъ поминки
робити!

Що по насъ, Пáne, старій ба́бы ста́нуть у по́ль
свиса́ннї,

А по тобѣ, Пане, молодѣи дѣвчата зачнуть го-
лосѣти!

— „Да те всё одна́ко,

Що Якімъ, що Яковъ!

Ось, якъ пристанемо до п'ятого яра,

То хочъ и серѣдъ лѣтчка — зашумѣть, загудѣть
не-дай-свѣта - чвѣра!

Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала,
Співомъ лепіючи, лугомъ скачучи.

Що вона́ бува́ла, то пра́вду каза́ла;

Налѣтѣть орлы хѣжѣ, спѣнупѣ жалковѣти ;

А вороны налѣпять, да и спануть здобычи жда-
ти и поджидати.

(55) Ось — вопшь; - съ — частица то. (56) Рахо-
ва́ши — считаешь, разсуждаешь. Раховáнье — размы-
шление. Раху́нокъ — расчетъ. (57) Трѣба — надо,
попречно.

То якъ налѣпѣнь отъ-тѣ зозулі,

Що насъ не забули! . . .

Що жидъ, а що дѣдъ, а що й Запорозьскій козаць! —

— Ой пошли козаки на чопыри шляхи,

Що на чопыри шляхи, а на лѣпе на Подолье.

Що однимъ полемъ, то пошовъ Самко Мушкетъ;

А другимъ полемъ, то пошовъ Спецько Кукурюза;

А третімъ полемъ, то пошовъ Карпо Пѣвпо-
ра-Кожуха —

На конику выгравѣе, пѣсню спѣває.

А за нимъ идуть мало-мало не три тысячи,

Усе хоробрый повариши Запорозьцѣ:

На коникахъ выгравѣють, шабельками блискають,
у бубны вдаряють,

Богови моливу посылають, креспы покладають.

А Карпо Панъ Гетьманъ на конику выгравѣе,
пѣсню спѣває:

— „Пресучая та журба,

Менѣ изсушила,

Вона менѣ молодого

Изъ ногъ извалила.

А я той журбѣ

Да й не поддаюся.

Ой пойдѣ я до шинкарьки,

Горѣлки напьюся. . . .

Ой хто хоче меду п'яти —

Ходѣть до жидівки!

А вѣ жидівки чорні бровки,

Высоки підківки...

И юпочка рябенка,

Й сама молоденька;

Да яка-жъ хороша,

Яка чепуренька!

Шинкарько моя!

Насыпь меду й вина,

Да щобъ моя головонька

Веселенька була!

— Коли ти жонатый,

То иди до-дому;

А якъ нежонатый,

То ночуй зо мною. —

Ой є вѣ мене й жонка

И дѣточокъ двоє:

Да не пригортаються,

Серденько моє!"

П Е Р Е В О Д Ъ.

Вотъ пошли козаки на чепыре поля, — что на чепыре поля, а на п'ятое на Подолье. Что однимъ полемъ, то пошелъ *Самко Мушкетъ*; а за Паномъ Хорунжимъ мало — мало не три тысячи, все храбрые поварищи Запорожцы — на коняхъ гарцуютъ, саблями поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу молитвы возсылаютъ, креслы полагаютъ.

А Самко́ Мушке́тъ — онъ на конѣ не гарцуе́тъ, коня сдерживаетъ, къ себѣ притягиваетъ, — думаетъ гадае́тъ... Да чтобы сто чершей бѣдою пришибли его думу, гаданье! Самко́ Мушке́тъ думаетъ гадае́тъ, говоритъ словами:

„А что́ какъ наше козачество, словно въ аду, Ляхи спалитъ? да изъ нашихъ козацкихъ костей пиръ себѣ на похмѣлье сваритъ? . . .

„А что́ какъ наши головы козацкія молодецкія по степи-полю полягутъ, да еще и родною кровью омоются, пощепанными саблями покроются? Пропадетъ, какъ порохъ изъ дула, та козацкая слава, что по всему свѣту дыбомъ спала, — что по всему свѣту степью разлеглась, протянулась, — да по всему свѣту шумомъ лѣсовъ раздалась, — Туреччинѣ да Тапарщинѣ добрымъ лихомъ знать далась, — да и Ляхамъ-ворогамъ на копье опдалась? . . .

„Закричетъ воронъ степью летучи,
Заплачетъ кукушка лѣсомъ скачучи,
Закуркуютъ сизые кречеты,
Задумаются сизые орлы —

И все, все по своихъ братьяхъ,
По буйныхъ поварихахъ козакахъ!

„Или ихъ сугробомъ занесло, али въ аду попопило: что не видно чубатыхъ — ни по степямъ, ни по лугамъ, ни по Тапарскимъ землямъ, ни по Чернымъ морямъ, ни по Ляшскимъ полямъ? . . .

Закричетъ воронъ, загрузетъ, зашумитъ, да и полениитъ въ чужую землю. . . . Ань нѣтъ! кости лежатъ, сабли порчатъ; кости хрустятъ, пощепанные сабли бренчатъ. . .

„А черная, сивая сорока оскалилась и скачетъ. . . А головы козацкія — словно швецъ-Семень шкуру потерялъ!

А чубы — словно чорпъ жгушы повилъ: въ крови всѣ за-
сохли: то-то и славы набрались!

Вотъ пошли козаки на четьре дороги, — что на
четьре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ по-
лемъ—то пошелъ Самко́ Мушкетъ, а другимъ полемъ *Сте-
панъ Кукуруза*; какъ сизая голубка, свою буйную голову
повѣсилъ. А за нимъ идутъ мало-мало не три тысячи, все
храбрые товарищи Запорожцы: на коняхъ гарцуютъ, са-
бельками поблескиваютъ, бьютъ въ бубны, Богу моливы
возсылаютъ, кресты полагаютъ, къ Степану Кукурузѣ такіа
слова говорятъ:

— Живъ-ли ты, здоровъ-ли, Панъ Степанъ? Или ты
умеръ, что свою головушку какъ дубомъ пришибло къ землѣ?
Раздумье не въ поминанье! Когдажъ нибудь да надо по насъ по-
минки шворишь. Какъ по насъ, Пανε! спарыя бабы спануть
въ полѣ свисѣть; а по тебѣ, Пανε, молодыя дѣвицы за-
чнутъ голосить! —

— „Да то все одинако, что Якимъ, что Яковъ! Вотъ
какъ дойдемъ до пятого яра, то хоть и середь лѣта —
зашумитъ, загудетъ не-приведи-Богъ-буря. . . Будетъ и
нашимъ бѣда, какъ куковала кукушка спелью лепучи, лѣсомъ
скачучи. Что она куковала, то правду говорила. Налепятъ
орлы сизые, спануть горевать; а вороны налепятъ, спа-
нутъ добычи ждать, поджидать. Вотъ какъ налепятъ тѣ
кукушки, что насъ не забыли. . . Что жидъ, а что дѣдъ,
а что и Запорожскій козакъ. . .

Вотъ пошли козаки на четьре дороги, — что на
четьре дороги, а на пятое на Подолье. Что однимъ полемъ—

то пошелъ Самко́ Мушкепъ ; а другимъ полемъ — то пошелъ Сшепанъ Кукуруза ; а ширьшимъ полемъ — то пошелъ Карпо Полпора́ - Кожуха : на конѣ гарцуесть , поесть пѣсно. А за нимъ идуть мало - мало не при тысячи , все храбрые поварищи Запорожцы : на коняхъ гарцують , саблями поблескивають , бьютъ въ бубны , Богу молитвы возсылають , кресны полагають.

А Карпо Панъ Гетьманъ (?) на конѣ гарцуесть , поесть пѣсно :

Разсукина та шоска меня изсушила ,
Она меня молодого , она съ ногъ свалила .

А я той ужъ шоскъ да не поддаюся :
Ой пойду я къ шинкаро́чкѣ горѣлки напьюся .

Ой кто хочеть меду пипъ , пойдемъ до жидовки —
У жидовки чѣрны бровки , высокі́ подковки ,

Юпочка песпрѣнька , сама молоденька —
Ужъ и чпо́ за пригожа́я , то́-шо удалая !

Шинкаро́чка моя ! лей мнѣ меду , вина ,
Да чтобъ моя головушка веселѣнька была !

„Коли ты женатый , то иди до дому ;
Колижъ не женатый , то ночуй со мною !“

— Есть у меня жонка и дѣточекъ двое —
Да не приголубяся , серденько милое !

ДУМА ШЕСТАЯ.

О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ И БАРАБАШѢ.

Въ 1646 г. Войсковой Асаулъ *Иванъ Барабашъ* былъ уже Наказнымъ Гетьманомъ; *Богданъ Хмельницкій* Войсковымъ Писаремъ; *Бѣлоцерковскій Климъ* мнѣ неизвѣстенъ (не Полковникъ ли *Гира*?).

Въ семь году Король Владиславъ писалъ къ Барабашу: „Когда вы еште войны добрые, саблю и силу имѣете: кпо-же вамъ за себя спашъ воспрещаетъ?“ Барабашъ скрылъ эту граматы; но Хмельницкій узналъ содержаніе оной отъ самаго Короля, въ бытность свою въ Варшавѣ по дѣлу съ Чанавцкимъ за извѣстную обиду.

Произшествіе, описанное въ сей Думѣ, случилось въ концѣ 1647 года. Вслѣдъ за онымъ Барабашъ былъ отъ Польскаго Правительства сдѣланъ Гетьманомъ; а Хмельницкій воздвигся на Польшу. — Не знаю какимъ Спаростою былъ тогда *Кригевскій* (убишый въ 1649 г.), Чигиринскимъ же спаростою былъ Александръ Коцеппольскій.

Въ стихѣ: *Кѹмомъ ёго до себѣ прохавъ* — я выпустилъ слова: *до города Чигринѣ*, ибо это ошибка вѣроятно позднѣйшихъ Бандуристовъ. Слова эти я поставилъ вмѣсто *до города Черкіса*, въ другомъ стихѣ (*Чуру своего посылавъ*); а въ стихѣ: *днѣмъ и нѣгью изъ Чигринѣ поспѣшавъ* — было въ спискѣ *до Чигринѣ*.

Изъ день-годины (58),

Якъ спала престога на Украинѣ.

То нѣхто не може обобрати (59)

За вѣру Христіянську одностаїне (60) спапи;

Только обобрались Барабашъ, да Хмельницкій,

да Клімъ Бѣлоцерковскій;

До Короля випупали, листовъ, Наверсаловъ (61)

прохали,

То Король Наверсалы писавъ,

Самому Барабашу до рукъ подававъ;

А Барабашъ листы якъ взявъ,

Три годы козакамъ знапи не дававъ.

То Хмельницкій пее догадавъ,

Кумомъ его до себе прохавъ, добре угощавъ.

А якъ спавъ Барабашъ на підпішку (62) гуляпи,

Спавъ ему Хмельницкій казати:

„Годъ (63) побѣ, Пяне куме, листы Королевскій

держати,

Дай менѣ хочъ прочипати!“

— „На що побѣ, Пяне куме, ихъ знапи,

Мы дачи не даемъ,

Въ войсько Польске не йдемъ;

Не луччебъ намъ зъ Ляхами,

Мосцйвыми (64) панами,

Мирно пробувати;

А нежъ пойпи луговъ поширати, (65)

(58) Съ поры-времени. (59) Обобратися — вызваться.

(60) Одностаїне — въ одну стаю, единодушно. (61)

Ниверсаль — Универсалъ. (62) На-підпішку —

на-весель. (63) Годъ, буде — довольно, полно, будетъ!

(64) Мосцйвый — знапный, вельможный. (65) Нежели

пойпи луга тереть.

Своимъ тѣломъ конарѡвъ годовѣши (66) ?“

То Хмельницькій пее зачуваѣъ,
Ще луччихъ напишкѡвъ подаваѣъ.

То Барабашъ якъ упився,
На лѣжку (67) спѣши звалився.

Тогдѣ Хмельницькій ключи одбѣраѣъ,
Чуру свого до города Чигрина посилаѣъ,
Велѣвъ ключи Пѣнь Барабашовѡй подѣши,
Листѡвъ Королѣвськихъ пишпѣши.

То чура до неѣ прибуваѣе,

Словами промовляе :

„Пѣнь Барабашова! пѣвѡй Пѣнь спавъ у насъ гу-
ляти,

А побѣ велѣвъ листы Королѣвскѣй подѣши.

„Де-сь (68) моему Пѣновѣ лихомъ занудилось,

Що зъ Хмельницкимъ гуляти схопѣлось !

Пѡйди въ глухомъ концѣ подѣ ворѡшми
Листы Королѣвскѣй въ шкапулѣ вѡзьми!“ —

То чура скоро листы достаѣъ,
День и нѡчь изъ Чигрина поспѣшаѣъ;
Скоро прибуваѣъ, самому Хмельницкому листы
подаѣъ.

Тогдѣ Барабашъ рано прочинаѣе (69),

У кармаы поглядаѣе — ажъ ключѡвъ немаѣе.

Вѡнъ спѣрѡсту Кричѣвського пробужаѣе,

- (66) Годую, годовѣши — кормить. (67) Лѣжко —
кровать. (68) Де-сь — (гдѣ-то), знаѣъ, вѣрно. — Ли-
хомъ занудилось — бѣдою запосковалось. (69) Прочи-
наѣши — просыпѣшься, очинаѣшься.

Двома кѣньми тихо зъ двора выѣзжае,
 Думае, гадае,
 Якъ Пана Хмельницького до рукъ прибрапи,
 Ляхамъ опідапи.

П Е Р Е В О Д ъ.

Съ той поры-времени, какъ началась тревога на Украинѣ, никого не вызовелся, чтобы дружно спать за вѣру Христіанскую. Вызвались только Барабашъ, да Хмельницкій, да Климъ Бѣлоцерковскій. Пошли они къ Королю, просили грамоты *Универсаль*.

Король написалъ Универсалы, и подалъ въ руки самому Барабашу. А какъ взялъ Барабашъ грамоты, при года не давалъ знать козакамъ.

Догадался Хмельницкій: позвалъ его къ себѣ въ кумовья и спать угощать. А какъ разгулялся Барабашъ на-веселѣ, спать ему говоритъ Хмельницкій: „Полно тебѣ, Панъ кумъ, Королевскія грамоты держащъ, — дай мнѣ хоть прочиташъ!“

— На что тебѣ знать ихъ, Панъ кумъ? подаши мы не даемъ, въ войско Польское не идемъ; не лучше ли намъ оставаться въ мирѣ съ вельможными Панами Ляхами, чѣмъ идти луга топтать, да кормить комаровъ своимъ тѣломъ?

Какъ услышалъ это Хмельницкій, подавалъ ему еще лучшихъ напивковъ. Упился Барабашъ и повалялся спать на кровать.

Тогда Хмельницкій отобралъ у него ключи, послалъ своего чуру въ городъ Чигиринъ, велѣлъ подать ключи Пани Барабашевой и просить Королевскихъ грамотъ.

Пріѣхаль къ ней чѹра и говоритъ словами: „Паньѣ Барабашева! твоя Пань оспался у насъ гулять, а тебѣ велѣлъ доспять Королевскія граматы.“

— Видно моему Пану больно воспосковалось, что съ Хмельницкимъ гулять пожелалось! Поди, въ глухомъ концѣ подъ воротами — возьми въ шкапулкѣ Королевскія граматы.

Чура потчасъ доспаль граматы; день и ночь спѣшилъ изъ Чигрина; скоро пріѣхаль и подалъ граматы самому Хмельницкому.

Барабашъ рано проснулся, поглядѣлъ въ карманы, а ключей нѣтъ.

Будить онъ старосту Кричевскаго; пихо они на двухъ коняхъ выѣзжаютъ съ нимъ со двора; думаютъ, гадаютъ: какъ-бы прибрать къ рукамъ Пана Хмельницкаго и выдать Дяхамъ? . . .

ДУМА СЕДЬМАЯ.

О ПОХОДѢ ХМЕЛЬНИЦКАГО ВЪ МОЛДАВІЮ.

Относятся къ тому походу, который былъ въ 1649.

Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе, повѣває;
Войсько козацке въ походъ выступаетъ:

Только Богъ Святой знаетъ,

Что Хмельницкій думаетъ, гадаетъ!

Объ томъ не знали ни Сопники,

Ни Опаманы Курѣнными, ни Полковники:

Тільки Богъ Святий знає,
Що Хмельницькій думає, гадає!

Якъ до Дністра прибували;
Черезъ при перевози переправу мали;
Самъ Хмельницькій напередъ-всѣхъ рушавъ,
До Холми (70) прибувавъ, у старшого Копилана
на квартирѣ ставъ,
До Василя Молдавського листы посылавъ, слова-
ми промовлявъ:

„Що ты зо мною будешъ гадати —

Чи будешъ биться,

Чи будешъ мириться;

Чи на примірѣ будешъ приймати,

Чи славною Волостины половину отдавати?“ —

То Василій Молдавський нѣе зачувавъ,

До Попільського листы посылавъ, словами про-
мовлявъ:

— Гетьмане Попільській,

Що въ тебѣ розумъ жоніцькій!

Ты за дорогими написками, бенкетами уга-
няешъ (71) —

Чомъ ты Хмельницького не еднаєшъ? (72)

Вже почавъ вѣнъ землю коньскими коньшами
орати,

Кровью Молдавською поливати! —

Тоді Ляхи изъ города изъ Сочавы (73) утѣкали,
Василію Молдавському знати давали,

(70) Холми — гор. Хотинъ. (71) За бенкетами уга-
няешъ — за пирами гопляешся. (72) Еднати — скло-
няти (на свою сторону), единити. (73) Въ Буковинѣ.

То Василій Молдавскій до Яссы прибывае,

Словами промовляе:

— Ой вы Яссы мой, Яссы!

Були естѣ бързо (74) красны,

Да вже не будете такі,

Якъ прійдуть козаки! —

То панъ Хмельницкій добре учинивъ: Польщу за-
смупивъ,

Волощину побѣдивъ, Гетьманщину звеселивъ.

Въ той часъ була честь, слава,

Войсковая справа!

Самá себе на смѣхъ не давала,

Непріятеля подъ ноги поппала.

П Е Р Е В О Д Ъ.

Съ низовья Днѣпра тихій вѣтеръ вѣетъ, повѣваетъ, — козацкое войско въ походъ выступаетъ. Только Богъ Свяшій знаетъ что, Хмельницкій думаетъ - гадаетъ! — Не знали о томъ ни Сошники, ни Куренные Апаманы, ни Полковники. . . только Богъ Свяшій знаетъ что, Хмельницкій думаетъ - гадаетъ! —

Какъ подъѣхали къ Днѣпру, переправлялися черезъ шри перевоза. Впереди всѣхъ былъ самъ Хмельницкій. Какъ вступилъ онъ въ Хошинъ, оспановился въ домѣ у спаршаго Капицана, посылалъ письма къ Василью Молдавскому, и говорилъ словами: „Какъ ты со мною будешь вѣдаться:

(74) Бързо (Польское слово) — очень, весьма. Чисто, по Малоросійски — дѣже.

будешь биться или будешь мириться? или примешь меня съ миромъ и отдашь половину славной Волощинь?"

Какъ услышалъ Василій Молдавскій, посылалъ письма къ Потоцкому и говорилъ словами: »Гетьманъ Потоцкій! женскій у тебя разумъ! Ты гоняешься за дорогими напитками и пирами! что ты нейдешь на Хмельницкаго? Онъ ужъ началъ пахать землю конскими копытами, поливать Молдавскую кровью!"

Тогда Ляхи бѣжали изъ города изъ Сочавы.

Какъ дали о томъ знать Василью Молдавскому, прїѣзжаетъ Василій Молдавскій въ Яссы, говоритъ словами: »Яссы вы мои, Яссы! очень вы были krásны! а ужъ не быть вамъ такиими, какъ придушь козаки!"

Сдѣлалъ Панъ Хмельницкій свое дѣло: навелъ страхъ на Польшу, побѣдилъ Волощину, взвеселилъ Гетьманщину!

Тогда была честь, слава, войсковая справа! сама себя на смѣхъ не давала, непріятеля подъ ноги топкала!

ДУМА ВОСЬМАЯ.

О СМЕРТИ ХМЕЛЬНИЦКАГО.

Великій Богданъ предъ кончиною своею, въ 1657 Авг. 6 собралъ въ Чигринѣ козаковъ для избранія Гетьмана; онъ предлагалъ на выборъ, какъ значится въ Исторіи (см. *Бант. Кам. ч. II. стр. 20*) *Пушкаря, Пабла Тетерю* Полков. Переяславскаго, и Генеральнаго Писаря *Ивана Виговскаго*; а по словамъ Думы сей — Полковниковъ: *Полтавскаго Пушкаря, Миргородскаго Костыря* (или *Льсницкаго*), *Кропивненскаго Филона Читая* (ш. е. *Джед-*

жѣя или *Джеджелѣя*) и Кіевскаго *Вологая* (или *Адамовига*); но козаки наслѣдникомъ своему Гетьману захопѣли избрать 16-лѣшняго Гетьманича безпаланнаго *Юрія*.

Умеръ Богданъ послѣ того чрезъ 8 дней (15 Авг.), въ продолженіе коихъ, какъ видно изъ Думы, Юрій оплутался къ Бѣлой-Церкви.

По смерти Богдана дѣлами управлялъ *Виговскій* (въ Думахъ называемый *Луговскимъ*), который былъ взятъ въ плѣнъ 1648 при Желтыхъ Водахъ, потомъ вкрался въ довѣріе къ Хмельницкому, а послѣ него измѣннически дѣйствовалъ для Малороссіи и для Россіи, такъ что осталась даже пословица: *обманувъ, якъ Луговскій Москву*. — Обманы его вполнѣ открылись дѣйствительно чрезъ полтора года, послѣ чего въ Августѣ 1659 опять былъ избранъ въ Гетьманы Юрій Хмельницкій.

Зажурилася Хмельницького сѣдая голова,
Що при ёму ни Сѣпникѣвъ, ни Полковникѣвъ нема:
Часть приходитьъ умиранья;
Нѣкому порады (75) дапи.
Повлієне вѣтъ на Ивана Луговського
Писаря Вѣйсковѣго:
„Иванъ Луговскій,
Писарь Вѣйсковый!
Скорѣйше бѣжи,
Да листы (76) пиши,
Щобъ Сѣпники, Полковники до мене прибували,
Хоть мало пораду давали!“ —

(75) Порада — совѣтъ. (76) Листы — письма, граматы.

То Ива́нъ Луговскій

Пи́сарь Во́йсковый,

Ли́сты писа́въ,

До всѣхъ розсыла́въ.

То Со́пники, Полко́вники, якъ ихъ прочи́пали,

Усе́ покида́ли, до Ге́тьмана Хмельни́цкого скорѣ́йше
прибува́ли.

То Ге́тьманъ до́бре ихъ прийма́е,

Слова́ми промовля́е:

„Пано́ве молодці́! до́бре вы дба́йте,

Собѣ́ Ге́тьмана наставля́йте;

Бо я спа́ръ, бо́лю,

Бо́льше Ге́тьманомъ не здо́лю! . . .

Коли́ хочете, Пано́ве, Анто́на Волоча́я Кі́евського,

Або́ Грицька́ Коспы́ря Миргоро́дського;

Або́ Фило́на Чича́я Кропивья́нского;

Або́ Марши́на Пушка́ря Полта́вського.“

То коза́ки пее́ зачува́ли, сму́шно себѣ́ ма́ли,

Тя́жко взды́хали, слова́ми промовля́ли:

— Не пре́ба намъ Анто́на Волоча́я Кі́евського,

Ни Грицька́ Коспы́ря Миргоро́дського,

Ни Фило́на Чича́я Кропивья́нского,

Ни Марши́на Пушка́ря Полта́вського;

А хо́чемъ мы сы́на твого́ Юру́ся молодого́,

Козака́ лѣспрово́го!

— „Во́нь, Пано́ве молодці́! молодый́ ро́зумъ ма́е,

Звыча́евъ коза́цкихъ не зна́е!“

Буде́мъ мы спа́рыхъ люде́й би́ля (77) ёго́ держа́ти,

(77) Би́ля — подѣ́, возгѣ́.

Будушь вонь ёго научапи, будемъ ёго добре по-
 важапи,
 Тебе бацька нашого, Гетьмана споминапи! . . .
 То Хмельницькій пее зачувавъ, великую радѳсть
 собъ мавъ,
 Съдою головою поклѳнь отдававъ, слёзы проливавъ.
 Скоро поъсля того ще й горше Хмельницькій зне-
 могавъ,

Опрощенье зо всъми пріймавъ,
 Милосердѳму Богу дѳшу оддавъ. —
 То не чѳрній хма́ры я́сне со́нце заступали,
 Не буйныи вѳпры въ те́мнѳмъ лу́зѳ бушували,
 Козаки́ Хмельни́цького хова́ли,
 Ба́цька свого оплака́ли . . .
 А молодѳй Юру́сь по́дъ Бѳлою-Цѳрквою гулае,
 Объ сме́ртнѳй опщѳвськѳй не знае,
 Ско́ро лейта́ры до ёго прибува́ли,
 Ли́сты подава́ли.
 То Хмельни́ченко ли́сты якъ прочи́павъ,
 Свѳта Бо́жого не взви́давъ!

То не багáпо Лугѳвськѳй гетьманова́въ,
 По́втора́ го́да булаву́ держа́въ.
 Ско́ро Со́тники, Полко́вники прибува́ли,
 Юру́ся Хмельни́ченка Гетьманомъ поста́вляли:
 „Да́й-же Бо́же! козаки́ промовля́ли:
 За Гетьмана молодѳго
 Жи́ти якъ за старѳго,
 Хлѳба, со́ли ёго вжива́пи, (78)

(78) Вжива́пи — употребле́ть (пищу или пи́тья).

Города́ Туре́цькїй плѣндрова́ти (79),
Сла́вы, лѣцарсѣтва коза́цькому войсѣку достава́ти!

П Е Р Е В О Д Ъ.

Запечалилась Хмельницкаго съдая голова, что нѣтъ при немъ ни Сотниковъ, ни Полковниковъ; приходитъ смертный часъ, а совѣща дайтъ нѣкому! — Говоритъ онъ Ивану Луговскому, Войсковому Писарю: „Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь! бѣги скорѣе, пиши граматы, чѣобы ѣхали ко мнѣ Сотники, Полковники, хоть мало бы мнѣ посовѣщевали!“ — Иванъ Луговскій, Войсковой Писарь граматы писалъ, ко всѣмъ разсылалъ; а Сотники, Полковники, какъ ихъ прочли, все бросили, скорѣй спѣшили къ Гетьману Хмельницкому. — Гетьманъ принимаетъ ихъ ласково и говоритъ словами: „Паны молодцы! дѣлайте дѣло, ставьте себѣ Гетьмана; а я старъ, болѣю, больше не смогу быть Гетьманомъ. Коли хопите, Паны, Антона Волочая Кіевскаго, либо Григорья Костыря Миргородскаго, либо Филона Чичая Крапивенскаго, или Маршына Пушкаря Полтавскаго!“

Какъ услышали козаки, смутились они, пляжко вздыхали, и говорили словами: „Не надо намъ Антона Волочая Кіевскаго, ни Григорья Костыря Миргородскаго, ни Филона Чичая Крапивенскаго, ни Маршина Пушкаря Полтавскаго: а хопимъ мы пшого сына, молодого Юрья, козака реестроваго.“

(79) Плі́ндрова́ти (съ Нѣм. *plündren*) — грабить, разорять.

— „Опъ, Папы молодцы, разумомъ молодъ, не знаешъ козацкихъ обычаевъ.“

— Будемъ держать при немъ старыхъ людей. Будутъ они его учить, мы будемъ почитать его, и вспоминать тебя, отца нашего Гетьмана. —

Какъ услышалъ Хмельницкій, былъ радъ, проливалъ слезы, отдавалъ поклонъ съдой головою.

Скоро послѣ того еще сильнѣе занемогалъ Хмельницкій, со всѣми прощался. Милосердому Богу отдавалъ душу. —

То не черныя тучи заступали ясное солнце, не буйныя вѣтры бушевали въ темномъ лѣсѣ: козаки Хмельницкаго хоронили, отца своего оплакивали.

А молодой Юрій гуляетъ подъ Бѣлою-Церковью, не знаетъ о смерти опцовской. Скоро пріѣзжали къ нему рейтары, подавали письма. — Какъ прочелъ письма Хмельниченко, не взвидѣлъ свѣша Божьяго . . .

Немного Луговскій гетьманспивовалъ: держалъ булаву полшора года.

Скоро съѣзжались Сотники и Полковники, спавили Гетьманомъ Юрія Хмельницкаго.

„Дай же Боже, говорили козаки, при молодомъ Гетьманѣ жить какъ при старомъ! видѣть его хлѣбъ - соль, разорять Турецкіе города, доспавать казацкому войску рыцарской славы!“

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

ДУМЫ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ПОСЛА БОГДАНА.

Ту кроваваго вина не доспа! шу пирь докончаша храб-
рыи Русици, свапы попоиша, и сами полегоса за землю
Руськую. Ничипь права жалоцѣми, а древо съ шүтою къ
земли приклонилось.

Пѣснь Игорю.

Ж. — Баторій, давши козакамъ устройство, раздѣлялъ ихъ на *выборныхъ* и *охочекоманныхъ*.

ВЫБОРНЫЕ ИЛИ РЕЕСТРОВЫЕ (деспровыи) козаки составляли постоянное войско, въ мирное время бывшее пограничною сторожею Украины. Они оставались не женатыми. При Баторіѣ считалось ихъ 6,000; при Богданѣ (1650 г.) въ 15 полкахъ 57,889 — кромѣ Гадяцкаго и Бѣлоцерковскаго полковъ.

З. — **ОХОЧЕКОМАННЫЕ** козаки въ мирное время вели жизнь поселятъ и промышленниковъ; но въ военное время составляли цѣлые полки; и дано было имъ право всякаго принимать къ себѣ въ козаки, почему множество *посполитыхъ* (*) спали опходить опы помѣщиковъ. Такимъ образомъ чрезвычайно усилилось козачество. При Баторіѣ всѣхъ вообще козаковъ считалось около 20,000; а во время возстанія было 200,000, — по сказанію Боплана.

И. — **КОМПАНИЙЦАМИ** назывались пять полковъ, изъ охочекоманныхъ козаковъ, составившихся въ послѣдствіи и содержавшихся на жаловань. 1776, Они переобразованы въ три полка регулярной конницы; а въ 1785 размѣщены въ корабинерные полки, изъ Малороссійскихъ полковъ устроенные.

К. — **СЕРДЮКАМИ** назывались 4 пѣхотные полка (около 1674 г. при Дорошенкѣ составившіеся; по мнѣнію Бантишъ - Каменскаго); при Мазепѣ они состояли изъ всякаго сброду и были его пѣхохранителями, независимыми для народа и войска козацкаго.

(*) *Посполитыми* назывался простой народъ (*ригъ*): тѣ изъ нихъ, кои не имѣли земли и дворовъ (не - *грушковые*), назывались *сусѣдами* и *подсусѣдами*.

ДУМА ДЕВЯТАЯ.

ОБЪ ИВАНЪ КОНОВЧЕНКЪ.

Прекрасная дума сія относится къ 1684, когда За-днѣ-провскіе козаки ходили въ Бѣлгородщину на Татаръ, разби-ли ихъ подъ *Тягинюмъ*, и отбившись отъ пришедшаго съ войскомъ Хапскаго сына, по возвращеніи своемъ, убили Геть-мана *Куницкаго* (поспавленнаго *Собѣскимъ*) за то, что онъ бѣжалъ съ поля битвы (см. Лѣтоп. Рубана). Корсунскій Полковникъ *Филоненко*, кажется, былъ сынъ Филона Чичая (Джеджелѣя: *Джеджели* близъ *Корсуна*, находящагося въ Кіев. губ. между Черкасами и Богуславомъ, на р. Роси). *Крыловъ* между Чигиринюмъ и Днѣпромъ. *Черкенъ-долина* не толи-же что и Черная долина? Городъ *Тягинъ* нынѣ се-леніе Тягинка въ Херсон. уѣздѣ между р. Ингусяцюмъ и горо-домъ Бериславлемъ (Кизикерманюмъ.). Рѣчка *Тягинка* впадала съ правой стороны въ Днѣпръ, 20 верстъ ниже Ингульца.

Саранча названа *гнѣвомъ*. *Божимъ* по тому повѣрью, будто эти слова Еврейскими буквами написаны у ней на крыльяхъ.

На славноѣй Украинѣ,
Уславноѣмъ городѣ у Корсунѣ
Клікне, поклікне Хвилоненко, Корсунскій Пол-
ковникъ:

„Годѣ вамъ, панове молодці! домовати,
„Идѣте зо мною на Черкеню-долину гуляти,
„Славы лыцарства козацькому войську доставати!“

Они-погодѣ по городѣмъ не музыкѣ выгравали,
 Осаулы войсковѣи похажали,
 Листы чипали, козакѣвъ въ походѣ выкликали:
 А хто бѣде пан-опцѣвого — промовляли —
 Недѣлешнѣго обѣда дожидати,
 Той бѣде Хвилонѣнка,
 Корсунскаго Полковника,
 Въ шестѣ милѣхъ доганяти! —

У городѣ у Черкасѣ жилѣ вдовѣ спарѣнѣка,
 Мала собѣ (80) сына Иванѣ вдовичѣнка Коновчѣнка.
 Вона тѣе перше (81) ёго зачувала,
 До господѣ (82) найскорѣйше прибувала,
 Усѣ конѣ изѣ господѣ позсылала,
 Все оружье у комнѣту замыкала,
 Къ дому Божому до цѣркви поспѣшала.
 То Ивасѣ одѣ сна прочинаѣ по хѣтѣ поглядѣе (85). —
 Ажъ ни однѣи шѣблѣ булатнои,
 Пицѣлѣи семицѣяднои
 На стѣнѣ немаѣ!

У спѣнію (84) ухажѣе, а на спѣнѣ ни однѣо конѣ
 воронѣго.

Вѣнѣ нѣнѣку спарѣнѣку бѣлѣ цѣркви доганѣе, сло-
 вами промовляѣе:

„Не-дѣбре ты, мѣти, згадала,
 Що всѣ конѣ изѣ господѣ позсылала,
 Все оружье у комнѣту замыкала;
 А лучѣебѣ ты, мѣти, зробѣла, (85)
 До города Крылова одѣздила,

(80) Ишла у себя. (81) Сперва, прежде его услышала. (82)
 Господѣ — домѣ. (83) Пробуждается. (84) Стѣни —
 сарай лошадиный. (85) Сдѣлала.

Сто злопыхъ жиду оландарю (86) давала;
У нарядѣ доброго коня куповала,
Менѣ молодого въ походѣ знаряжала! —

„Маешъ ты чопыри волы чабаньи (87),
Два кони опщевскіи вороньи,
Можешъ добре у Черкасѣ поживати,
Козакѣвъ на хлѣбъ, на соль закликаши.“

— Що менѣ съ того, що буду я добре поживати,
Будушь менѣ козаки за хлѣбъ, за соль поважати!

Только будушь менѣ, маши,
На-подшипку, гречкосѣмъ, домонтаремъ (88) величати,

Коня моего прибудую называти.

И вже менѣ не чѣсть, не подоба (89) по ролямъ
(90) спотикаши,

Жовпыхъ чобѣпъ каляши, (91)
Дорогѣи сунѣи пыломъ (92) набивати!

А хочелся менѣ, маши,
Пойти подъ городъ Тагѣню гуляши,
Славы лыцарсыпва доставати! . . —

То пѣе промовлявъ,
У нѣньки спарѣнькои благословѣнья бравъ,
Изъ дому опщевського поспѣшавъ,
На Черкѣню-долину зъ козаками прибувавъ.

Не ясенъ соколъ на долині по табуру гуляе,
Не бѣлая лѣбедь спѣває:

(86) Оландарь — арендаторъ. (87) Чабаный — выход-
женный. Чабанъ — пастухъ. (88) Домосѣдъ. (89) При-
личіе. (90) Роля — борозда, пашня. (91) Пачкашъ. (92)
Пыль — Пыль.

Полковникъ Хвилонѣнко похожае,

Словами промовляе :

„Который-то, нанове молодцѣ, козаць дорѣдний (93);

Ще й кѣнь пѣдъ нѣмъ воздѣбный (94),

Пѣйде за мною на Черкѣню-долину гуляни,

Слѣвы лицарсьпва козацькому войську доставати?“

То Ивасъ Коновчѣнко пѣе зачувавъ,

Напередъ всѣхъ благословѣнья прохавъ (95).

„Ты дѣпина, Ивасю, молодѣ! полковникъ промовлявъ —

Ни на полъ, ни на моръ не бѣвало;

Смертѣй бѣля себѣ не видѣло,

Якъ звѣчанъ козацькѣй пѣзнаешъ,

Лучче погдѣ погуляешъ.“

— Не всѣ старѣи пѣицѣи высѣко лѣпають,

Не всѣ старѣи щѣки карасѣвъ хапають,

Трапляется (96), бѣтьку, що крячѣ (97) малѣе

Лѣвить рыбку крѣсче нѣжъ спарѣе. —

То Ивасъ пѣе промовлявъ,

Зъ Полковникомъ на долину выѣзжавъ,

Дванѣдцѣи Татѣрь перѣдъ мѣчь принѣвъ,

Шѣсть на арканъ звѣязавъ,

Хвилонѣнку госпѣиця подававъ.

То Полковникъ бусурманѣвъ припѣмае,

Ивасѣ Коновчѣнка бѣля себѣ сажѣе, слѣву егѣ выхвалѣе.

То Ивасъ великую радѣсть мае, словами промовляе:

„Благослови менѣ, бѣтьку, оковѣи (98) напѣпсья,

(93) Способный (94) Удамый? (95) Просиль. (96) Случается. (97) Крячокъ, ушка. (98) Оковѣи — aqua vitae! — хлѣбное вино.

Я не зарѣкаюсь съ бусурманами ще лѣтче побѣдѣсься.“
 — Не велю я тобѣ, сыну, оковѣткои напиваѣти,
 Да ипши съ бусурманами на долину гуляѣти;
 Колижъ вже ты хочешъ ей напиваѣти,
 То велю въ моёмъ намѣнѣ лягши (99) спочиваѣти. —
 „Сей менѣ хмѣль не бѣде заважати (100),
 А бѣде моему сѣрдцю смѣлоспѣ додавати.“

То не вѣхоръ по Черкѣнѣ-долинѣ гуляе,
 Не сѣзый орѣлъ лѣспребѣвъ ганяе,
 Вдовичѣнко Коновчѣнко на ворономъ конѣ розъ-
 ѣзжае,
 Мечѣмъ своимъ якъ блискавка сѣе,
 Трѣхъ Ташаръ-дичаръ зъ коней збивае;
 Тогдѣ шаблю буляпну опускае,
 Козакѣмъ лыцарсство свое выхваляе,
 Безпѣчне по долинѣ розъѣзжае,
 Бусурманѣвъ на смѣхъ подѣймае.
 То безбожнѣ бусурманы пѣе зачували,
 Напѣлого козака зѣразъ познавали,
 Бѣльше ёмѣ поля гуляѣти попускали,
 Одъ пѣбура козацкаго зѣразъ отбивали,
 Гнѣвои Бѣжиии, саранчою, на козака налѣтали,
 Шаблями, пѣспѣями смѣрными рѣны даровали,
 Тѣлько коня козацкаго не поймаѣли. —
 То добрый конь до пѣбура прибѣгае,
 По курѣнѣмъ гуляе, гѣспрыми конѣтами зѣмлю
 копае,

(99) Лягаю, лягши — ложусь, лечь. (100) Тягопѣшь.
 Вага — плѣжесть.

Смѹшно ржучи, козака́ своего́ выкликае.

То Хвилонѣнко пѣе зачу́вавъ,

Изъ намѣта́ своего́ выступавъ, слова́ми промовлявъ:

„От-се вы, бра́тцѣй, недобре́ зроби́ли,

Що напילו́го козака́ гуля́ти пу́сѣли,

Мовъ вы са́мѣ егó зъ свѣ́та згуби́ли.

До́бре вы дба́йте, ору́жье за́правля́йте,

Бусурма́новъ одъ пѣ́ла коза́цького́ отбива́йте,

Бо вже́ не-да́ромъ коза́цькій ко́нь по па́буру гу́ляе,

Ма́бушь Ива́ся Коновче́нка на свѣ́тѣ нема́е.“ —

То коза́ки пѣе зачу́вали, на доли́ну найско́рѣйше

поспѣ́шали,

Бусурма́новъ одъ пѣ́ла коза́цького́ отбива́ли,

Ша́блями, надѣ́лками (101) су́ходѣ́ль копа́ли,

Ша́пками, припо́лами пе́рсть выбѣ́рали,

Ива́сю Коновче́нку моги́лу насы́пали,

Въ семпѣ́ядни́й пища́ли грема́ли,

У суре́мѣи жа́лобно́ выграва́ли,

Сла́ву коза́цьку выхва́ляли. —

Ско́ро по́сля того́ спа́ли коза́ки па́бу́ръ изни́мали,

У горо́ды хри́стіянськѣ́й усту́пали.

То вдова́ спаре́нька

Ма́ти Ива́ся Коновче́нка

Не у до́мѣ си-ма́ла,

На база́рѣ соло́дкій ме́дъ выставля́ла,

Сы́на своего́ Ива́ся Коновче́нка вы́гляда́ла.

Пе́рва со́пни́я насту́пае,

Вдова́ сы́на не ви́дае.

(101) Надѣ́локъ — заступъ?

Друга со́ння вступа́, самъ Хору́нжій попе́реду йде́,
 Два козака́ коза́цького ко́ня на повода́хъ веде́.

Вдова́ тее забача́ла,
 Жало́бныхъ слова́ промовля́ла,
 Сла́вы, сме́рпий сы́на свого́ пипа́ла,
 Всѣхъ козако́въ на хлѣбъ, на со́ль заклика́ла,
 По́хороны и весѣ́лья Ива́сю отбува́ла,
 Полко́внику коза́цького ко́ня дарова́ла,
 Спарши́мъ ша́блї, пища́лї Ива́ся роздава́ла.

Полягла́ коза́цька молодѣ́цька голова́,
 Якъ одъ вѣ́пру на спѣну́ права́!
 Сла́ва не вмере́, не поля́же,
 Лыца́рсьтво коза́цьке вся́кому розка́же! . . .

ДУМА ДЕСЯТАЯ.

О ПАЛѢ И МАЗЕПѢ.

Во 2 й частѣ сей Думы сдѣланы нѣкоторыя поправки по списку Ходаковского, въ собраніи коего она находится какъ отдѣльная пѣсня, что видно и по самому ея складу. Происшествіе, воспѣтое въ ней, случилось въ Бердичевѣ 1704, послѣ чего Палѣй былъ сосланъ въ Сибирь.

Конецъ Думы относится уже къ 1709 году и представляетъ Палѣя сильно участвовавшимъ въ Полтавской побѣдѣ, послѣ коей остались въ Малороссіи и пословицы: 1) Добу́вся якъ Шведъ по́дъ По́лтавою, 2) Не пѣвъ По́лта́вською во́ды (не испыталъ горя).

Ой ты гадаешъ, Мазѣпо, ты гадаешъ измѣняти,
 Ой ты хочешъ, ты хочешъ Царя одступати!
 Ой ты гадаешъ, Мазѣпо, въ пѣнь Москвѣ рубати,
 А самъ хочешъ да на столицѣ царемъ царствовать!

Ой що вмовишь Гетьманъ Мазѣпа къ Палѣю
 Семѣну:

— Ой Палѣю, Палѣю Семѣне! чи не зрадишь (102) ты
 мене?

„Ой якъ же я маю, Гетьмане Мазѣпо, тебе изра-
 жати,

„Коли ты будешъ, Гетьмане Мазѣпо, добре почи-
 нати.“

— Я думаю, Палѣю Семѣне! въ пѣнь Москвѣ ру-
 бати,

А самъ хочу да на столицѣ царемъ царствовать! —

„Вперѣдъ-же ты будешъ, Гетьмане Мазѣпо, у
 стовбѣ стояти (*),

А нежь будешъ на столицѣ царемъ царствовать.“

Ой не знавъ, не знавъ проклятый Мазѣпа якъ Па-
 лѣя зазвати;

Ой спавъ же, спавъ проклятый Мазѣпа на бен-
 кѣть запрошати.

(102) Зражати — измѣнять (кому), предавать (кого).
 Израдливый, зрадливый — предапельскій.

(*) Привязывать къ столбу, было однимъ изъ позор-
 нѣйшихъ наказаній у козаковъ.

— Ой прїѣдь, прїѣдь, Палѣю Семѣне!
Да на бенкетъ до мене! —

Ой скоро Палѣенко Семѣнъ зъ своимъ войскомъ
прїѣзжае,
Ой пакъ скоро проклятый Мазѣпа чашу мѣду вы-
сылае.

Ой пѣе Палѣй, ой пѣе Семѣнъ да головоньку клонитъ,
А Мазѣпинъ чұра Палѣю Семѣну кайданы готовитъ.
Ой пѣе Палѣй, ой пѣе Семѣнъ, изъ ногъ извалився,
Барзо тому Гетьманъ Мазѣпа стоя звеселився.

Ой якъ крикне проклятый Мазѣпа на свой гайдўки:
— Ой вѣзмѣте Палѣя Семѣна да у пѣсныхъ рўки! —

Ой якъ крикне проклятый Мазѣпа на свой лейпáры:

— Ой вѣзмѣте Палѣя Семѣна закуйте въ кайданы!

Ой якъ крикне проклятый Мазѣпа на свою вѣзницю:

— Ой вѣзмѣте Палѣя Семѣна да вкїньте въ
темницю!

Не давъ Гетьманъ Палѣю Семѣну ни пїпи на їспи,
Докѣль не выславъ проклятый Мазѣпа на спо-
лицю лїспы.

— Ошпѣ-жъ тобѣ, промовляе, Царю! естъ Палѣй
измѣнникъ!

Вѣнь тебе хѣче вже одступáпи, въ пѣнь Москвў
рубáпи,

А самъ хѣче да на столицѣ царѣмъ царствовáпи. —

Обѣзвѣсься Палѣй Семѣнъ зъ тѣмной темницї:

„Брѣше, брѣше (203) проклятый Мазѣпа въ Царя на
столицѣ!

(103) Брехáпи — лгáть, лаять, лáлши — бранитъ.

Опжé-жъ побѣ, да праведный Царю! самъ Гётъ-
манъ измѣнникъ,
Вонъ тебѣ хоче вже одспунапи, въ пѣнь Мо-
скву рубати,
А самъ хоче да на столицѣ царёмъ царствовати.“

Ой що замовлять мосцiвими пань до праведна Царя:
Выпускай ты, да праведный Царю, Палѣя зъ темницѣ,
А по будущь бусурманы Шведы на пвоѣй столицѣ.

Да щé хмѣль, да щé зеленѣнькiй на тычiну не
звiвся,
А вже Палѣй пóдъ Полпáвою изъ Шведомъ побiвся.
Да щé хмѣль, да щé зеленѣнькiй головóкъ не зхилiвъ,
А вже Палѣй пóдъ Полпáвою и Шведóвъ побiвъ.
Ой кли́гне, покли́гне да Корóль Шведськiй, на гар-
мáтѣ спóя:

„Впéбаймо скорѣйшь, Гётъмане Мазéно, зъ Пол-
пáвського пóля!“ —

Тогдi вонь утѣкали усѣ зъ-пóдъ Пóлпáвы. . .
Богдiй вонь не дóждали бiтсья зъ козака́ми!

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

ДУМА ОДИННАДЦАТАЯ.

ОТЪЪЗДЪ КОЗАКА.

Сія небольшая Дума переложена изъ пѣсни: *Гомонъ гомонъ по дубровѣ* (см. Кн. III. No I.), подобная коей есть и между Липовскими пѣснями, и между Рускими (*Отець на сына прогнѣвался*).

Въ недѣлю рано-порано не у всѣ дзвѣны (104) дзвонили,
Якъ у вдовинѣмъ дому гомонѣли.

Лихій вопчимъ козаченька молодого лае,
Мамы сыну слѣзно промовляе:

Иди ты, сыну, мѣжъ чужіи люде,
Чи не лучче побѣ на чужинѣ буде?

Нехай (104) тебѣ чужій батько, сыночку, не лае,
Счастья твого козацького на-вѣкъ не забавляе!

Тяжко, п'ярко менѣ пѣбе

Зъ дому отправляти,

А щѣ п'яжче б'їля себе

Въ знегѣдѣ держати!

Хочъ пойдешъ ты на чужину —

Слѣзы менѣ липи;

Хочъ зоставаю тебѣ, сыну —

По всякъ часъ шужипи! . . .

(104) Дзвѣнъ — колоколь. (104) Нехай, хай — пусть,
не-замай (въ Библіи — небрани).

То старшая сестра конёнка выводилъ ;

Що найменша рыдае ,

Словами промовляе :

Изъ якои тебе , брѣне ,

Спорóноньки ждапи ?

Чи одъ чистого поля ,

Чи одъ Чорного моря ,

Чи одъ славного Запорóзья ?

„Возьми ты , сестро , жóвтого пѣску ,

Да посѣй ты , сестро , на бѣлому камнѣ :

Коли буде жóвтый пѣсокъ виростапи ,

Зелёнымъ барвинкомъ камёнъ успилапи !

Въ той часъ буду , сестро , до васъ прибувапи !

Бо якъ тяжко на безвóдѣи рыбѣ пробувапи ,

Такъ тяжко на чужинѣ безрóдному проживапи !“

То тѣе промовлявъ , на коня сѣдавъ , опрощёнье
приймавъ ,

Сму́тно зъ двора опщѣвського коза́къ виѣзжавъ .

До́вго вонѣ на могилѣ край села стояли :

До́вго , до́вго коза́ченька вóчьми проважали , —

А ще до́вше вонѣ ёго до́ма оплакали .

ДУМА ДВЕНАДЦАТАЯ.

ТОСКА СЕСТРЫ ПО БРАТѢ.

Не сѣза зозуленька въ тѣмнѣмъ лѹзѣ кувала,
Не дробная шпашка въ садкѹ щебепала,
Сеспрá зъ брáтомъ изъ-далека розмовляла,

Поклѣнь посылала:

„Брáтѣйку мѡй милый,
Якъ голубонько сѣзый!

Прійди до мене изъ чужѡи споронѣ,
Посѣпѣй мене при лихѡй годинѣ!“

—Сѣспро моя рѡднѣнька,
Якъ голубонька сизѣнька!

Якъ я маю прибывати,
Тебѣ навѣщати,
За тѣмными за лѣсáми,
За дáльными за степáми,
За быспрыми за водáми? . . .

„Черѣзъ тѣмный лѣсъ яснымъ соколомъ лепѣи,
Черѣзъ быспрыи воды бѣлымъ лебедемъ плывѣи,
Черѣзъ степы далѣкѣи перепелочкомъ бѣжѣи,
На моѣмъ, брáте, подвѡрьѣи ты голубонькомъ падѣи,
Дѡбре слѡво взговорѣи,

Моѣ сѣрдце сирѡтськее звеселѣи!

Чужѣи, брáте, сѣспры зъ дѡму Бѡжого идѹшь,
Всѣ якъ бчѡлочки (105) гудѹшь,

(105) Бчолá или бджолá — пчела.

На хлѣбъ, на сѣль людѣй закликающе,
Менѣ-жъ, брѣпе, словомъ не занимающе,
Мовъ въ вѣчѣи не знающе . . .

А ягъ коли-сь зъ нами хлѣбъ-сѣль повожаѣли,
Въ той часъ кумами, побратѣми зваѣли;
А ягъ пристѣгла несчастье година —
Названа и крѣвна одреклась родина . . .“

КНИГА ВТОРАЯ.

ПЕСНИ КОЗАЦКІЯ

БЫЛЕВЫЯ.

То стари́на, то и дѣ́янье:
Синему́ морю на упи́шенье,
Быспры́мъ рѣ́камъ слава до́ моря,
А добры́мъ лю́дямъ на послу́шанье,
Веселы́мъ мо́лодцамъ на погу́дочки,

Стихъ о Дюкѣ Степановицѣ.

Л. — ГАЙДАМАКАМИ сначала называли сами себя Запорожцы. Это слово значитъ — бродяга; а Запорожцы вѣроятно въ началѣ были почти тоже, что *бродяжки* Молдавскіе. Въ послѣдствіи имя Гайдамакъ на Украинѣ усвоилось только тѣмъ вапатамъ Запорожцевъ, кои, не составляя *войска Запорожскаго*, охотились разбоемъ: всѣхъ же Запорожцевъ Гайдамаками называли только Поляки въ бранномъ смыслѣ, подобно тому, какъ и слово Козакъ было бранное, особенно у Турковъ.

Войцеховичъ и Срезневскій пишутъ *Гайдомакъ*, производя отъ *гай* (лѣсъ) и *домъ*, — лѣсной жилище; но мнѣ кажется, что вышесказанное значеніе вѣрнѣе: Гайдамакъ слово Татарское, употребительное также еще у Турковъ, Молдаванъ: *гайда* — пошѣлъ, гуляй; *макъ* — окончаніе неопредѣленнаго наклоненія. Впрочемъ слово *гайда* иногда употребляется какъ существительное имя, почти однозначительное съ Украинскимъ словомъ *гультай* — гуляка (откуда и слово *гультайство*).

М. — *КРАВЧИНА*: такъ называло себя Запорожское войско при Наливайкѣ — не потому ли, что сей любимый ихъ вождь сначала занимался шитьемъ *кожуховъ* (пулуповъ), былъ *кравецъ* (портной)? Это обращалось ему въ укоръ и насмѣшку отъ пропивниковъ, что и могло заставить Запорожцевъ гордиться этимъ и нарочно принять себя это имя.

ВВЕДЕНИЕ.

Нашествіе Монгольскихъ Орды (1224—38) опдалило слишкомъ на 4 вѣка *Южно-Русскую* или просто *Русскую* землю, т. е. *Украину*, отъ ея родосипвеннаго союза съ *Сѣверно-Русскими* Княженіями, съ коими она соспавляла древній періодъ нашей Исторіи, и попомъ вмѣстѣ съ ними сполѣтъ влачила плугопу ярма Татарскаго. — Въ то время развивалась на Западѣ другая орда, Европейская: въ 1340 г. Гедиминъ опбилъ Кіевъ у поганой *Татары*, и Украинною овладѣла *Литва беззаконная*, водившая храбрыхъ *Русицей* на Татаръ и на Крижакъвъ. Попомъ Украина и Литва вступили въ союзъ съ Польшею (*Pacta Conventa*, 1434); но въ послѣдствіи Кіевъ изъ Княжества обращень въ Воеводство (1478) и Украина вмѣстѣ съ Литвою подпали подъ власнь Польши.

Въ сей-то Литовскій періодъ Украины (съ 1340) зачалась *Московія* — юное сердце, punctum saliens *Великой Россіи*; и между тѣмъ какъ оно, выходя изъ тяжкой мглы Татарской, крѣпилось и росло въ сей исполнскій и мощный организмъ, — на Югѣ зачиналось *Козагество*, которое, подобно летучей кометѣ, вспыхнувъ на *Украинѣ*, грозно пронеслось въ мірѣ, огневою черпою означило слѣдъ свой въ Исторіи, и — приставъ къ Восточному Солнцу, вошло въ систему великаго міра его.

Внѣшніе набѣги Татаръ и внутреннее угнетеніе отъ Литвы и Польши, въ оное время общаго хаоса, служило поводомъ къ соспавленію *Козагества* за Порогами Днѣпровскими — тамъ, гдѣ воинственный Святославъ сложилъ свою буйную голову, сей первообразъ головъ козацкихъ! . . . *Запорожье* было гнѣздомъ, гдѣ роилась дружная, отважная, холостая папуга *вольныхъ Козаковъ* — плодилась безъ матерей, ибо для нея была *Стѣя матери*, а великій *Дугъ батько*. Козаковъ сводила и дружила жажда воли, местни, бинны и добычи, и всякой выходець — кпобѣ онъ ни былъ —

могъ сдѣлаться ихъ братомъ - товарищемъ, только бы, принеся съ собою удалую боевую *отвагу*, онъ принялъ *Греческую вѣру* и *языкъ ихъ*.

Дѣй стихій сіи, п. с. *Азіатски-наѣздническая* и *Греко-христіанская*, глубоко приняты были кореннымъ племенемъ Украины еще въ Дотатарскій періодъ нашей Исторіи. Духъ боевой, наѣздническій воспитали въ немъ непреспанные схватки и сближенія съ ордами Азіятцевъ; а въ сношеніяхъ съ Византійцами они получили Восточное христіанство и *письменство*. Живое сіяніе сихъ двухъ стихій съ *природнымъ* свойствомъ ихъ души составило ихъ характерную особенность. Природное же свойство ихъ состоятъ въ угрюмой, столь способной къ внутренней жизни *глубинѣ* духа, копорую искони воспоило въ нихъ родное имъ *Черное* или *Русское* море, и въ *грустномъ безнѣгнѣ*, къ которому расположила ихъ жизнь степей Днѣпровскихъ. Ибо Украинцы или Малороссіяне составляютъ Восточную половину *Южныхъ* или *Черноморскихъ* Руссовъ, имѣвшую своимъ средопочіемъ богоспасаемый градъ *Кіевъ*, именемъ коего называлась иногда и самая страна ихъ — *Земля Русская, Украина* или *Малороссія* (1). Западная половина ихъ составила Червленную (*Красную*) *Русь* или *Галицію*, гдѣ *Южно-Русскій* языкъ ихъ и нынѣ называется *Русскимъ*, у насъ же названіе *Русскаго* усвоилось языку Сѣверно - Русскому или Велико - Рускому.

(Слово о полку Игоревѣ есть драгоценный памятникъ Южно-Русской Поэзіи XII вѣка, имѣющій, по моему мнѣнію, поэтическое однородство съ Думами и пѣснями Украинскими.)

(1) Напримѣръ въ Никои. Лѣт. Ч. 3. с. 4. — „Того-же (1259) „лѣта Батый пача посылаши рать на грады Рускіе, и взяши „градъ *Перелславъ Рускій* иже въ *Кіевѣ*.“ Перелслювъ всегда въ сей Лѣтописи наз. Рускимъ, въ опачіе онъ Перелславля Залѣскаго.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ

О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА ДОУНИАТСКИХЪ.

Полягла козацька молодѣцька голова
Якъ одъ вѣтру на степу права!
Слава — не вмерѣ, не поляже,
Лыцарсьшво козацьке всякому розкаже! . .
Дума Х.

ЗАМѢЧАНІЕ I.

Въ началѣ 16 столѣтія Козачество изъ Запорожья разливалось уже по Украинѣ, и мало помалу пересиливало собою такъ называвшееся *рыцарство Шляхѣтное*. — Татарскимъ именемъ *козака*, означавшимъ первоначально только *наѣзника*, спалъ называться уже всякой добровольный воинъ. Наконецъ это слово обратилось въ народное, коимъ называли себя Украинцы. „Козаковъ — по словамъ лѣтописи — на Украинѣ было столько, сколько и людей: „речеть старшій слово, аbie войска числомъ аки права „будеть!“ — Такимъ же образомъ изъ Нѣмецкаго *рейтара* (Ritter) или *всадника* образовалось при подобныхъ обстоятельствахъ *Западное рыцарство*, въ противоположность коему *Козачество Украинское* представляло собою *рыцарство Восточное, народное*, имѣвшее и свою народно-рыцарскую или Козацкую Поззію, и свою народную войну за Восточную Церковь, и нашедшее себѣ владыку въ единовѣрномъ Царѣ Восточномъ (или Московскомъ).

Съ 1506 года *Евстафій Дашковичъ* былъ вождемъ Запорожцевъ; а сподвижникъ его *Предиславъ Ланцкоронскій* былъ первымъ Гетьманомъ Козачества Заднѣпровскаго и основателемъ онаго въ Хмельникѣ. Потомъ предводили козаками *Венжикъ (Венцеславъ) Хмельницкій, Дмитрій Вишневецкій*. Въ 1564 — 1574 козацкимъ Гетьманомъ былъ *Иванъ Свирговскій* — *той бѣ Слава дней своихъ!* Послѣ него вождемъ козацкимъ былъ побѣдоносный *Богданко Ружный*, который въ 1576 отъ Короля Баторія (или *Батыря*) получилъ титулъ *Запорожскаго Гетьмана*, клейноды, бунчукъ, булаву и войсковую печать съ гербомъ, а Козачество было возвышено, и Украина получила устройство воинско-гражданственнаго.

Послѣ Богданка Гетьманами были *Иванъ Подкова* или *Серпяга* (1577), *Шахъ* или *Жахъ*, наконецъ *Скалозубъ*.

Весь этотъ періодъ можетъ названъ быть періодомъ *воинской славы Козаковъ*, воевавшихъ въ сіе время съ Татарами, Турками и Волохами, не только на сушѣ, но и на Черномъ морѣ, по коему разъѣзжая на своихъ лодкахъ, они производили опустошенія въ Синопѣ, Трапезондѣ и Царьградѣ; рядъ сихъ подвиговъ заключается славнымъ морскимъ походомъ Скалозуба, 1589.

ПѢСНИ О СВИРГОВСКОМЪ.

Здѣсь говорится опредѣлительно о смерти сего славаго Гетьмана, последовавшей 1574, когда онъ ходилъ на Турковъ по призыву Господаря Молдавскаго Іоанна Арминина.

1 (*).

Якъ того Пана Ивана,
Що Свѣрговського Гетьмана,
Да якъ бусурманы поймали:
То голову ёму рубали,
Ой голову ёму рубали,
Да на бунчукъ вѣшали,
Да у сурмы выгравали,
Зъ ёго глумовали.

А изъ нѣзу хмара спига́ла,
Що вóронѡвъ ключа набѣ́гала,
По Укра́инѣ туманы кла́ла;
А Укра́ина сумова́ла (гоб) —
Ой Укра́ина сумова́ла,
Свогó Гетьмана оплака́ла.

Тоді́ буйні́ вѣ́пры завыва́ли.

— Де-жъ вы на́шого Гетьмана сподѣ́вали?

Тоді́ крѣ́чепы надѣ́пали.

— Де-жъ вы на́шого Гетьмана жалковали?

(гоб) Сумова́ти — грустити, горевати.

(*) Изъ Запорожской Старины кн. I. — Тамъ соснавлены въ одну 2, 3 и 4 пѣсни; но я представляю ихъ порознь, надѣясь дополнить ихъ при помощи моихъ чиншателей.

Тодѣ орлы загомонѣли (107).

— Дѣ-жъ вы нашего Гетьмана захоронили ?

Тодѣ жайворонки повилѣся.

— Дѣ-жъ вы изъ нашимъ Гетьманомъ проспѣлися?

У глыбѣо́й у моги́лѣ,
Бѣ́лѣ го́рода бѣ́лѣ Ки́лиі,
На Туре́цько́й ли́нѣи!

ПЕРЕВОДЪ.

Какъ того Пана Ивана, что Гетьмана Свирговскаго, да какъ поймали бусурманы; по рубили ему голову — ой голову ему рубили, да на бунчукъ вѣшали, и въ трубы играли, и глаумѣлись надъ нимъ.

А съ низовья піянулась плуча, набѣгала что спая вороновъ, и сплала плуманы по Украинѣ; а Украина горевала; охъ, горевала Украина — своего Гетьмана олакивала!

Тогда завывали буйные вѣтры . . . Гдѣ вы дѣвали нашего Гетьмана? — Тогда налепали кречеты . . . Гдѣ вы плужили по нашемъ Гетьманѣ? — Тогда закричали орлы . . . Гдѣ вы схоронили нашего Гетьмана? — Тогда повидѣсь жаворонки Гдѣ же вы проспѣлись съ нашимъ Гетьманомъ?

— Въ глубокой въ моги́лѣ, возлѣ города возлѣ Ки́лиі, на Турецкой линіи.

(107) Го́мо́ль — крикъ, шумъ, гамъ.

2.

Ой у́ городъ у Черка́съ сурмы засурмили,
Якъ тѣ́ Ляшскі́ комиса́ры до Ге́тьмана приходили.

Ой у́ городъ у Черка́съ бубны заорали,
Якъ тѣ́ Ляшскі́ комиса́ры до Ге́тьмана прибывали.

Ой заржа́ли ко́ни, ко́ни, да по́дъ го́ру йдучи,
Заголоси́ли бусурма́ны до Ки́ли йдучи.

Отъ́, якъ па́нь Свѣ́рговскі́й до Ки́ли прибыва́въ,
Усе́хъ козако́въ зби́рава́въ, да на Ра́дѣ проха́ваъ.

Си́зымъ о́рликомъ ле́паваъ, яворо́нькомъ гну́вся:
— Де́-сь то я, мо́й ми́лы бра́шня, да й сподѣ́нуся?

Сподѣ́нувся па́нь Свѣ́рговскі́й у сыро́й моги́лѣ,
Якъ козаки́ би́ля ёго да загомонѣ́ли!

3.

Ой па́нь пы́шный, па́нь Свѣ́рговскі́й,
А ще дру́гий па́нь Зборо́вскі́й,
А ще тре́тій Морозе́нко,
А чепве́ртый па́нь Горле́нко.

Що зъ Во́лохами Ту́рокъ дере́шся
А зъ Тата́рами Во́лохъ бье́шся.
Да Во́лоскѣ́ зе́млі руйну́ють,
Пли́ндрують ще й не милу́ють.

Не по ба́тенько сы́на проща́ваъ
Ша́блю да збро́ю дава́ваъ;
А по ма́ми сы́на выпровожа́ла —
Що слѣ́зми опроще́нье дава́ла,
Що на го́ре собѣ́ ёго́ выгодова́ла.

Плакала старá баба Грициха,
Мовъ перепелиха, мовъ перепелиха.

Молодá сестра сонъ - праву (108) ирвала,
Старую пыпала, старую пыпала:

— Чи той сонъ-права козацькая сила?

Чи той сонъ-права козацька могила?

„Ой той сонъ-права, голубонько, зроспівся у полі,
Да поймала ту праву недоля, да дала моєй доні.

Ой доню-жъ, доню, моя доню! годъ сумовати,
Що нашого молодого Йвана въ могилахъ шукаши! (109)

ПѢСНИ О МОРОЗѢНКѢ.

Въ 3й пѣснѣ о Свирговскомъ *Морозенко* упоминается какъ его сподвижникъ: и только основываясь на семъ, я помещаю здѣсь пѣсни объ этомъ козацѣ, весьма любимыя въ народѣ. Изъ Исторіи Морозенко мнѣ неизвѣстенъ.

5.

Ой Морозе, Морозѣнку, ты славный козаце!
За побѣю Морозѣнкомъ Украина плаче.

(108) Эпа могильная *сонъ - трава*, разцвѣтающая весною, принадлежитъ къ роду Анемона (*Anemone patens*). — Анемоны, по Греч. Мие., выросли изъ слезъ Киприды, плакавшей надъ трупомъ Адониса. По словамъ Маркевича (см. *Українскіи Мелодіи* стр. 109) въ Украинѣ сонъ - траву приписывается и пророческая сила.

(109) Шукаши — искаши.

Не такъ шая Украина якъ те горде войсько . . .
Заплакала Морозиха идучи на мѣсто (110).

— Годъ, годъ, Морозихо, по сынъ пужити;
Ходѣмъ зъ нами козаками мѣду, вина пийти!
„Чого-сь менѣ, милы братѣ, мѣдъ, вино не пьѣтся!
Ой дѣ-сь то мой Морозѣнко да вже зъ Туркомъ
бьѣтся!

Опѣ, зъ-за горѣ, изъ-за кручи (111) горде войсько
выспулае —

По-сам-передъ Морозѣнко сивымъ конѣмъ выгравѣе.
Склонивъ-же вѣнъ головоньку своему коню на гри-
ноньку:

— Бѣдна-жъ моя головонька! сѣ чужая споро-
нонька! (*) —

А въ нашего Морозѣнка червѣная спрѣчка (112):
Дѣ проѣде Морозѣнко — кровавая рѣчка.

За рѣчкою за Лиманомъ покопаны шанці . . .
Взяли, взяли Морозѣнка въ недѣленьку вранцѣ.

Посадили Морозѣнка на песовѣмъ спѣльцѣ:
Зняли, зняли зъ Морозѣнка зъ черешѣвъ (113) чер-
вѣнцѣ.

Посадили Морозѣнка на жѣвѣмъ пѣсѣчку:
Зняли, зняли зъ Морозѣнка кроваву сорѣчку (114).

(110) Мѣсто — кромѣ города, знач. еще и рынокъ;
мѣсце — мѣсто. Горѣдъ — огородъ. (111) Круча —
крутизна. (112) Спрѣчка — лента узкая и спрѣчка.
(113) Черешѣ, черешѣкъ — черезъ, въ косѣ по-
сили деньги. (114) Т. е. содрали кожу.

(*) Сей куплетъ встрѣчается и въ другой пѣснѣ.

Въ одномъ изъ пяти варіантовъ сей пѣсни Морозенко представленъ Уманскимъ козакомъ; вмѣсто Турковъ, онъ — зъ *Ллшеньками бьется*, и конецъ пѣсни такой:

Вонъ-жъ ёго а ни били, ни въ чвѣртпй рубали, (115)
Тольки зъ ёго молодого живцемъ сердце взяли.

6.

Въ недѣленьку ранесенько, да щѣ до сходъ сонця,
Ой плакала Морозиха, сѣдя у вѣконця.

Морозенко козаченько якъ макъ розпукався,
Морозенко козаченько въ неволю попався! —

— Продавай же, мапусенько, волы да коровы,
Да выкуплай своего сына зъ пѣжкою неволи!

Продавай же, мапусенько, быки да телиці,
Да выкуплай своего сына зъ сырои темниці.

Не дай менѣ, мапусенько, грѣзными словами,
Схаменѣшся й обольѣшся дробными слѣзами....

Да вяжи, вража Тапарюго, назадъ руки спуга,
Буде на васъ, козаченьки, велика пошуга (116)!

Ой пойдѹ я въ чисте поле на Саворь-могілу;
Ой гляну я, подивлюся на свою Вкраину!..

(115) Т. е. чертвертовали. Чвѣртъ, чвѣртк — чертверть. (116) Пошуга — опрада. Туга — печаль.

ПѢСНЯ О БОГДАНКѢ.

Можно думать, что сія пѣсня (изъ Собр. *Ходак.*) относится ко времени похода въ Крымъ (1575) *Богданка Ружнаго*, столь прославившагося своими подвигами, прошедшаго съ войскомъ своимъ Малую Азію, грабившаго Царь-градъ и проч.

7.

Ой Богдѣне, Богдѣне, Запорѣзскій Гепьмѣне!
Да чому-жъ въ чорнѣмъ ходишь, да въ чорнѣмъ
оксамитѣ? (117)

— Гей, були-жъ въ мене гѣспѣй, да гѣспѣй Татарѣве:
Одну нѣчъ ночовали: стару нѣньку зарубали, а
милѣньку собѣ взяли.

Гей, сѣдлай хлопче коня, коня вороного,
Татаръ швидко доганяши, милѣнькую одбиваши!
Гей, у чиспѣмъ полѣ тамъ Татарѣ ночують и
вечѣрю гопують (118);

Татаринъ по пабору ходитъ, милѣньку за ручку
водитъ.

Гей, одсунься, милѣнька, нехай забью Татарѣнка! —
— „Чи забьешъ, чи не забьешъ, тільки менѣ зъ
ума зведешъ!

Чи влучишь, чи не влучишь, тільки мѣшканья
(119) розлучишь.

Ой сѣдлай, милый, коня: ты-жъ не мой, я не швоя!
Гей, коли жива буду, то я тебе не забуду!“

(117) Оксамитъ — (Греч. слово) бархатъ. (118) Гопую — гоповно. (119) Мѣшканье — сожитіе.

ПѢСНИ О СЕРПЯГѢ.

Иванъ Серпяга (какъ замѣнилъ Г. Срезневскій по пѣ-
снѣ) есть народное имя Гетьмана, споль извѣснаго въ
Исторіи подъ именемъ *Гана Подковы*. Такія двойныя фа-
миліи часто бывають у Малороссіянъ (изъ 8 й. Думы
видно, что Полк. Адамовичъ назывался *Костыремъ*, Лѣ-
сницкій — *Вологаемъ* и проч.). Серпяга былъ приглашенъ
на Молдавское Государство, но измѣнически убитъ въ
Львовѣ 1578, а похороненъ въ Кáневѣ шоварнищемъ и дру-
гомъ своимъ Гетьманомъ *Шахомъ* или *Жахомъ*, ко-
торый постригся 1579 въ монахи Кáневскаго монасты-
ря. — По имени Серпяги названа была *Серпяжинымъ*
шляхомъ дорога, идущая отъ Кáнева (какъ по имени Геть-
мана Конашевича - Сагайдачнаго названъ *Сагайдачный*
шляхъ): не по ней ли сдѣлана и загадка про дорогу: ле-
житъ *Гіся*, прости́глася — якъ устане, нѣба достане?

8.

Охъ и сила, сила, сила силу подолѣла:
Серпяговѣ да у Львовѣ сподѣлась могила.

Сподѣлась могила... якъ Волóхамъ любо!
Припина́ли (120) да Серпягу до сухóго дубу.

Ой Волóхи, ой Волóхи! зъ чогó жъ ёго звáли,
Що козака́мъ Запорóзьцямъ да изра́ду (121) дáли?

Да изра́ду дáли Господарю́ свóму —
Ой Гетьману Серпяговѣ́ дóбре бу́ло й дóма.

(120) Припина́ти — прикрѣплять. (121) Изра́да, зра́да —
измѣна, предательство. Зра́да значить и гибель.

Поминайне-жъ лихомъ Господаря свого —
Чи вонъ добрый, чи вонъ злюка, ой що вамъ до того!

Хоть вонъ добрый, хоть и злюка, абѣ не падлюка (122).
Припинайне-жъ да Серпягу до сухого сѹка!

Що Серпяга, то Серпяга — брата Жаха мае,
Да вѣдь брата, да вѣдь Жаха поминъ сподѣвае (123).

П Е Р Е В О Д ъ.

Охъ и сила, сила, сила, одолѣла силу: Серпягъ во Львовѣ свершилась могила.

Свершилась могила . . . какъ Волохамъ любо! Вязали они Серпягу къ сухому дубу . . .

Волохи, Волохи, за чѣмъ же его звали (на Господарство), когда казакамъ Запорожцамъ вы измѣнили?

Вы измѣнили своему Господарю, а Гетьману Серпягъ хорошо было и у себя.

Поминайне-жъ лихомъ своего Господаря . . . добръ ли онъ, золь ли, что вамъ до того! . . .

Хоть онъ добръ, хоть и золь — только бѣ не подлець. Вляжте-жъ Серпягу къ сухому дубу.

Серпяга — все Серпяга . . . у него есть братъ Жахъ, — и онъ брата, онъ Жаха онъ ждетъ себя помина.

(122) Падлюка (па́дло) — подлець, собственно же падаль. (123) Сподѣва́тися, надѣясь.

Ой зъ гóрода изъ Пóлшавы (*) вы́ѣзжали коза́ки.
Усѣхъ бу́ло при па́боры, да всѣ при о́днѣки.

У пѣршóму у па́борѣ усѣ леспрóвыи,
У друтóму у па́борѣ усѣ хорунжіи,
У трѣтѣ́му у па́борѣ усѣ курѣ́нныи.

Ой ѣхали-жъ вонѣ при днѣи и при нóчи въ Поку́тьѣ;
Ой на трѣ́тю да ура́нцѣ (123) трѣ́ба въ Мѣрджѣ́ бу́ши.

А въ гóродѣ да у Львóвѣ зашумѣ́ли вѣрбы:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́тъ — Серпя́га по
мѣрпѣ́вый.

Ой въ гóродѣ да у Львóвѣ задзвонѣ́ли дзвóны:
Коза́къ бурла́къ вби́тый лежи́тъ, пра́влять по-
хорóны.

А въ гóродѣ у Ка́невѣ, да и заголосѣ́ли,
Що Серпя́гу у моги́лу пѣ́хо положи́ли.

Ой Серпя́гу положи́ли, да и захова́ли;
Да помѣ́нь по Укра́инѣ, помѣ́нь вóдправля́ли.

(123) Ура́нцѣ, вра́нцѣ — поу́пру; ра́нокъ — у́про.

(*) Прежняя Пóлшава нахóдилась на р. Гóличѣ.

ПѢСНЯ БОГУСЛАВЦУ.

Иванъ Богуславецъ былъ сподвижникъ Скалозуба, 1589.
Пѣсно сію я отношу къ нему, и не знаю кому бы она шла
болѣе.

10.

Гей, зъ устниѣ (124) Днѣпрá, да до вершіны
Сѣмсопъ рѣчокъ и чопыріѣ,
Да усѣ вонѣ да у Днѣпрѣ впáли,
У Днѣпрѣ правный несказанный! —
Да повѣйте, вѣпры низовѣи,
Ой на пáрусъ безоднѣи (125)!
Ой сидѣть козákъ да на дѣменѣ (126),
И вонѣ дѣменомъ повертáе,
И на Чóрне Мóre поглядáе:
Ой плывѣ суднó, однимъ-одно,
Въ ёмú Тóрчинъ сидѣть зъ Туркѣнею,
А Туркѣня сидѣть, вонá не гулáе,
Шовкóвенъкѣй рушникóкъ (127) вышивáе.
Ой комú сей рушникъ бóде —
Ой чи Тóрчину, чи Татáрину,
Ой чи козакóвѣи молодóму?
— Ой се бóде Кошовóму молодóму.

(124) Устня — устье, (125) Безóдный — бездонный.

(126) Дѣменѣ — корма. (127) Рушникъ — полотенце.

О Т Р Ы В О К Ъ,

можетъ быть относящійся къ Венцеславу Хмельницкому,
бывшему не-задолго до Свирговскаго.

Ой поѣхавъ Венцеславъ на коню гуляпи,
А повѣсивъ черѣзъ плѣчи да сайдакъ * багáпый.

Грай мóре, Чóрне Мóре!

Га́ла, ги́ды, гу!

* Лукъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ II.

БЫЛЕВЫЯ ПѢСНИ О ВРЕМЕНАХЪ КОЗАЧЕСТВА
ОТЪ ВОЗСТАНІЯ ПРОТИВЪ УНИИ ДО СМЕРТИ БОГДАНА.

Въ той часъ була честь , слава ,
Войсковая справа :
Самá себѣ на смѣхъ не давала ,
Непріятели подъ ноги шопшала.

Дума VIII.

Замѣчаніе II.

Козаки въ своихъ побѣдоносныхъ подвигахъ забывали тѣ припѣсненія, которыя Украинѣ спала наносить Польша, частію по своему урону отъ усилившагося Козачества, частію по внутреннимъ безпорядкамъ своего избирательнаго правленія. Но когда Польша, во имя Уніи, посягнула на вѣру Козаковъ, тогда загорѣлось *религіозно-воинское возстаніе* ихъ на Поляковъ, составляющее характеристику сего вѣповаго періода Козачества. — Въ 1592 году *Христоборъ Косинскій*, вызвавшись быть Гетьманомъ козацкимъ, первый ополчился на Унію. По смерти его (1594) Козаками избранъ въ Гетьманы *Павель Наливайко*, славный и побѣдами своими, и мученическою смертію въ мѣдномъ быкѣ (1597). Много потерпѣла обиды вслѣдъ за тѣмъ Украина; но съ 1606 года, когда Запорожскимъ Гетьманомъ сталъ *Петръ Конашевичъ-Сагайдачный*, записали на время угнетенія на Украинѣ, сколько по силѣ сего замѣчательнаго человѣка, сколько по смутному для Польши времени, въ которое ей были необходимы Козаки для войны съ Россіей и Турціей. По смерти его (1622) снова постигла Украину бѣдственная година, и снова вспыхнуло ополченіе Козачества на Поляковъ. *Тарасъ Трясило* въ 1629 году провель съ ними подъ Переясловомъ кровавую *ночь*, извѣстную подъ именемъ *Тарасовой*. И съ этой памятной ночи Исторія Украины на 17 лѣтъ обращается въ повѣсть самую трагическую, самую назидательную (*). *Суліма*, *Павлюкъ*, *Острианица*, съ своими сподвижниками очередно наслѣдовали въ Варшавѣ участь Наливайкову. Наконецъ въ 1647 г. воздвигся Гетьманъ *Зинѣвій Хмельницкій*, освободившій Украину и отъ народа своего получившій великое имя — *Богдана*. Послѣ того онъ въ 1654 году поддался Царю Московскому, присягнувъ ему на вѣрность въ Переясловѣ 8 Января, вѣсть съ нимъ поевалъ еще противъ Поляковъ, и 1657 г. 15 Августа скончалъ свою славную жизнь.

(*) Числ. Башн. Кам. II. М. Р. Ч. I. гл. XIII.

ПѢСНИ О НАЛИВАЙКѢ.

11.

Опи́носите́ся къ 1596 г., когда Наливайко сжегъ и разорилъ *Могилевъ* на Днѣпрѣ и *Слуцкъ* на Случи.

Ой у́ городъ Могилевъ́ дѣ́момъ по́пягну́ло.
Якъ те вѣ́йско Запо́ро́зське зъ гарма́тъ да ре́вну́ло.

Ой у́ городъ Могиле́въ да спáлося пúсто,
Якъ повѣ́яли коза́ки зъ самопа́лôвъ гúсто.

Ой у́ городъ Могиле́въ орлы́ да гадю́ки (128) —
Ля́цькимъ пѣ́ломъ году́ю́ться, Ля́цьку пѣ́лу ра-
дую́сья.

Ой у́ городъ Могиле́въ, що пнѣ́ да коло́ды...
Прилучи́лося, бачъ, ли́хо Ля́цько́и поро́дъ.

Не такѣ́е ищѣ́-бъ ли́хо, якъ та́я позора́,
Що ходи́тъ по бѣ́лу свѣ́ту зъ двора́ да до двора́.

Не такъ та́я позора́, якъ козака́мъ пора́да...
Що, Кравчи́ну (129) шану́ючи, Ляха́мъ далас́ь зра́да.

Далас́ь Ляха́мъ зра́да изъ са́мого ра́на,
Одъ Ге́пъмана Наливайка́, шанóвного Па́на.

П Е Р Е В О Д Ъ.

Въ городъ Могилевъ поплынуло дымомъ, какъ Запорожское войско грянуло изъ пушекъ.

(128) Гадю́ка — змѣя. (129) Кравчи́на — Запорожское войско — см. на стр. 66. М.

Въ городѣ Могилевѣ стало пусто, какъ козаки изъ ружей повѣяли густо.

Въ городѣ Могилевѣ — орлы да змѣи: Ляшскимъ плѣломъ пипаюшся, Ляшскимъ плѣломъ потѣшаюшся.

Въ городѣ Могилевѣ — пни да колоды... приключлося, вишь, лихо Ляшской породѣ!

Не такъ-то еще лихо, какъ попъ позоръ, что ходишь по бѣлѣ свѣшу опъ двора во дворъ.

Не такъ еще и позоръ, какъ та опрада козакамъ, что гибель, минуя Запорожское войско, поспигла Ляховъ.

Поспигла Ляховъ гибель съ самого заранья, опъ Гетьмана Наливайка, доспочимаго пана!

12.

О смерти Наливайка, который попался въ плѣнь Жолкевскому при Лубкахъ. Кто такой былъ Игнатъ Голый, столь прославляемый въ пѣсняхъ, по Исторіи не видно.

Слѣвна спѣла та Кравчина якъ на Польшу спѣла, Вовкулакамъ, Капелінамъ (130) мспіючи зраду дѣла.

Тую зраду, тую зраду, що въ мурѣ, въ темницѣ Зъ Наливайка поэычала (131) якъ зъ бѣдной вдовиці.

Вдѣвинъ сѣну, вдѣвинъ сѣну! еще въ тебѣ брѣтѣ, А въ брѣтѣ твоихъ козаковъ багачко завзяты (132)! —

(130) Вовкулака — упырь, оборотень. Слово Капелікъ у Козаковъ было самое поносное. (131) Поэычати — брать взаймы. (132) Багачко — много; багачко — множество. Завзяты — ошвага, удачество.

Зходілися всѣ козаки, Раду положили,
Да на Радѣ на Полѣкѣвъ похѣдъ присудили.

Розходілися козаки изъ своєї Радѣ,
Выбирали зъ-пѣдъ камѣнѣвъ великіи клѣды.

Клѣды продавали, самопалы куповали;
Куповали самопалы, въ похѣдъ выступали.

А поперѣду всѣхъ Гѣлый — соколомъ лѣшае;
На конику воронѣму жахомъ wygrae (133).

Привертали козачѣнки по-рану до Слѣчи,
Да зъ гарматы гусповали Капелікѣвъ звѣчи.

А Ляхи й почѣли, увѣ опивѣтъ ревнѣли —
Бо-даѣ-же (134) ймѣ пѣжко й вѣжко, що вони ревнѣли.

Що вони ревнѣли, бѣдѣ провѣщали;
А козаки Гайдамаки дѣмали й гадали.

Дѣмали й гадали, дѣмали й гадали;
Тѣжко, вѣжко за Гѣпѣманомъ своѣмъ сумовали.

А въ Варшавѣ да на Радѣ да сѣдѣ судили;
Да зпалѣти Наливайка въ волѣ — присудили.

Присудили Наливайка да Ляхи спалѣти,
Присудили козачѣнки Ляхѣмъ вѣдомспѣти! —

(133) Носишся, какъ страхъ. (134) Бог-даѣ или бо-даѣ —
пусть, да будетъ (дай-Богъ)!

ПѢСНЯ О ЛОБОДѢ.

Полковникъ Иванъ *Лобода* еще при Косинскомъ ходилъ подъ Бѣлградъ (1593); сжегъ Цебору и разграбилъ Яссы (1594); — потомъ онъ былъ другомъ и главнѣйшимъ сподвижникомъ Наливайка, съ конемъ вмѣстѣ и погибъ въ Варшавѣ. — Въ пѣснѣ представленъ Лободинскій чуръ, напоминающій о подвигахъ своего папа и объ опмщеніи за него вызывающій къ козакамъ, сбравшимся въ походъ на Поляковъ 1633 г. подъ предводительствомъ Кошоваго *Сулмы* (который въ 1635 г. четвертованъ въ Варшавѣ). Про Гетьманство Поповаго и двукратное пораженіе его Лободою по Исторіи неизвѣстно.

13.

Ой въ городъ въ Бату́ринѣ дзвѣны задзвонили:
То коза́ки Гайдама́ки у Ра́дѣ радѣли.

Ой у Ра́дѣ да радѣли, якъ на По́льщу ста́ли,
Да на Ра́дѣ присудѣли Вѣра́йну є́днали.

Отъ и вѣйшли Гайдама́ки, хочъ ты́сяча й двѣспѣи,
Да бага́цько да за ними зведе́нся коры́спѣи!

А по́переду па́нь Сули́ма Опáманъ Кошо́вый —
Чого́-жъ жа́ху завда́ати, що вѣнь чорнобро́вый?

Панъ Сули́ма, панъ Сули́ма козако́въ збіра́е,
Да й усѣмъ тѣмъ Гайдама́камъ вѣнь па́къ промовля́е:

„Това́риши Гайдама́ки, чинѣть мою́ волю!

„Що на́мъ тре́ба во́дпла́тити Вкра́їнську недо́лю.

„Хочъ насъ, панѣ́ Гайдама́ки, и ты́сяча й двѣспѣи;

„Да бага́цько да за на́ми зведе́нся коры́спѣи!

„Ой багацько да коры́сний зведётся за на́ми,
„Коли́ зхоче́те побиться́ бучно́ (135) изъ Ляха́ми.“—

Якъ на тее́ обб́зв́ався Лободовськый чу́ра;
До козако́въ уклоняе́; отъ-та́къ промовляе́:

— Ой панове́ Гайдама́ки, до́бре себе́ ма́йпе —
Що за мого́ пана́ Йва́на Ляха́мъ во́домща́йте!

Ой мо́й па́не, па́не Йва́не, де́-сь то т́ы зобга́вся,
Що на Ляхо́въ спа́въ завле́рше (136), да й не спо-
дѣ́ввся!

Ой мо́й па́не, па́не Йва́не, Налива́йко́въ дру́же,
Що зада́въ зъ нимъ зра́ду Ляха́мъ, зада́въ — да й
байду́же (137)! . . .

Ой мо́й па́не, па́не Йва́не, де́-сь то т́ы сподѣ́вся,
Що у мурѣ́, у темни́цѣ Ляха́мъ знадобі́вся!

Ой панове́ Гайдама́ки, па́на Йва́на зпомяне́те,
Да за мого́ пана́ Йва́на Ляха́мъ во́домспі́йте!

Коли́ хоче́те Вкра́йну до се́бе є́дна́ти,
То вамъ прѣ́ба па́на Йва́на добро́мъ помина́ти.

Якъ Вкра́йну т́и́и Ля́хи до се́бе є́дна́ли;
Тоді́ на́ши зъ па́номъ Йва́номъ въ походо́въ высту́пали.

Якъ Вкра́йну т́и́и Ля́хи до се́бе є́дна́ли,
Тоді́ на́ши зъ па́номъ Йва́номъ Ляхо́въ воюва́ли.

(135) Бучно — важно. (136) Прежде всѣхъ. (137) Бай-
ду́же, сѣ́лькѣ́сь — нужды нѣтъ.

Ой и Ляхѡвъ воюва́ли, якъ по Бугу спѣ́ли;
Да Гешма́на Попіо́цького двѡ́чи заганя́ли.

Ой и Ляхѡвъ воюва́ли, якъ по Прѹ́пу спѣ́ли;
Того́ бу́ло що й Цоцо́ру до́бре пліндрова́ли.

До́бре бу́ло, до́бре бу́ло, да спѣ́лася зра́да.
Що заби́то па́на Ива́на у недѣ́лю зра́на. . . .

ПѢСНЯ О САВВѢ ЧАЛОМЪ.

Пѣсня сія, весьма любимая въ народѣ, относится къ козаку Саввѣ Чалому, которъй преданъ Полякамъ во время Наливайково и былъ взятъ *Игнатомъ Голымъ*. Это видно по списку, помѣщенному въ *Зап. Старинѣ*, составленному Г. Срезневскимъ изъ многихъ, въ коемъ послѣдніе 4 куплета принадлежатъ къ пѣснѣ объ *Негаѣ*. Тамъ помѣщены еще двѣ превосходныя пѣсни о двухъ измѣнникахъ *Тетеряхъ*, сынѣ и опцѣ, предавшихся Полякамъ подъ Каневою предъ бѣшвою Чигиринскою (1596); Тетеренко пойманъ подъ Варшавою козакомъ *Слугасемъ*.

14.

Ой бу́въ въ Сѣ́чѣ спары́й коза́къ прозва́ніемъ Чѣ́лый;
Вы́годовавъ сы́на Са́ву козака́мъ на сла́ву.

Ой не зхопѣ́въ да панѣ́ Са́ва козака́мъ служи́ти:
Во́нъ по́йшовъ-же до Ляше́нько́въ сла́вы залу́чипи.

Ой во́нъ по́йшовъ до Ляше́нько́въ слѹ́жбы во́дправ-
ля́пи,

Изъ Ляха́ми Правосла́вну Це́рковъ руїнова́ли.

Збѣ́ралися Запоро́зці, всѣ́ въ Ра́ду зхожа́ли;
За похóды туды́-сюды́ про-мѣ́жъ се́бе рахова́ли.

Усѣ прійшли, усѣ прійшли, одного немае;
Ой чомъ тебѣ, бѣльцу Чалый, у Рѣды немае? —

„Чого-жъ менѣ, да панове, у Рѣду ходити?
Що хочете мого Сѣву навѣки згубити.

Хочъ спѣвъ собѣ вѣкъ до Ляховъ . . . да вже-жъ,
сынку милый,
Чому ты спѣвъ, чому до насъ такой спѣвъ спѣ-
сивый? “

— Ой спѣсивый, не спѣсивый — панѣ кажуть —
Сѣва . . .

Да недобра, зуривочна спѣла ёго слава.

Що не тольки да панъ Сѣва Церковь да руйнуе:
Изъ бѣсами спѣвъ за-право, и бѣрзо знахорюе, —

Обозвався на те Голый, каже: добре знаю,
Ой я того пана Сѣву у руки поймаю!

Отъ и спѣли да панове Рѣду розсучали;
Своихъ коней посѣдѣли, въ походъ выпунали.

Ой бувъ Сѣва, да вѣвъ сѣло да все паляницѣ;
Не кохавъ Сѣва молодыхъ дѣвчатъ, да все молодѣцѣ.

Не кохавъ Сѣва да козаковъ, да все Капелѣки, —
Загубивъ Сѣва, пропесавъ Сѣва свою вѣру навѣки.

Ой бувъ Сѣва въ Неміровѣ въ Ляховѣ на обѣдѣ;
И не знае, не вѣдае о своёмъ бѣдѣ.

Ой пѣе Сѣва и гуляє, Ляхомъ vyrubaе,
А до ёго що до Сѣвы гонецъ приѣзжае.

— А що ты шупть, малый хлопку! чи все гараздъ
дома? —

— „Протоппана, пане, спѣжка до вѣшого двѣра.

Да все гараздъ, да все гараздъ, усѣ хорошенъко :
Выглядѣють Гайдамаки зъ-за горы часпенъко !“

— Опть-шо лихо, выглядѣють! яжъ ихъ не боюся!
Хибѣжъ нема въ мене вѣйска? я не забарюся.

Сѣдлай, хлопку, сѣдлай, малый, коня воронѣго ;
Пѣдемѣ мы до-дѣму хочѣ насъ немнѣго. —

Ѣде Сава зъ Немѣрова на воронѣмъ коню...

А прѣхавши, гадаѣ да про свою дѣлю.

— Ой ты-жъ, дѣле — каже Сава — щербѣлая дѣле! —

Пипѣетъ челядонъки : чи все гараздъ дѣма? —

„Гараздъ, гараздъ, пане Сава! ще лѣчче зъ тобѣю,
Якъ тебѣ мы побѣчили на воронѣмъ коню.“ —

Ой сѣвъ Сава въ конѣцѣ спѣла, да лѣспѣньки пѣше;
А Сѣвиха на лѣжѣньку дѣпѣну колыше. —

Сѣдѣшь Сава, лѣспѣ пѣше, Сава дѣмку дѣѣе;
Опть вѣже Сава, да панъ Сава, гѣдку замышлѣе :

— Пѣдѣ, дѣвко, у пѣвнѣцю упѣчи горѣлки,
Ой нехай-же я напѣюся за здѣровѣе жѣнки.

Пѣйдѣ, дѣвко, у пѣвнѣцю да принеси пѣва,
Ой нехай-же я напѣюся да за свѣго сына.

Пѣдѣ, дѣвко, у пѣвнѣцю внесѣ менѣ мѣду :
Чѣго-сѣ менѣ прѣдно, нѣдно — голѣвки не звѣду. —

Сидить Сава въ концѣ сполѣ, все лѣспы чишае;
А Савѣха молодая все дума й гадае.

Сидить Сава въ концѣ сполѣ, хлопця вызывае,
А Савѣха молодая плаче да рыдае.

Ой не вспѣла челядонька зъ спѣны ключи зняти,
Спавъ Игнапъ Голый зъ Кравчиною воропта ла-
мани.

Якъ водсуне да панъ Сава воконце одъ рынку;
А вже пѣи, Гайдамаки блукають по сѣнку.

Тольки-жъ пѣя челядонька на порогъ ступае,
Ажъ Микитка пану Савѣ чоломъ отдавае.

— „Здоровъ, здоровъ, пане Саво, якъ ся собѣ маешъ?
Добрыхъ гостей собѣ маешъ: чѣмъ ихъ привѣщаешъ?

Ой чи мѣдомъ, ой чи пивомъ, ой чи горѣлкою?
Попрощайся зъ своимъ сыномъ и зъ своею жонкою!“

— „Ой давъ-бы вамъ мѣду й пива не хочете пѣи;
Ой вы жъ менѣ молодого хочете згубѣти. —

Ой чѣмъ менѣ васъ, панове, чѣмъ васъ привѣщаѣти?
Даровавъ, менѣ Господъ сына, буду въ кумы браѣти. —

— „Ой не того прийшли до пѣбе, да що-бъ кумоваѣти,
А мы зъ того прийшли до пѣбе, да що-бъ розсѣптаѣти!

Ой ведѣ-жъ насъ, пане Саво, у нову комору,
Да отдавай, пане Саво, козацькую зброю.

А дѣ-жъ пивой, пане Саво, сукни, едамашки,
Що мы наживъ, вражій сыну, зъ козацькою ласки?—

Да не погó прійшли до тебе, да щó-бъ кумовати;
А мы зъ погó прійшли до тебе, щó-бъ головку зняти.

Ой булó-бъ побѣ, пане Сáво, гáрдѣ не руйновати,
Коли хопѣвъ Запорóзцѣвъ въ кúмы собѣ брали.“ —

Ой кинетсѣ да панъ Сáва до ясного мечá . . .
Егó взяли на при списы изъ правого плечá.

Ой кинетсѣ да панъ Сáва да яснои зброи . .
Егó взяли да пóдняли на при списы къ горѣ.

— „Опсѣ-жъ побѣ, пане Сáво, сýкнй, едамáшки, (138)
Що ты наживъ, вражй сыну, зъ козáцької лáски!“

Ой не вспѣвъ-же да панъ Сáва на кóника впáсти:
У кайдáны заковáли, спáли нá вóзъ клáспи.

— Ой, Панóве Запорóзцй, хибá-жъ по вáмъ слáва,
Що въ кайдáны да забитый лежить у вáсъ Сáва?

Якъ-бы ёгó вы на вóлю зъ кайданóвъ пустили,
Слáву-бъ собѣ наибóльшую опъ-симъ залучили.

Якъ-бы ёгó вы на вóлю мѣжъ себѣ приняли,
Слáву-бъ собѣ наибóльшую опъ-симъ даровали. —

А Савíха молодáя вóкнóмъ упѣкáла,
На молодú челядóньку спíльна поглядáла.

— Хапáй, хапáй, челядóнько, малúю дипíну:
Будешъ жи́пи, пановáпи, коли я не згíну! —

Не бойт́ся козáченько ни грóму, ни пúчй:
Хорошѣнько въ кóбзу грае, до Сáвихи йдúчи.

(138) Сýкня — платье. Едамáшка — Дамасская матерiя.

ПѢСНЯ ЧУРАЮ.

Храбрый *Чурай*, полковой Асаулъ, захваченный въ бѣ-
вѣ близъ Спарицы, замученъ въ Варшавѣ 1638 г. вмѣстѣ съ
Гетьманомъ *Степаномъ Острижцею* и другими. (*).

15.

Орлику, сизый орлику, молодой Чураю!
Ой забили-жъ тебѣ Лихи да у своемъ краю.

Ой забили тебѣ Лихи изъ своимъ Гетьманомъ,
Изъ своимъ Гетьманомъ, що Паномъ Степаномъ.

Орлику, сизый орлику! орловъ браповъ маешь,
Що спарьи й молодой — самъ ихъ добре знаешь —

Що спарьи й молодой — всѣ въ тебѣ вдалися,
Водомспити да за тебѣ усѣ поклялися.

Що спарьи й молодой усѣ голѣнный (139);
А въ ихъ кони вороньи, швыдкѣи й быспрыи;

Ой швыдкѣи и быспрыи, якъ орлы лепаютъ,
На Ляшскѣи городѣ, хмарой набѣгаютъ.

А въ ихъ списы булатныи зъ довгими коньцями
Усѣ госпрѣи якъ голочки, зъ довгими клюгами (140).

А въ ихъ шаблѣи булатныи, на обѣдва боки,
Вражимъ Ляхамъ зраду сыплютъ по всѣмъ вѣчнѣи рѣки.

(*) Пѣсня сія, равно какъ объ Наливайкѣ и Лободѣ заим-
ствованы изъ *Зап. Старини*.

(139) Голѣнный — удалый (быспрыи). (140) Клюга —
упорка при остромъ концѣ копья.

ПѢСНЯ О ХМЕЛЬНИЦКОМЪ.

Здѣсь воспѣта первая Богданова побѣда (1648 г. 5
Апрѣля) надъ Ляхами при помощи Крымцевъ, при Желтыхъ
Водахъ (въ Екатер. Губ.).

16.

Чи не поій то хмѣль, що коло пычїнь вѣється?
Гей поій то Хмельницькій, що зъ Ляхами бѣється.

Гей поѣхавъ Хмельницькій, икъ Жовтому Броду,
Гей не одїнь Ляхъ лежить головою въ воду.

Не пїй, Хмельницькій, дуже поїй Жовтої воды:
Идѣ Ляхѡвъ сорокъ пысячъ хорошой вроды.

„А я Ляхѡвъ не боюся и гадки не маю,
За собою великую помугу я знаю,

Ищѣ й Орду за собою веду:
А все, вражїи Ляхї, на вашу бѣду.“ —

Упѣкали Ляхї, погубїли шубы. . .
Гей не одїнь Ляхъ лежить, выщеривши зубы!

Спановїли Ляхї дубовымъ хаты,
Прїйдѣтся Ляшенкамъ въ Польщу упѣкати!

Упѣкали Ляхѡвъ дѣ-якіи пѡвки,
Бли Ляхѡвъ собаки и сѣрыи вѡвки.

Гей тамъ поле, а на полѣ цвѣты:
Не по однѡмъ Ляху заплакали дѣты.

Гей тамъ рѣчка, черѣзъ рѣчку глиня:
Не по однѡмъ Ляху зосталась вдовця!

ПѢСНИ О НЕЧАѢ.

Данило Негай Полковникъ Бряцлавскій былъ женатъ на дочери Хмельницкаго: онъ наносилъ въ 1651 г. опустошенія въ Польской Подоліи и убишь подъ Краснымъ: по свидѣтельству Пасторія — *Байбузою*, въ одномъ изъ списковъ моихъ пославлено *Канѣвскимъ*, а въ другомъ — *Потоцкимъ*; я-же пославилъ имя *Калиновскаго*, ибо онъ разбилъ Нечаето войско, напавъ на него во время масляницы.

17.

Ой зъ тѣмного лѣсу, лѣсу, изъ Чорного гаю,

Ой крикнули козаченьки: упѣкай, Нечаяю!

„Якъ я маю козакъ Нечай зъ-вѣдсѣль упѣкаши,

Славу свою козацькую подъ ноги попиали?

Ой е въ мене Шпакъ, Шпакъ — опъ-той добрый
хлопецъ! —

Ой той менѣ дае знаши коли упѣкаши!“

— А я тебѣ, мой Нечаяю, не убепѣчаю:

Держи коня, держи въ сѣдлѣ для своего звычаю!

Ой я тебѣ, мой Нечаяю, не убепѣчаю:

Держи свою шабелечку да подъ опанчою! —

„Сѣдай, сѣдай, малый хлопче, коня вороного,

А побѣжи въ чисте поле, чи иде Ляшкѣвъ много?“

Вертається малый хлопецъ ажъ изъ Полонного (*):

— А иде Ляшкѣвъ сорокъ тысячъ, только безъ
одного! —

(*) Полонное мѣстечко при р. Хамарѣ, 98 верстъ отъ Житомира.

Коза́къ Неча́й, коза́къ Неча́й на те́ не впова́е,
 Да зъ кумо́ю зъ Хмельни́цького ме́дь-вино́ кругляе!...
 Бо посп́авивъ коза́къ Неча́й при споро́жї въ мѣспѣ,
 А са́мъ по́шовъ до кумоньки щу́ку-рыбу́ вспи.
 Ой по́гмяне коза́къ Неча́й за Тихи́и во́ды:
 Идѣ́ Ляхо́въ со́рокъ ты́сячъ хоро́шой вро́ды!
 Подив́ився коза́къ Неча́й у но́ву ква́тырку:
 Хо́дитъ Ляшкóвъ вра́жихъ сынóвъ якъ курей по

ры́нку.

Ой якъ кри́гне коза́къ Неча́й на хло́пця малóго:
 „Сѣдла́й, хло́пче, сѣдла́й, малы́й, коня́ вороно́го!
 Сѣдла́й мене́ вороно́го, собѣ́ буланóго —
 Гѣть вы́рѣжемъ вра́жихъ Ляхóвъ, гѣть що́ до о́дного!“

Ой якъ спі́сне коза́къ Неча́й коня́ оспрога́ми, (141)
 За нимъ́ Ляхóвъ со́рокъ ты́сячъ зъ го́лыми шабля́ми,
 Ой якъ во́зме коза́къ Неча́й одъ́ ба́шпы до ба́шпы:
 И спа́въ Ляшкóвъ вра́жихъ сынóвъ якъ сно́пики

кла́спи.

Поверну́вся коза́къ Неча́й во́дъ бра́мы до бра́мы:
 А посп́авивъ вра́жихъ Ляшкóвъ у чо́тырї ла́вы.
 Поверну́вся коза́къ Неча́й на пра́вее плече́:
 А вже́ зъ Ляшкóвъ вра́жихъ сынóвъ кро́вь рѣ́чками

те́че.

Поверну́вся коза́къ Неча́й на лѣ́вую ру́ку:
 Не ви́скочить Неча́евъ ко́нь изъ Ля́цького пру́пу!...
 А сполкн́увся Неча́евъ ко́нь на малу́ пы́чїну;
 По́ймавъ ё́го Калино́вскїй зъ ко́ня за чупри́ну.

(141) Острога́ — шпоры.

Чи не поій-то хмѣль, хмѣль, що вѣсоко вѣпсься?

Чи не поій-то козакъ Нечай, що зъ Ляшкѣми
бѣється?

Чи не поій-то хмѣль, хмѣль, а що тѣ пивѣ грає?

Чи не поій-то козакъ Нечай, що Ляшкѣвъ рубѣе?

Чи не поій-то хмѣль, хмѣль, що у пивѣ кїсне,

Чи не поій-то козакъ Нечай, що Ляшенкѣвъ пїсне?

Не знаєте, вражї Ляшкї, чѣмъ хлопця убїли:

Срѣбнымъ гуцькомъ, срѣбнымъ гуцькомъ ручницю
набили!

Не за довгий, довгий часъ, за малу годинку,

Качається Нечѣева головка по рынку.

Ой не дбали вражї Ляхї на козацьку вроду,

Рвали тѣло по кусочку, пускали на воду.

18.

Ой зъ пѣдъ гаю, гаю, зъ пѣдъ Чорного гаю,

Ой крикнули козаченьки: утѣкай Нечѣю!

„Ой не бѣйпесь, не бѣйпесь, Пань Опаманы;

Я поснавивъ спорожѣнку усѣми шляхами.“

— Ой я тебѣ, мѣй Нечѣю, не убезпѣчаю:

Держї свого кониченька въ своѣмъ обычаю! —

„А я козакъ молоденькїй Ляхѣвъ не боюся,

Маю-жъ бо я козаченькѣвъ, да й оборонюся!“

Одъ Красного Броду, одъ Чорной Вѣды

Иде Ляшкѣвъ сорокъ тысячъ хорошой вроды.

Ой не вспівъ-жé Нечáенько на кóника сѣспи :
Оглянепсь наза́дь себе́, а вже Ляхи́ въ мѣспѣ́.

Ой порва́вся коза́къ Нечáй до шу́того лу́ка,
Обе́рнепсь наза́дь себе́ — а вже по́вно пру́па.

Стрепенѣ́тся коза́къ Нечáй обѣ́ по́лы ру́ками :
Сюды́ гляне, туды́ гляне — пече́ крóвь рѣ́ками.

Уда́рипсь коза́къ Нечáй обѣ́ по́лы ру́кою :

„Ой прѣ́дется розлучи́ться изъ дѣ́шми́ й жонóю!“

— Ой де́-жъ пво́й, Нечáеньку, воро́нии ко́ни? —

„У Ге́шмана́ у По́льного сто́ять на припо́нѣ.“

— Ой де́-жъ пво́й, Нечáеньку, кова́ними во́зы? —

„По́дъ мѣ́спечкомъ́ Берѣ́спечкомъ́ запóчени́ въ лóзы!“

— Ой де́-жъ пво́й, Нечáеньку, сукни́, блава́пасы?

„Гей по́сѣкли, пору́бали́ Ляхи́, въ шабелѣ́пасы!“

— Ой де́жъ пво́й, Нечáеньку, дѣ́поньки́ да жо́на?

„Ой въ мѣ́спечку́ Берѣ́спечку́ сидя́ть собо́й до́ма.

Ой ко́порый коза́ченько́ буде́ зъ ва́сь у мѣ́спѣ́ —

По́клоні́ся мо́ей жо́ныцѣ́ й не́счастно́й не́вѣстцѣ́.

Неха́й вона́, неха́й бере́ срѣ́бла - зло́па до́-сыть :

Неха́й мене́ вы́купа́е и оспáнку́ про́ситъ!“

Не хо́тѣли́ вра́жй Ляхи́ срѣ́бла - зло́па бра́ти,

А во́лили́ Нечáенька́ въ дро́бный ма́къ сѣ́кати.

— Гей вы́ коза́ченьки, чи́ не бу́ли въ мѣ́спѣ́?

По́клоні́тпесь ма́лусе́нцѣ́ й не́счастно́й не́вѣстцѣ́!

Неха́й вона́, неха́й пла́че, а вже́ не выпла́че,

Ой на́дъ сы́номъ, на́дъ Нечáємъ́ чо́рный воро́нь кря́че.

Ой за ма́лú хви́льку, за ма́лú годі́нку,

Ой ска́кала́ Нечáѣ́ва го́ловка́ по́ рынку. . . .

О Т Р Ы В К И.

19.

О ПЕРЕБІЙНОСѢ.

Имя *Перебійноса* упоминается въ Исторіи въ числѣ сподвижниковъ Скалозуба. Но Перебійнось, къ которому относился сей отрывокъ пѣсни, есть храбрый Максимъ *Кривонось*, убитый 1648 г. Подъ тѣмъ-же именемъ онъ воспѣвается въ другой пѣснѣ, кошорой, къ сожалѣнію, я у себя теперь не имѣю.

Ой лугами да берегами да зеленыи вѣпты (141'):
 Дазасѣдають Ляхи, дазасѣдають пань, Перебійноса
 вбѣпши.

А Перебійнось того й не гадае,
 Да медъ вино попивае.

Ой одсунувъ панъ Перебійнось покупью ква-
 пѣрку —
 Ажъ гуляють Ляхи, ажъ гуляють пань, да по ёго
 рынку.

20.

Доколь ходили по Украинѣ козаки зъ рогами,
 Стояли степы, поля облѣгами;
 Якъ явились на Украинѣ попы въ дадовнищяхъ:
 Спали у мужикѣвъ пироги на полицяхъ.

(141') Вѣпша — вѣпшъ.

21.

Да не буде лѹчче, да не буде красче якъ у насъ на
Вкрайнѣ :

Да немає Жйда, да немає Ляха, немає Унїи.

22.

(Въ Межибожѣ.)

Ходяшь слуги по покою, вздыхаюшь до нѣба :
Нема пана Гецьмана — розойтїися прѣба.

23.

Туманъ поле покрыває,
Козакъ полемъ проѣзжає ;

Ой выѣхавъ країи могилы
Країи могилы Верховїны.

„Ты, могило Верховїно,
Чому рано не горѣла?“

— Ой я рано не горѣла,
Бо кровцею обкипѣла. —

„Ой якою?“ — Козацькою,
Половину и зъ Ляцькою. —

24.

У Гайсинѣ вѣтеръ вѣе, а въ Уманѣ ти́хо,
Въ Браїловѣ добра нема, а въ Тульчинѣ ли́хо.

25.

Берѣзо, чому ты не зелена? —

Ой якъ менѣ зеленою бѹши :

Подо мною Тапáры стояли,

Копытами зѣмлю грасовали,

Шаблями го́лья позпына́ли. —

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТДѢЛЪ III.

Былевѣя пѣсни о временахъ послѣ Богдана
до конца Гетьманщины (1764).

Такъ вѣчной пѣмѣи бувало
У насъ въ Гетьманщинѣ коли-сь.

Котляревскій.

З а м ѣ ч а н і е III.

Измѣны *Виговскаго*, *Брюховецкаго*, *Тетери* производили сильныя смяшенія на Украинѣ по смерти Богдана (1657) въ цѣлое 10-лѣтіе, по исчисленія коего (1667, Янв. 13) Заднѣпровская Украина опошла къ Полякамъ, а Запорожье признано было неутральнымъ. — Замыслы и ожесточенныя дѣйствія предприимчиваго *Петра Дорошенка*, который завладѣлъ — было *обостороннею* Украиною, продолжили кровавыя междуусобія. Сіе мятежное тридцати-лѣтіе кончилось избраніемъ *Мазпы* (1687); но не легче для Украины было 22-лѣтнее Гетьманство сего измѣнника. Побѣдою Полтавскою Великій Петръ рѣшилъ судьбу Россіи и Украины: въ 1764 кончена Гетьманщина, и жизнь Малороссіи вошла въ общую жизнь Великой Россіи.

Въ печеніе сихъ 55 лѣтъ Гетьманами были (по счету Кіев. Синодс. 1823): 28й Иванъ Ильичъ *Скаропадскій* съ 1708 по 1722; — 29й Павелъ Леонтьевичъ *Полуботокъ*, съ 1722 г. бывшій Гетьманомъ Наказнымъ; — 30й Данило Павловичъ *Апостоль*, съ 1727 по 1734; — 31й Графъ Кириллъ Григорьевичъ *Разумовскій* съ 1750 по 1764, скончавшійся 1803 Янв. 6 въ Башуринѣ, бывшемъ его Гетьманскою Резиденціей. Первымъ послѣ него правителемъ Малороссіи былъ Фельдмаршалъ П. А. Румянцовъ-Задунайскій.

О ГРИЦЬКЪ САГАЙДАЧНОМЪ.

Гетьманъ *Петръ Дорошенко* дѣйствовалъ съ 1665 по 1676 годъ, умеръ 1698 г. Ноября 9, въ 113 верстахъ отъ Москвы Волоколамскаго уѣзда въ селѣ Ярополчѣ. — Подъ именемъ Хорунжаго, можетъ быть, разумѣется Григор. Карп. *Гамалѣ*. Забубѣннаго-же *Сагайдачнаго* не должно смѣшивать съ славнымъ Гетьманомъ Конашевичемъ.

26.

Ой на горѣ да женцѣ жнѹпѣ,
 А по-пѣдѣ горѣю,
 По-пѣдѣ зеленѣю
 Козакѣ йдѹпѣ.

А поперѣду Дорошенѣко —
 Ведѣ свое вѣйсько,
 Ведѣ Запорѣзське
 Хорошенѣко.

По серединѣ Панѣ Хорѹнжѣй —
 Пѣдѣ нѣмѣ коничѣнѣко,
 Пѣдѣ нѣмѣ воронѣнѣкѣй
 Сильнѣ дѹжѣй.

А позаду Сагайдачнѣй,
 Що промѣнявѣ жѣнѣку
 На тѹпѣюнѣ да лѹльѣку (142)
 Необачнѣй.

(142) Тѹпѣюнѣ — табакъ. Лѹльѣка — пѹбка.

— Гей вернися, Сагайдачный!
 Возьми свою жонку,
 Одай мою люльку,
 Необачный!

„Менѣ зъ жонкою не вози́ться;
 „А пю́тюнь да лю́лька
 „Козаку́ въ дорóзѣ
 „Знадоби́ться!

„Гей! хто въ лѣсѣ? озови́ся!
 „Да ви́крешемъ о́гню,
 „Да попя́гнемъ лю́льки —
 „Не жури́ся!“

О КОЗАКѢ БАИДѢ.

27.

Полубаснословная пѣсня сія (изъ собр. *Ходак.*), кажется, относилась къ временамъ Дорошенка, 1674. — Царь Турецкій — Магометь IV.

А въ мѣстѣчку славно́мъ Береспѣчку
 Ой пѣе Ба́йда ме́дъ да горѣ́чку;
 Ой пѣе Ба́йда да не де́нь, не два,
 Да не одну́ но́чку дай не го́диночку.
 Царь Туре́цкій къ ё́му приси́лае,
 Ба́йду къ собѣ́ по́дмольае:
 — Ой пы, Ба́йда, да славне́сенькій!
 Будь менѣ́ лы́царь да вѣ́рне́сенькій,
 Возьми́ въ мене́ Царе́вночку,
 Будь па́номъ на всю́ Укра́иночку. —
 „Твоя́, Ца́рю, вѣ́ра прокля́тая,
 Твоя́, Ца́рю, дочка погана́я!“

Ой крикнувъ Царь на гайдѹки :
 — Вѹзьмѣшь Байдѹ дѹбре въ рѹки ,
 Вѹзьмѣшь Байдѹ извяжѣше ,
 На гакъ (142') ребрѹмъ зачепѣше. —

Ой висѣшь Байда да ѣ не дѣнь , не двѹ ,
 Да не однѹ нѹчку , да ѣ не годѣночку .
 Ой висѣшь Байда , да ѣ гадаѣ ,
 Да на свогѹ хлѹпця споглядаѣ ,
 Да на свогѹ хлѹпця молодѹгѹ ;
 И на свогѹ коня воронѹгѹ .

„Ой шы, хлѹпче молодѣсенкѣй !
 Подѹй менѣ лучѹкъ да пугѣсенкѣй ,
 Подѹй менѣ лучѹкъ
 И спрѣлочѹкъ пучѹкъ :

Ой бачѹ я при голубѹчки ,
 Хочѹ я убѣппи для ѣгѹ дѹчки .
 Нехѹй же я убьѹ Царѹ
 Та на слѹвнѹю вечерѹ !“

Якъ спрѣлѣвъ — Царя уцѣлѣвъ ,
 А Царѣцю у попылѣцю , (143)
 А ѣгѹ дѹчку въ головѹчку .

„Отъ-тѹ побѣ, Царѹ, да за тѣвоѹ карѹ :
 Булѹ побѣ знѹти , якъ Байдѹ караппи .
 Булѹ Байдѣ головѹ изпѣппи ,
 Егѹ тѣло поховѣппи ,
 Воронѣмъ конемъ ѣздиппи ,
 Хлѹпця собѣ зголѹбѣппи .“

(142') Крюкъ. (143) Запылокъ.

Пісня сія сложена вірогідно около 1687 г.

Зажурилась Україна, що нѣгдѣ ся-дѣпи:
Выпопала Орда кѣньми усѣ малі дѣпи.

Малыхъ попопала, старыхъ порубала,
А середній забрала, у полонъ погнала.

Ой служивъ я пому Пану, Пану бусурману;
А теперъ служили спану Воспѣчному Царю!

Ходили Ляхѣ по рыночку, шабельку виймае:
Козакъ ёго не боится, шапки не знімае!

Ось Ляхѣ до шабельки, а Козакъ до дрѣка:
Теперъ побѣ, вражій сину, зъ душою розлѣка.

Ч А Й К А.

29.

Въ лѣтописи Конисскаго пісня сія приписується *Мазепѣ*; по мнѣнію Бантышъ-Каменскаго она сочинена *Кальнашемъ*, послѣднимъ Запорожскимъ Кошевымъ Апаманомъ.

Ой бѣда, бѣда чайцѣ небозѣ (143'),
Що вивела дѣпки при битѣй дорѣзѣ.

Кигі! Кигі! злетѣвши въ гору —
Тѣльки втопѣлись въ Чорному Мѣрю!

(143') Чайкѣ бѣдязжѣ.

Жито поспѣло, приспѣло дѣло;
Идуть женці жапи, дѣшокъ забирапи.

Киги! киги! . . .

Ой дѣпи, дѣпи! дѣ васъ, подѣпи?
Чи менѣ втопѣться, чи зъ гора убѣться?

Киги! киги! . . .

И куликъ чайку взявъ за чубайку!
Чайка кигиче: згинь ты, куличе!

Киги! киги! . . .

А бугай (144) бугу! гне чайку въ дугу:
Не кричи чайко, бо буде тяжко!

Киги! киги! . . .

— Якъ не кричапи, якъ не лѣпапи:
Дѣпки малѣнькѣ — а я їхъ мапи!

Киги! киги! . . .

ПѢСНЯ О ГОРДѢНКѢ.

30.

Пѣсня о Гордѣнкѣ ошносилъ къ той осадѣ Полтавы,
на которую вызвался Кошевой *Гордѣнко* въ 1709 г. — Съ
Мая онъ производилъ ее въ печеніе $1\frac{1}{2}$ мѣсяца, но исполнилъ
не удачно, предваривъ тѣмъ Полтавскую битву 27 Іюля. —
Въ это время разорена была *Стѣ*.

Запорозці небожапа (144')! пшениця не жапа:

Ой пойдѣте, оглядѣте, пшеницю зажнѣте.

Ой хочъ пойдѣмъ оглядапи — не будемо жапи!

Хвалилися Запорозці Полтавы достапи.

(144) Бугай — быкъ, здѣсь значить быкъ-птица, выпь.

(144') Голубчики.

Ще Полтавы не достали, а вже Шведъ издѣлся;
На бѣдную головоньку Кошовый зоспався.

Ой умерла въ Кошового спарѣнькая мѣши,
Ой нѣкому Кошовому порадоньки дѣши.

Восточный Царь на Вкраинѣ не дѣймає вѣры —
Посылає Голицына, щобъ не було змѣны.

„Ой иди-жъ ты, Голицыну, иди-жъ ты горою,
А я пойду зъ Москалями услѣдъ за тобою.“

ПѢСНЯ О МАЗЕПѢ.

Пѣсня сія, какъ видно, сложена около 1710 года,
вскорѣ послѣ того, какъ окончилась вѣроломные замыслы
Мазепы, и признапа невинность погибшихъ отъ него Ко-
чубея и Искры. Говорящъ, что къ нимъ относился посло-
вица: *Знявши голову по волосьямъ не плачуть.*

31.

Мазепо Гетьмане, израдливый Пане!

Злее починаєшь, зъ Шведомъ накладаєшь
И на Царя Восточного руки подѣймаєшь.

Поднявъ еси Орду, изробивъ превѣгу! —

А при тѣй змѣнѣ бувъ Кочубей да Искра:

Пошли-жъ вони зъ-пѣдъ Полтавы (*) да до Царя
знішка.

А Царь вѣры не дѣнявъ, до Мазепы одѣславъ:

Скорѣ-жъ ихъ Мазепа вярвѣ — бѣрзо звеселився;

А Кочубей изъ Искрою слѣзами облився.

Усѣ Панѣ Сенаторы, усѣ бенкетѣ мѣли;

Кочубея-жъ изъ Искрою бѣрзо забували.

(*) Здѣсь говорится о первой ихъ попыткѣ къ доносу.

Тільки ты ихъ не забудь, Миргородскій Пане (*),
Що Кочубей изъ Искрою за Вкрайну спали! —

У Кіевѣ на Подолѣ порубаны груши;
Погубивъ-же пѣсь Мазѣпа невинныя душі!

Ой вигорѣвъ весь Башуринъ, зôспалася хата (**);
Да вже-жъ пвоѣ, псе Мазѣпо, и душа проклята.

Бувъ у тебе, псе Мазѣпо, одинъ хлопець Нѣ-
мець.... (***)

Пôшло-жъ пвоѣ, псе Мазѣпо, усѣ добро нѣ-
вець ! (145)

ПѢСНЯ О ВЫХОДѢ НА ЛИНІЮ.

Въ 1761 году 20,000 Козаковъ и 10,000 Малорос.
кресстьянъ были посланы для дѣланія линіи между Днѣпромъ
и Донцомъ.

32.

У Глуховѣ у городѣ у всѣ дзвôны дзвôнюють;
Да вже нашихъ козаченьковъ на линію гôнюють.

У Глуховѣ у городѣ стрѣльну́ли зъ гарматы;
Не по однôмъ козаченьку заплакала мáшн.

(145) Нѣвець — ни-во-чтô. Нѣвечнѣть — поршишь, ни-
чпожишь. Ниць — ничто.

(*) Кажется, Мирг. Полковникъ *Апостолъ*, послѣ бывшій Гешъ-
маномъ.

(**) 1708 г. въ Октябрѣ Князь Мещниковъ осадилъ Башуринъ,
великолѣпную резиденцію Мазепы, разорилъ и сжегъ его до
основанія; на мѣстѣ онаго было только нѣсколько хатъ, до
1750 г., когда избранный въ Гешьманы Каммергеръ Графъ К. Г.
Разумовскій захотѣлъ переселити Гешьманскую резиденцію изъ
Глухова опять на прежнее мѣсто.

(***) Капитанъ Сердюковъ *Кенисенъ*.

У Глуховѣ у городѣ спрѣльну́ли зъ ручни́цѣ;
Не по однѣмъ коза́ченъку пла́кали сестри́цѣ.

У Глуховѣ у городѣ поплѣтены сѣпки;
Не по однѣмъ коза́ченъку заплака́ли дѣтки.

На бы́строму на о́зерѣ — геть пла́вала кáчка (146);
Не по однѣмъ коза́ченъку пла́кала коза́чка. —

У Гри́цьковѣ огни́ горя́тъ, а въ Пѣлпáвѣ дымно;
Намо́гилѣ Гетьма́нъ сиди́тъ — геть-пáмъ ёго́ ви́дно!

Допевни́йся-жъ (147), нашъ Гетьма́не, допевни́йся
пла́пы!

Якъ не бу́дешъ допевни́ши, бу́демо впѣ́каши.

Ой иди́ть-же вы, панѡ́ве, до Пепра́ до сва́па —
Ой тамъ бу́де вамъ, панѡ́ве, вели́ка запла́та:
По за́ступу у ру́ченъки, да щѣ и лопáта! . . .

Сиди́тъ коза́къ на моги́лѣ, сорѡ́чку лапáе, (148)
Ой кину́лся до черешка́ — копѣ́йки нема́е.

Сиди́тъ пуга́ть (149) на у́бочу, на вѣ́теръ наду́вся:
Иде́ коза́къ въ Укра́ину, на ли́хо здобу́вся.

Ишо́въ коза́къ на ли́нѣю да й вѣ́лыми наду́вся,
Ишо́въ коза́къ изъ ли́нѣи — якъ ли́хо зогну́вся.

(146) Ушка. (147) Домогайся. (148) Починяе́тъ, кла-
дешъ запла́ты. (149) Фили́нь.

ПѢСНЯ О ПАЛѢѢ.

Палѣй, по кознямъ Мазепы (см. Дума X), сосланъ въ Енисейскъ 1704 г., откуда возвращень въ 1708 г.; умеръ въ Декабрѣ 1709 г.

33.

Высоко сонце зхѣдитъ, низенько ложится,
Ой дѣ-сь по панъ Палѣй Семѣнь тепѣра журится?
Высоко сонце зхѣдитъ, низенько захѣдитъ,
Ой дѣ-сь по панъ Палѣй Семѣнь по Сибиру бродитъ!

„Ой чуро, мой чуро, мой вѣрный Стоусю!
Ой ходѣмо у капицю (150), Богу помолюся!
Ой Богови помолюся, Свяпимъ поклонюся. . .
Зледащѣвъ-же я понурый, старенькимъ здаюся!
Старенькимъ здаюся, молилися мушу:
Хай милуе Милостивый мою грѣшну дѣшу!“
Ой натягнувъ ему чѣра да сѣрую свѣпу,
Да давъ ему да у руку еловую вѣпу.
Пойшовъ панъ Палѣй Семѣнь Богови молился,
Не по Богови молился, а не по журится.
Прійшовъ панъ Палѣй до-дому, да й сѣвъ у намѣшъ,
На бандурцѣ выграваетъ: „Лихо жипи въ свѣплѣ!
Той, дѣшу заклѣвщи, свѣпу бачъ гаптуе; (151)
А той по Сибиру — мовъ въ лѣзѣ дубуе.“

ПѢСНЯ О СТЕПАНѢ ЖАДЧЕНКѢ.

Можетъ быть, относится къ 1736 г.

34.

Ой хпѣ въ Крыму не бувавъ,
Тѣмъ и дѣла не видавъ;
А мы въ Крыму бували,
Мы тамъ дѣла видали.

Перекопскій комендантъ
Запорѣцямъ даѣ знатъ:
— Ой годѣ-жъ вамъ, Запорѣцѣй,
Въ Каланпаѣ пробуваѣ,

Ой ходѣмо на Ялы (?)
Козаченьковъ ряповаѣ. —
Запорѣцѣй якъ пошли:
Впередѣ голову найшли;

А въ Жадченка Степана
Облуплена голова,
Въ Москѣвскаго копипана
Спина ободрана.

Лежалъ наши козаченьки
Якъ бѣленькіи смѣчки;
А въ Жадченка у Степана
По-за нѣгтями спички.

ПѢСНЯ О ПИКИНЕРАХЪ.

(къ 1738 г.)

Пикинеры — особые полки, изъ Малороссiянъ вербованные.

35.

Ой надъ Бугомъ надъ рѣкою, на Турецкѣй границѣ,
Тамъ стояли пикинѣры, зъ ними компанѣицѣ.

Зеленой Недѣлоньки Орда наступаетъ:
Гей, панове, уступѣмо! запасу не має.

— Ой чого-жъ намъ уступати, чого боемось?
Ой хочъ Орды багачо иде, мы ей не дамось! —

Иде Орда изъ-за Гарда много зъ прапорами: (155)
Наложѣше-жъ, пикинѣры, опшупѣ головыми!

Иде Орда изъ-за Буга, и въ Бугѣ не знобилося;
Спали бѣднѣ пикинѣры въ Бугъ-рѣку попиныся.

Идуть батькѣ и матерѣ да сынѣвъ пипають.
— Да вже, батькѣ, вашихъ сынѣвъ орлы доглядяють!

Не зхотѣли ваши сынѣ въ пикинѣрахъ служили,
Сѣли собѣ слободою надъ Бугомъ-рѣкою! —

Погорѣли стѣны, поля й зеленѣ байраки,
Идутъ зъ войська у городѣ голыи козаки.

(153) рапоръ — знамя, опшудѣ Прапорщикѣ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Киспринъ и Госпинъ, упоминаемые въ сихъ пѣсняхъ —
не суть ли Хошинъ?

36.

Ой на морѣ, на морѣ синѣнькѣмъ,
Тамъ плавала бѣла лебедонька
Изъ малѣнькими лебедяшами.
Дѣ ся-взявъ сизопѣрый орѣлъ,
Ставъ лебѣдку бѣти ѣ забивати,
Ста́ла лебѣдка до ёго промовляти:
Ой не бѣи мене, сизопѣрый орлоньку,
Скажѹ побѣ всю щірую (154) правдоньку:

„Якъ у томъ мѣсцѣ у Киспринѣ
Да бѣе́тся Орда́ уже́ при́ днѣ́ ,
Бѣе́тся вонá при́ днѣ́ ѣ при́ годѣ́ны,
Розбѣ́лася вонá на при́ половѣ́ны.
Тету́пъ рѣ́чкѣ́, да все́ крова́выи ,
Черѣ́зъ тѣ́ рѣ́чкѣ́ мо́спятъ мо́спѣ́ ,
Мо́спятъ мо́спѣ́, да все́ голо́вками ,
Голо́вками , да все́ Моско́вскими.“

(154) Щі́рый — истинный, настоящій; также чистый,
ревностный, роскошный (дерево, цвѣшокъ).

Ой ма́ла вдова́ сы́на со́кола,
 Вы́годова́да, въ вѣ́йско оддала́.
 Ой спа́рша сестра́ ко́ня сѣ́дла́ла,
 А се́реду́ща ху́спку (155) ка́чала,
 А наймоло́дша выпроважа́ла,
 А ма́пи ёго́ выпы́товала́ :
 — Сы́ну мо́й, коли́ при́дешь до на́сь? —
 „Годи́ я, не́не, при́ду до ва́сь,
 Якъ па́вине пѣ́рья на-спѣ́дь попо́не,
 А млино́вый (156) ка́мѣнь на-ве́рхъ вы́плине!“
 Вже-жъ млино́вый ка́мѣнь на-ве́рхъ вы́плину́въ,
 Вже й па́вине пѣ́рья на-спѣ́дь попо́ну́ло;
 А ще́ мого́ сы́на зъ Гостина́ не ви́дно!
 Выйшла на го́ру: — ой всѣ́ полки́ йду́ть;
 То мого́ сы́на ко́ника ве́ду́ть! —
 Пыта́ла вона́ все́й спа́ршини́:
 Чи не ба́чили сы́на со́кола? —
 — „Чи не по́ пивѣ́й сы́нъ, що́ се́мъ полко́въ вби́въ,
 За во́сьмы́мъ полко́мъ голо́вку зхили́въ?
 Зозу́ля ле́пала надъ ни́мъ кую́чи,
 А ко́ники ржа́ли е́го везу́чи,
 Колеса́ скри́гѣли по́дъ ни́мъ ко́пючѣ́сь,
 Служе́ньки пла́кали за ни́мъ иду́чи!“

(155) Плашокъ. (156) Мельничий. Млинъ — мельница.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Ой бѣда́, бѣлику, ка́мѣнь скуе́.

А по Днѣпру́ що по Днѣпру́ молодѣ́й Коза́къ плыве́.
Молодѣ́й, коза́къ Опта́манъ Случа́й.

— Якъ сы́гне Тапашю́га, що хо́ть одвѣ́чай.

Що хо́ть одвѣ́чай, хо́ть прикму́пы карбу́й,
Хо́ть зло́го Тапашю́гу и хло́пцѣ вербу́й!

О *Слугахъ* — см. пѣсню 14 (во 2' отдѣлѣ).

КНИГА ВТОРАЯ.

ОТ ДѢЛЪ IV.

Былевья пѣсни послѣ Гетьманщины.

Заднѣпровскія.
Запорожскія.
Малороссійская.
Черноморскія.

З а м ѣ ч а н і е IV.

Для надлежащаго уразумѣнія пѣсень сего отдѣла, надобно припомнить, что послѣ 1764 г., когда собственно такъ называемая *Малороссія* слилась уже въ одну общую жизнь Россіи и населялся край *Новороссійскій*, — *Заднѣпровская* часть Украинны оставалась еще не возвращенною къ Россіи, а *Запорожцы* составляли холостую козацкую вольницу, гнѣздившуюся въ Сѣчи.

Въ Заднѣпровьи въ то время произошли кровавыя распри между Козаками и Поляками, по поводу новыхъ успѣшностей за Религію и вольностей Жидовскихъ, до чрезвычайности изниурявшихъ народъ. Въ этихъ распряхъ принимали сильное участіе Запорожцы, кои при томъ безпокоили Малороссію и край Новороссійскій. Конечъ такимъ безпорядкамъ положенъ разрушеніемъ Сѣчи (1775) и присоединеніемъ Заднѣпровской Украинны къ Россіи (1794). — Большая часть Запорожцевъ осталась въ Россіи, и изъ нихъ составилось (1788) храброе войско *Черноморскихъ козаковъ*; нѣкоторая же часть ихъ тогда перешла на Дунай, — но кому не извѣстенъ похвальный поступокъ Дунайскихъ козаковъ и начальника ихъ, въ послѣднюю Турецкую кампанію?

И такъ, въ семь отдѣлѣ можно болѣе или менѣе различать, какъ разные памятники прошедшихъ событій, пѣсни: собственно - *Малороссійскія*, *Заднѣпровско-Украинскія*, *Запорожскія*, *Черноморскія* и — пѣсни козаковъ, бывшихъ на Дунаѣ, коихъ хотя и не имѣю еще, но увѣренъ, что они есть; мы извѣстно также, что у Черноморцевъ есть историческія пѣсни, относящіяся къ новѣйшимъ событіямъ, но я не имѣлъ еще случая достать ихъ.

ЗАДНѢПРОВСКІЯ. (*)

Харько, *Желѣзнякъ* и особенно *Гонта* были главными лицами, а *рѣзня въ Уманьщинѣ* (1770) разительнѣйшимъ дѣйствіемъ кровавой Драмы, происходившей тогда въ Заднѣпровской Украинѣ.

ПѢСНЯ О ХАРЬКѢ.

Сопникъ *Харько* убитъ въ Маѣ 1666 г. — по словамъ пѣсни въ *Морозовцѣ на мостѣ*; а по книгѣ Бантышъ-Каменскаго объ *Уніи* — въ *Жабошинѣ*, въ конюшинѣ, Харьку отрубили голову, по приказанію Рейменшаря. — *Улановъ* между Бердичевомъ и Пилявою, въ Волын. губерніи. — Куплеты 2 и 3 й прибавлены по другому списку.

38.

Ѣхавъ Сопникъ черезъ Уланикъ, горѣлки напився,
За нимъ, за нимъ сѣмсотъ молодцовъ: — спой,
бабку! не журися.

Ѣхавъ Сопникъ черезъ Уланикъ, на выѣздо похилился:

Ой чомъ-же ты, Пане-Сопнику, ой чомъ зажурился?
„Якъ же менѣ, Пань-молодці ой якъ не журился;
Коли подомною буланый коню ирже ѣ спановишься!

(*) Пѣсни сіи собраны *Ходаковскими*, всѣхъ 10, и еще слѣдующій отрывокъ, относящійся къ 1667 году:

Гей одъ Віслы да до Кіева пробитыи шляхи:
Завладѣли исправдѣво красѣ нашимъ Ляхи.

Якъ-же менѣ, паны-мóлодцѣ, ой якъ ся не журити:
Ой засѣдае городовый Сопникъ, да хóче менé
вбѣити! . . .“

Ой заржа́въ-же воро́ний ко́никъ въ спа́нѣ на по-
мо́спѣ ;

А вжé вбѣи́то Харькá Сопника въ Морозóвцѣ на мо́спѣ.

Ой лепи́тъ крячо́къ чере́зь байрачо́къ да й жалóб-
нёнько кря́че ;

Спои́тъ Сопни́чка зъ Полко́вникомъ да и жалóб-
нёнько пла́че :

— Ой бог-да́й же ты, Полко́внику, да наложи́въ го-
лово́ю ,

Що ты менé молодёньгую да наряди́въ вдово́ю!

ПѢСНЯ О ЖЕЛѢЗНЯКѢ.

Кромѣ Полковника *Максима Желѣзняка* и Уманскаго
Сопника *Гонты*, здѣсь открываюцца еще для Истории Жа-
бовинскій Сопникъ *Мартынь Бѣлуга*, Смѣляискій Сопникъ
Шило, Уманскій Козакъ *Дзюма*. — Донской козакъ не естли
Тимёнка ?

39.

Максѣ́мъ Коза́къ Желѣ́знякъ зъ сла́вного Запоро́жья
Процвѣ́пѣае на Вкраи́нѣ якъ въ горо́дѣ рóжа.

Розпусти́въ во́йсько коза́цкее въ сла́вномъ мѣ́стѣ
Жабо́тинѣ —

Гей разли́лась коза́цка сла́ва по всѣ́й Украи́нѣ!

Гей, Максиме Полковнику, ты славный воину!
Гей выпусти зъ Жаботіна хочъ Ляцьку дшпину.

Максимъ Козакъ Желѣзнякъ листы одбїрае,
Усѣхъ Ляхѡвъ изъ Жидами до-кupy збїрае.

Изогнавши усѣхъ Ляхѡвъ зъ Жидами до-кupy,
Оддавъ Ляха Губернапора да Бѣлузъ въ рѹки.

Бѣлуга Маршынъ Жаботїнскій да по рыночку
хѡдитъ,

Свогѡ Пана Губернапора за собою водить.

И водючи за собою да й до ёго каже:

— Не одного теперъ Ляха голова заляже! —

Гей якъ вѣйшовъ Сѡпникъ Смѣлянскій зъ своими
Козаками,

Спупай, спупай, Шило Сопнику, въ Богуславъ изъ
нами!

А вѣѣхали въ Богуславъ да въ сѣреду вранцѣ,
Накидали въ пѡй годїнъ Жидѡвъ пѡвнї шанцї.

Дзюма Козакъ Уманьскій конемъ прїѣзжае,
До Уманя Желѣзняка зъ собою подмываетъ:

Гей, Максиме Полковнику, ты батьку козацкій!

Гей не впечѣ изъ Уманя навѣтъ (157) и дѹхъ Ляцкій!

Подъ Уманемъ славнымъ мѣстомъ великій кручи;

Гей помѣли Уманьчики Запорѡзьцѣвъ ждѹчи.

Гонпа Сѡпникъ Уманьскій по-мѣжъ войськомъ хѡ-
дитъ,

Изъ Максимомъ Желѣзнякомъ черѣзъ листы гово-
ришь.

(157) Навѣтъ — даже.

А въ недѣлю рѣно спали да у дзвонѣ бѣти;
Гей спавъ Гонта зъ козаками подъ Умань подходиши.

Въ понедѣлокъ передъ обѣдомъ изъ гармашъ загули,
А въ вѣспорокъ ище ранѣше Уманя добули. . .

Хвалилися Уманьчики подъ Умань идучи:
Будемъ дращи, панѣ-молодці, зъ кипѣйки онучи. —

Гей, якъ вѣйшовъ Донскій козакъ зъ-за Гѣспрои-
могили,
Упѣтали Уманьчики, шпанѣ погубили.

Максимъ Козакъ Желзнякъ зъ лагря вѣзжае,
Передъ Донскими козаками, и страху не має.

Ступай, ступай, Желзняку! годъ вже гуляти:
Пойдемъ въ Кіевъ въ Печѣрськее Богу робѣати!

И говоришь Максимъ Козакъ, сидючи въ неволѣ:
Не будутъ мать вражѣ Ляхи на Вкраинѣ волѣ.

Течуть рѣки зъ всего свѣту до Чорного Моря:
Минулася на Вкраинѣ Жидѣвская волѣ!

ПѢСНЯ О ГОНТѢ И КОТОВИЧѢ.

(Относится къ 1770 г.)

40.

Да спойвѣ, спойвѣ Сѣпникъ Гонта, въ степу при
недѣлѣ;

Наѣхали Смѣлянички, да вѣкъ ся имъ звѣригъ.

— Годъ, годъ, Сѣпнику Гонта, у степу спойти;
Ходи зъ нами Козаками Умань грабовати! —

„Ой якъ менѣ панѣ-молодцѣ, Уманѣ грабовати,
И на свого пана - бацька руки подѣймати?“ —

Ой гуляйте Уманьчики не бойтесь нічого:
Вивѣшали Гайдамаківъ въ Пятигорахъ много!

Да повѣсили Коповича на зеленѣмъ дубѣ; —
Пріѣхала його сестра живошівѣ люба.

Да незлічені червонці да въ запѣли носить,
Хорошенько Реймента кланяючись просять:

— Да дозволь, Пане Рейментарю, червонці за-
брати,
Мого брата Коповича зъ шибениці зняти. —

Да дозволить Панъ Рейментарь, червонці забрати;
Не дозволить Коповича зъ шибениці зняти.

ПѢСНЯ О ГОНТѢ.

(Къ 1770 г.)

41.

Збунтовалась Украина, попы и дяки;
Погинули на Вкраинѣ Жида и Поляки.

Прилетѣли на Вкраину изъ Запада гуси,
Погинули на Вкраинѣ невинны души.

Погинули Депутаты шляхетной вроды,
Навѣсть таѣ дробна шляхта, пылы хлѣборобы.

О Боже мой, несконченный! що си теперѣ стало:
Якъ то вѣра, такъ то вѣра, а милости мало!

О Бóже мóй нескончéный! дивíтися гóре,
Що тепéра, на сéмъ свѣтѣ, вѣра вѣру бóре! . .

О Бóже мóй нескончéный! вѣ насъ такъ не ведéсья.
Памятайтe, бунтовники, вамъ по не минéсья!

Мáли панý на Вкрайнѣ дóбрї оборóнцї,
Звѣрилися Сóпниковї, Умáньскому Гóнцѣ.

Мáли панý на Вкрайнѣ дúже дóбрый прýнокъ:
Панý тýмъ розúмныи дадúть собѣ ранúнокъ.

Панý тее зрозумѣвши, згóду учинїли:
Пóдкїнувшись пóдъ Умáнь, Гóншу изловїли.

Вонý-жъ ёго на-самъ-пéредъ бáрзо привѣтали,
Черезъ сéмъ днѣй зъ ёго кóжу по-пóясъ здирáли.

И гóлову облупїли, сóлью насолїли,
Пóтомъ ёмý якъ чéстному назáдъ положили.

Панъ Реймéнтаръ похожае: — дивѣсья, лóде!
Хтó ся тóльки збунповавъ, по всѣмъ тее буде! —

ЗАПОРОЖСКІЯ.

Запорожцы просили Императрицу Екатерину о возвращеніи нѣмыхъ своихъ земель въ Новороссійской Губерніи: по поводу чего, граматаю 1774 г. 22 Мая, и повелѣно было прислать имъ нарочныхъ Депутатовъ. Послѣ сего они замыслили своевольно завладѣть землями Запорожскими по Бугъ и землею Донскою, препятствовали поселенію Сербовъ, переманили - было землепашцевъ Малороссійскихъ до 50,000. Сїи и другіе ихъ непозволительные поступки, изъясненные въ Манифестѣ 1775 3 Авг., заставили Государыню разрушить Стѣну Запорожскую, повелѣніемъ 1775 г. 4 Іюня, даннымъ Генераль-Поручику Текелію.

(Къ 1775 г.)

Да встань, Харьку! да встань, бацьку! годъ вже
намъ спаша:

Ой ходьмо до Царіцѣи мѣлостѣи прохати.

Ой Царіце, наша Мати! змѣлуйся надъ нами:

Ой дай-же намъ прѣжній степы зъ тѣмными лугами!

— Не дозволю Запорозцямъ степомъ обладати,

Да прикажу Москалевѣ всю Сѣчь розоряти! —

Ой ходишь нашъ Панъ-Кошовый, шабельку списае,
Таки-жъ бо вонъ Москалевѣ вѣры не доймае:

„Ой хто хоче зъ шабельками, а мѣ зъ кулаками —
Нехай поїде наша слава, по-мѣжъ козаками!“

(Къ 1775 г.)

Изъ-за горы, зъ-за Лиману вѣперъ повѣвае,
Да вжежъ Москва Запорозья кругомъ обступае.

Ой облягла, обступила, да въ городъ вступила,
Московскими знаменами городъ закрasila.

Пошла Москва по курѣнямъ запасу збирати . . .

Ой набрали сребла-злота, да й спали гадати:

Ой якъ бы намъ, милѣй-братья, Запорозья взяти? —

Взяли сопию Кошового й Писаря Полковного:

Щобъ не було Запорозья поки свѣпна сѣго! —

Ой покрьлось Запорозье густыми лозами,

Да вмылися Москалики дробными слѣзами!

Г А Л К А.

Пѣсня по разрушеніи Запорожской Сѣчи: не ея ли должно отнести къ Кошевому Кальнашу? (см. Чайка на стр. 108.)

44.

Ой полетіи, полетіи, да чорная галко, да на Дѡнѣ
рыбы ѣспи,

Ой принеси, принеси, да чорная галко, одѣ Кошово-
вого вѣспи!

— Да вже-жъ менѣ не лѣпати на Дѡнѣ рыбы ѣспи,
Да вже-жъ менѣ не носити одѣ Кошового вѣспи! —

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодѣи!

Повдавались оди́нъ въ одного, якъ братья рѡдныи.

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодѣи! дѣ-жъ ва́ши ко́ни?

— На́ши ко́ни въ Па́на на приго́нѣ, самі-жъ мы
въ нево́лѣ! —

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодѣи! дѣ-жъ ва́ши у́зды?

— На́ши у́зды въ ко́ней на зану́здѣ, самі-жъ мы
у ну́ждѣ! —

Ой вы Запорѡзці, ой вы молодѣи! дѣ-жъ ва́ши
спі́сы?

— На́ши спі́сы у Па́на у спрѣ́ск (158), самі-жъ
мы у лѣ́ск! —

(158) Спрѣ́ха — крыша изъ прости́нуку, или соломы.

Ой вы Запорозці, ой вы молодіи! дѣ-жъ ваши
ручніці?

— Наши ручніці у Пана въ свѣплицѣ, сами-жъ
мы въ темницѣ! —

Ой вы Запорозці, ой вы молодіи! дѣ-жъ ваши лѹки?

— Наши лѹки побрали гайдѹки, сами-жъ мы въ
розлѹкѣ! —

Ой вы Запорозці, ой вы молодіи! дѣ-жъ ваши
жупаны?

— Наши жупаны поносили Паны, сами-жъ мы
пропали! —

Ой полеті, полеті, да чорная галко, да на Дѡнѣ
рыбы ѣспи!

Ой принеси, принеси, да чорная галко, одѣ Ко-
шового вѣспі!

— Да вже-жъ менѣ не лѣпати на Дѡнѣ рыбы ѣспи,
Да вже-жъ менѣ не носіпи одѣ Кошового вѣспі! —

П У Г А Ч Ъ.

45.

Ой спавъ пугачъ на могилѣ, да й крикнувъ воиъ: пугу!
Чи не дасиъ Богъ козаченькамъ хоть теперѣ по-
пугу! . . .

Що дѣнь, що нѡчь — усѣ ждемѡ . . . поживы не маемъ:
Давнѡ була! Хмельниченька ужѣ не згадаемъ!

Ой коли-сь мы воѡвали, да бѡльше не бѹдемъ! . . .
Того счасія й тои доліи — повѣкъ не забѹдемъ!

Да вже шаблѣ заржавѣли, мушкетѣ — безъ куркѡвъ,
А щѣ сѣрдце козачьке не боишя Туркѡвъ!

ЛАНСКІЙ РОГЪ.

Гдѣ именно находится это мѣсто — не знаю.

46.

По долину воль ринути: ой чому-жъ то не кони
ржунъ —

Кони вороныи, кони выпряжныи!

Ой колись-то кони, кони... по Крымскѣй дорогѣ;
То-то было счастье, доля у Ланскому розѣ! . . .

А въ Ланскому розѣ яворъ похилився:

Ой Тапáринъ тяжко-важно пернюю закрутився.

Чи въ тебѣ, Тапáрине, горѣлонька увъ очихъ зашла?

Чи въ тебѣ, Тапáрине, головоньку чара заложила?

ПѢСНЯ О СЕРБИНѢ.

47.

Ой Сѣрбине, Сѣрбине! покинь сербовани,

Возьми серпъ, да иди въ сѣпъ пшениченьку жати.

— Бо-дай-же ты, дѣвчинонько, того не дождала,

Да щѣ-бъ моя бѣла ручка пшениченьку жала. —

Сербинъ былъ гайдамакою; въ Харьковской Губерніи
осталось объ немъ много преданій, и урочище Сѣрбинъ Ярѣ.
Во второй части есць у меня прекрасная пѣсня:

Ой Сѣрбине, Сѣрбиночку,

Сважай мене дѣвчиночку! . . .

Другая пѣсня начинается такимъ портретомъ Сербина:

Чомъ Сѣрбина не любіть, чи по́жъ не хоро́шій:
Очи сі́ніі якъ у жа́бы, са́мъ на чо́рта схо́жій. . .

Впрочемъ это, можетъ быть, относится и просто къ какому-нибудь Сербу, изъ числа поселенныхъ въ Новой Сербіи. Любопытно-бы найти пѣсни о Гаркушѣ — гайдамакѣ, который столь грозно славился въ Украинѣ лѣтъ десять, начиная съ 1770 г., и о которомъ покойный Орестъ Михайловичъ Сомовъ (подъ именемъ П. Байсаго) писалъ прекрасныя повѣсти.

Вотъ отрывокъ, относящійся къ Гаркушѣ:

А Гарку́ша добра ду́ша на шля́хъ погляда́е,
Свою́ любу Горпи́ницю выжида́е.

Л И М А Н Ъ.

48.

(Отрывокъ.)

У низъ иду́ — вода́ несé;
Зъ низу иду́ — бѣда́ женé.
Жалкуе́тся Лима́нъ Мо́рю,
Що Днѣпръ ро́битъ свою́ волю:
Сво́й го́рла почища́е,
Лима́нові́ закида́е

МАЛОРОССІЙСКІЯ.

49.

Опионосится ко времени Очаковской битвы (1788).

Збѣралися комисары пѣдъ царскѣй палаты,
 Пишуть листы на Вкраину пѣдъ аршинны брапи.
 Написали на Вкраинѣ вдовиною сына:
 Ой пожъ козакъ уродливый, доходитъ аршина.
 Ой зачѣе-жъ старѣ нѣнька, Ивасѣва мапи:
 „Ой дѣ-жъ тебѣ, мѣй сынѣнку, я маю сховѣпи!“
 — На щѣ-жъ менѣ, матусенько, ты маешъ ховѣпи,
 Буду побѣ изъ сполицѣй червѣнными слѣпи! —
 „На щѣ-жъ менѣ, мѣй сынѣнку, червѣнными пивѣй?
 Що нѣкому поховѣпи головѣнки менѣ!“
 — Поховѣають, мѣя нѣне, тебѣ дѣбрѣ люди,
 Ой якъ менѣ молодѣго до тебѣ не бѣде. —
 Вдовинѣ сынѣкъ вдовѣченко конѣ наповѣе;
 Егѣ нѣнька спарѣсенька въ вѣкно поглядѣе.
 Вдовинѣ сынѣкъ вдовѣченко конѣка сѣдѣе;
 Егѣ нѣнька спарѣсенька силнѣенько рыдѣе.
 Вдовинѣ сынѣкъ вдовѣченко на конѣ сѣдѣе;
 Егѣ нѣнька спарѣсенька крыжемъ упадѣе.
 Вдовинѣ сынѣкъ вдовѣченко зъ двѣра мыѣзжѣе;
 Егѣ нѣнька спарѣсенька за спремѣнъ хаѣе. . .
 Ой въ гѣродѣ въ Очаковѣ вдѣрили изъ лѣка:
 Да вжѣ-жъ побѣ, вдовинѣ сынѣу, зъ матѣрью розлѣка.
 У гѣродѣ въ Очаковѣ вдѣрили зъ гармапы:
 Ужѣ-жъ побѣ, вдовинѣ сынѣу, маѣки не видѣпи!

ЧЕРНОМОРСКІЯ.

Генераль - Фельдмаршалъ Князь Потемкинъ - Таврическій соспавилъ изъ Запорожцевъ охотное войско, подъ именемъ *Черноморскихъ Козаковъ*. Они оказали отличную храбрость при взятіи Очакова и Березани (1788) подъ предводительствомъ Кошевого *Чепѣги*, а свѣтлѣйшій Князь Потемкинъ былъ пожалованъ титуломъ ихъ *Гетьмана*. — Въ 1792 г. Черноморцы поселены на островѣ Таманѣ.

50. (*).

Сложена и пѣта на праздникъ 15-го Августа 1792 г., по случаю полученія грамотъ Царскихъ, привезенныхъ въ Черноморскій Кошъ Войсковымъ. Судьею *Головатымъ*.

Голованый извѣстенъ какъ поэтъ: онъ сочинилъ *Вѣршу*, говоренную *Потемкину* *Запорожцями на Великъ-день* (Хриспось воскресъ, радъ мѣръ увесь...); ему же приписываютъ и эту пѣсню. Онъ, съ опцемъ и дѣдомъ своимъ, извѣстенъ въ Малороссіи еще подъ именемъ *Трехъ Антоновъ*.

Ой годѣ намъ журіпися, порѣ переспѣти:
Дождалися одѣ Царіци за слѣужбу запламы!
Далѣ хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрныи слѣужбы;
Опѣ-пенѣръ мы, миліи брѣпця! забудемъ всѣ нѣужды.

(*) Вотъ два списа другой пѣсни:

Тутъ-то мы будемо жити и рыбу ловити,
И вражого да Черкеса по кручамъ гонити.

Въ Таманѣ жи́ть, вѣ́рне служи́ть, грани́цю держа́ти,
Ры́бу лови́ть, горѣ́лку пи́ть, ще́й бу́демъ бага́ти.

Да́ вже прѣ́ба жени́лися и хлѣ́ба робі́ти;
А́хто прі́йде изъ невѣ́рныхъ, шо́ якъ чо́рта би́ти.

Сла́ва Бо́гу и Ца́рицѣ́, а по́кой Гепьма́ну!
Залѣ́чили въ се́рдцяхъ на́шихъ вели́кую ра́ну.

Благодарѣ́мъ мы Ца́рицю́, мо́лѣмося Бо́гу,
Що́ Вона́ на́мъ указа́ла на Тама́нь доро́гу!

КНИГА ТРЕТЬЯ.
ПѢСНИ КОЗАЦКІЯ
БЫТОВЫЯ.

Ой хворстуно, хворстуно! послужи менѣ ще прѣшки:
Служила въ козацствѣ, служила въ бурлацствѣ, послужі въ
чумацствѣ!

Украин. пѣсня.

Пѣсни сего отдѣла выражаютъ различныя положенія Козацкаго быта, преимущественно въ чепырехъ видахъ его: *войсковомъ, бурлацкомъ, чумацкомъ и гайдамацкомъ.*

Н. — **БУРЛАЧСТВОМЪ** называется вообще не только холостое бездомовье, но и ошлучка изъ дому на промыселъ работами всякаго рода: такимъ образомъ и семьянинъ ходитъ *бурлаковать*, (на-заробѣтки). Слово *бурла́ка* значить еще забѣлка.

О. — О словѣ *Гайда́ми́къ* было сказано въ Примѣчаніи М. стр. 66. — Здѣсь слово *гайдама́ка* принимается въ смыслъ разбойника (*розбѣйша́ка*), и можно замѣтить еще то, что окончаніе онаго, встрѣчающееся и въ другихъ словахъ, можетъ быть и Русское.

П. — **ЧУМАКАМИ** называются Малороссіяне, ходящіе съ волами и возами своими за рыбою и солью, преимущественно въ Крымъ и на Донъ. Отправляясь *чумаковать*, они обыкновенно надѣваютъ сорочку и шаравары, окунутые въ деготь, и остаются въ нихъ во всю дорогу. По мнѣнію нѣкоторыхъ, это дѣлалось сначала для предохраненія себя отъ чумы, откуда будто происходитъ и самое названіе; но вѣрояннѣе будетъ производимо отъ Тапарскаго и у насъ въ парину употребительнаго слова: *чумъ* или *гюмъ* — ковшъ. **Чумацтво** издавна было важнѣйшимъ промысломъ козаковъ.

Здѣсь кстати привести слѣдующіе два стиха:

А у Мѣрджѣ на лавоньцѣ сидѣтъ *Чумгá Тарабу́ль*:
Въ ёго люлька паху́лька, а тошю́нь пороху́нь.“

Въ Полт. Губ. есть село *Чумгáкъ*.

ПѢСНИ ВОЙСКОВЫЯ.

1.

Гомонъ, гомонъ по дубровъ,
Туманъ поле покрывае,
Мамы сына проганье:
Подѣ, сыну, геть одъ мене —
Нехай тебѣ Тúrки вóзмуть!
Менé, нéне, Тúrки знаяють —
Менé коньми надѣляють!

Гомонъ, гомонъ по дубровъ,
Туманъ поле покрывае,
Мамы сына проганье:
Подѣ сыну, геть одъ мене —
Нехай тебѣ Орда вóзмет!
Менé, нéне; Орда знае —
Срѣбломъ, зóломъ надѣлае!

Спáрша сестра коня ведé,
А подспáрша зброю несé,
А мéньшая выпытуетъ:
Коли, брáте, зъ войська прійдешъ?

Вóзми, сéстро, пёску жмёню, (159)
Посѣй ёго на камёню,
Ходи къ ёму зóроньками,
Поливай ёго слёзоньками:

(159) Жмёня — горсть.

Коли, сѣстро, пѣсокъ зойде —
 Тогда́ брата́ пивой зъ войська прійде!
 Гомонъ, гомонъ по дубровѣ,
 Туманъ поле покрывае,
 Мати сына призывае:
 Вернись, сынку, до-домоньку,
 Змыно побѣ головоньку!

Менѣ, нѣне, змынопъ дожтѣ,
 А розчѣшуть густѣй пѣрны,
 А высушуть буйнѣ вѣпры! . . .

2.

По-надъ моремъ, Дунаемъ
 Вѣперъ яворъ хипае, (160)
 Мати сына пыпаетъ:
 — Ой сыну мой Иване,
 Дипя мое кохане! (161)
 Чи менѣ тебе женишь,
 А чи въ войско урядишь? —
 Якъ я тебе колыхала,
 Усю нощеньку не спала;
 Якъ я тебе зростила,
 Сама себе звеселила;
 Якъ я тебе оженю
 Всю рѣдину звеселю;
 Якъ я тебе въ войско оддамъ,
 Собѣ жалю я дамъ! —
 „Не жури́ся, мой мати,

(160) Хипати — качать. (161) Коханий — возлюбленный,
 милый.

Вже сѣго не миновати !
 Исправъ менѣ при прубѣ ,
 Да усѣ при мѣднѣ ,
 А чепвѣршую прубу
 Исправъ менѣ золоту .
 Въ першу прубу я заграю ,
 Якъ коника осѣдлаю ;
 А въ другую я заграю ,
 Яхъ на коника сѣдаю ;
 А въ прѣшную я заграю ,
 Зѣ пвого двора ѣдучи ;
 А въ чепвѣрпу запрублю
 Серѣдъ вѣйска стоючи
 И шабельку держучи .

Примѣчаніе. Въ одномъ спискѣ начало такое :

Ой у полѣ да дѣрево
 Зелѣне, кудряве ,
 Подъ тѣмъ дѣревомъ
 Сидѣтъ мѣти зѣ сыномъ
 Вѣтеръ дѣрево хитае и проч. . .

Въ другомъ концѣ такой:

Якъ зачула тѣе мѣти
 Стала плакати , рыдати :
 „Ой сыне мой Иване ,
 „Дитя мое кохане !
 „Ой коли-бъ же я зузѣла ,
 „Я-бъ до тѣбе полинула ! (162)

(162) Полинути — полѣтѣти .

3.

Засвиспáли козáченьки въ похóдъ зъ-полунóчѣ ;
Заплакала Марусенька свой я́снѣй очѣй. —

Неплачь, не плачь, Марусенько! не плачь, не журися:
За своёго миленького Бо́гу помоли́ся! —

Стойть мѣсяць надъ горо́ю да со́нца нема́е ;
Ма́ми сы́на въ доро́женьку слёзно проважа́е.

„Проща́й, милый мо́й сыночку, да не забавля́йся! (163)
Черезъ чопы́рѣй недѣлю́ньки до-до́му верпáйся.“

— Ой ра́дъ бы я, ма́пусенько, скорѣ́йше верну́ться;
Да в́жѣ що-сь мо́й воро́ненькѣй въ воро́пяхъ
зпо́ткнү́вся.

Ой Богъ зна́е коли́ верну́сь, въ яку́ю го́дину:
Прѣйми́-жъ мою́ Марусеньку, якъ ро́дну дипи́ну.

Прѣйми́ ё́й, ма́пусенько — всѣ въ Бо́жіей во́лѣ!
Бо хто зна́е: чи жи́въ верну́сь, чи ля́жу на по́лѣ?“

„Ой ра́да я Марусеньку за ро́дну приня́ти;
Да всё не та́къ донá мене́ бу́де шанова́ти.“

— Ой непла́чте, не журѣ́шесь, въ пу́гу не вдава́йшесь:
Загра́въ мо́й ко́нь воро́ненькѣй, наза́дъ сподѣва́йшесь!

(163) Ба́випі́ся — мышка́ти.

4.

Пѣсня сія и еще нѣкоторыя сочинены Козакомъ Семейномъ *Климовскимъ*, жившимъ около 1724 г.

Вхавъ Козакъ за Дунай,
Сказавъ: дѣвчино, прощай!
Ты, конику вороненькій,
Неси да гуляй!

„Постой, постой, козаче!
Твоя дѣвчина плаче;
Съ кѣмъ ты мене покидаешь —
Только подумай!“

Бѣлыхъ ручокъ не ламай,
Ясныхъ очокъ не зтирай,
Мене зъ войны изъ славою
Къ собѣ дожидай.

„Не хочу я нічого,
Только тебе одного;
Ты будь здоровъ, мой миленькій —
А все пропадай!“

Свѣснувъ Козакъ на коня:
Зоставайся, молодá!
Я приѣду, якъ не згину,
Черезъ три года . . .

Тебѣ-жъ, мила, не забуду,
Поки живъ на свѣтѣ буду;
Коли-жъ умру на войнѣ,
Поплачь обо мнѣ! . . .

5.

— Що ты, мѣлый, дѣлаешь-гадаешь?
 Мабуть мене покинути маешь!
 Ранѣ встаешь, коня наповашь,
 Зелѣного сѣнця подкладашь,
 Жовпѣнького вѣсѣ подсыпашь;
 Въ сѣнечки йдѣшь — сѣдѣльца пытаешь,
 Въ комѣру йдѣшь — нагайки шукаешь,
 Дипя плаче, ты не поколышѣшь. —
 Все на мене вѣжкимъ дѣхомъ дышѣшь,
 Ой у порога ревнѣла корѣва, —
 „Зоставайся, мѣлая, здоровѣ!“
 Ой ревнѣло ще й малѣ пѣляпко —
 „Зоставайся малѣ дипятко!“
 Мѣла зѣ хѣпы выбѣгѣла,
 Сегоѣ милѣго за спремѣнь хѣпѣла.
 — Ой вернѣся, мѣй мѣлый, вернѣся,
 Варѣнои горѣлки напѣйся,
 И въ голубый жупѣнь приберѣся,
 И на мене мѣлу подивѣся! —
 „Не вернѣся, мѣла, не вернѣся!
 Я въ дорѣзѣ й сырѣи напѣюся;
 И на чужѣ мѣлу подивлюся,
 До пѣбе въ недѣлю вернѣся,
 Въ зелѣный жупѣнь приберѣся.“
 — Ой не вѣдь же, мѣй мѣлый, нѣзомъ,
 Закидѣна дорѣженька хмызомъ. — (164)

(164) Хмызъ — хвороспѣ.

„Ой ё въ мене коникъ воронёнкій,
 Перескочить той хмызёкъ дробнёнькій.
 Ой у полъ вовкї да лисицї,
 Ой то-жъ мой бра́нъя да сесірицї.
 Ой у полъ чорный воронъ криче,
 То-жъ мою вонъ голову баче.“

6.

Ой поважа́й спіару́ ма́нѣрь, хочъ вона́ й не ро́дна:
 Коха́й, коха́й дѣвчино́нку, хочъ вона́ и бѣ́дна.

— Не для того́ стара́ ма́ли що-бы́ поважа́ти:
 Не для того́ бѣ́дна дѣ́вка, що-бъ ё́й коха́ти.

Ой поважа́й сесі́ру свою́, сироту́-вдови́цю:
 Коха́й, коха́й молоді́цю, га́рну собо́лицю.

— Не для того́ сесі́ры, вдо́вы, що-бъ їхъ поважа́ти:
 Не для того́ молоді́цї, що-бы́ їхъ коха́ти.

Ой поважа́й олиця́ свого́, да поважа́й бра́па:

— Не для того́ вони́ живу́ть, що-бъ їхъ поважа́ти.

Коли́ прѣ́ба поважа́ти, то мы зна́емъ за́-що:

Да й не ма́му, да й не ма́па, ни сесі́ру, ни бра́па.

Ой у мене́ ё коня́ка, да й га́рний коня́ка:

Ой якї́ вонъ волоцю́га, якї́ рѣ́збища́ка!

Ой того́-по я коня́ку поважа́ти бу́ду,

За ёго́ не взявъ-бы́ сребла́ хочъ повну́ю груду́.

Ой ще́ на мо́му бо́ць ё шабѣ́лка га́рна,

Спыта́й ё́е, спыта́й ё́е, чѣ́мъ вона́ не па́нна?

Ой па́нночко на́ша, па́нночко шаблю́ко,

Зъ бусурма́номъ зуспі́рѣ́валась (165) да й не дво́чи
 цѣ́ловáлась.

(165) Встрѣ́чалась.

7.

Соколоньку сынку, чини мою волю:
Продай коня вороного, вернися до-дому.

— Соколіхо мапи, коня не продапи,
Мому коню вороному треба сѣнця дапи.

Соколоньку сынку, рѣбъ намъ не ловиши,
Нѣчого намъ ѣсти — голодомъ сидѣши.

— Соколіхо мапи, пуспи погуляпи,
Бѹду гуляшъ, да гуляпи, дѳленьки шукáпи.

Соколоньку сынку! хиба-жъ пеперъ время?
— Время, мапи, время! орлѹ разъ-то время.

Ой привезѹ, мамо, побѣ при жупáны,
Да всѣ пѣи при жупáны всѣ срѣбломъ попкáни;

Ой мѣжъ пѣми оди́нь жупáнь изъ самого Хáна:
Ой прощáй-же, моя мамо, пойдѹ я до Хáма.

8.

„Ой панѳве-мѳлодцѹ, вѳдкѳль идепѣ?
Да зъ якѳи спорѳночки, да щѳ везепѣ?“

— Ой, Пáне-Гепъмáне! булі вѣ бусурмáна:
Багáцько вѣ чортяки всякого надбáне! —

„А щѳ-жъ вы, панѳве, чѳгѳ тамъ чувáли,
Якѳѳ видáли, якѳѳ зѳбрали?“

— Щѳ, Пáне-Гепъмáне! по при смѹхи зъ барáка,
Чепвѣршѹ малѣньку зъ самого бусурмáна. —

9.

Ой у лѹзѣ да калина весь лѹтъ изкрасила:
Породила спарѣ маѣи жовнѣронька сына.

„Породила-жѣ менѣ маѣи темнѣнькой ночі,
Дала менѣ бѣле личко и чорныи очі.

Булѣ-бѣ менѣ бѣлѣнького личка не давати,
Булѣ-бѣ менѣ, мой маѣи, счастье и долю дати!

Породила менѣ маѣи въ Свѣтлѹю Недѣлю:
Дала менѣ лихѹ долю — де-жѣ еѣ подѣну?...

Лихѹ долю ни продаѣти, а ни промѣняѣти;
Всюды люди лихо знають, не хопѣть куповѣти!“

Розвивѣйся, сѹхій дѹбе! заѡпра морѣзъ бѹде,
А вжѣ побѣ, гарный хлопче, заѡпра похѣдъ бѹде!

— Я морѣзу не боѹся, заѡпра розвинѹся!

„Я похѣду не боѹся, заѡразъ выберѹся!“

Плаче мѣла, плаче чорными очіма:

— Вечѣронька на столѣ, а смѣрть за плечіма! —

„Крѣпитъ дѣжчикъ дорѣженьку да щѣбъ не курѣла!“

Ой порадѣте моѣй милѣй да щѣбъ не тужила!“

10.

Ой сѣвъ козѣвъ вѣсти, идѹтъ къ ѣмѹ вѣстї:

Кїдай, козѣкъ, вечѣряѣти, часъ на конѣ сѣсти!

Козѣкъ покидаѣе, на конѣ сѣдаѣе,

Маѣи ѣго рѣднѣнькая зѣ жалѹю омѣваѣе.

„Не дай, Боже, смерті, въ чужомъ краю вмерши:
 Нема кому жалковати, головки звязати!
 Воронъ прилєтає, въ вѣчи заглядає,
 Бїле тїло объїдає, кістки покидає! . . .“

11.

Ой кряче, кряче чорнєнкій воронъ
 Да на глыбокій долині;
 Ой плаче, плаче молодій козаче
 По несчастливій годинї.
 Ой кряче, кряче да чорнєнкій воронъ,
 Да у лузї надъ водою;
 Ой плаче, плаче молодій козаче
 На конику на вороному.
 — Воронїй коню! грай ты подо мною,
 Да розбїй ты пугу мою!
 Розбїй, розбїй пугу по темному лугу
 Козаків да молодому. —
 Ой їде козакъ да дороженькою,
 Слєзѡнками умивається:
 — Дє-сь моя нєнька, дє-сь моя спарєнька
 Да за мною убивается!
 Да въ недїлоньку рано по-ранєньку,
 Да якъ сонце не зходило,
 Да зїзжалася вся моя родїна,
 Вона мене випроводїла.
 Випровожаеть, моя родїнонько!
 Да чи не жаль побї буде,
 Якъ я поїду на ту Україну,
 Да мєжъ чужїи люди?

Ой згадай мене, моя стара нене,
 Сьдаючи да обьдаши:
 Де-сь мой дитина на чужой сторонѣ,
 Да нѣкому да одьвѣдаши!
 Ой згадай мене, моя стара нене,
 Якъ сядешъ у вѣчерѣ вѣсти:
 Де-сь мой дитина на чужой сторонѣ,
 Да немає одъ неї вѣсти.

12.

Спойть яворъ надъ водою, въ-воду похилився;
 На козака пригдонька (166), козакъ зажурився.
 Не хилися, явороньку, ще ты зелененькій!
 Не журися, козаченьку, ще ты молоденькій!
 Не радъ яворъ хилитися — вода корній мые;
 Не радъ Козакъ журитися, да сѣрденько ные!
 Ой поѣхавъ въ Москвощину козакъ молоденькій —
 Орѣхове сьделечко и конь вороненькій.
 Ой поѣхавъ въ Москвощину да тамъ и загинувъ,
 Казавъ собѣ: насыпали високу могилу,
 Казавъ собѣ: посадили въ головкахъ калину!
 Будуть пташки прилѣтати калиноньку вѣсти,
 Будуть менѣ приносити одъ рѣдоньку вѣсти!...

(166) Невзгодѣ, бѣда.

Горе менѣ на чужинѣ,
 Що не вкупѣ брапы мой:
 Одинъ въ Сѣчѣ Отаманомъ,
 Другій въ степу зъ Ватажкою,
 Третій Дойно Дойниченько . . .
 По-надъ Днѣстромъ Дойно ходишь,
 Девятеро коней водишь,
 На десяткомъ поѣзжае,
 Днѣстра братомъ называе.
 „Днѣстре брате, побратаймось!
 Скажи рѣцѣ Савранськѣй (168)
 И прикметѣ (168) козацькѣй.“
 Въ-гору, Дойно Дойниченько!
 Тамъ рѣченька Савранська
 И прикмета козацькая . . .

Сидишь козакъ на могилѣ,
 Зъ оружины огонь крѣше,
 Скалки ломить, розкладае,
 Въ свой раны заглядае:
 Пострѣлены — къ сердцю прійшли,
 Порубаны — кровью зѣйшли. —
 Закладався орель зъ конемъ,
 А за тымъ криниченьки:

(167) Савранка впадаетъ въ Бугъ. (168) Прикмета —
 смысленость, удастьство?

„Ой чи скорѣйшъ ты добѣжишъ,
 Менѣ крыльця повпинаешъ!“
 — Ой ты скорѣйшъ да долетишъ,
 Мѣнѣ нѣги повпинаешъ. —
 Ой конь бѣжитъ, земля дрожитъ;
 Орелъ лепитъ, пѣро дзвенитъ;
 Ой конь бѣжитъ все ярами,
 Орелъ лепитъ все лугами.
 Конь до воды прибѣгае,
 Орла брата выглядаетъ:
 Орелъ лепитъ и не смѣетъ,
 Коня брата не познаетъ;
 Даруй, коню, крылечками,
 А хитро ходитъ ножечками!

14.

„Вѣдкѣль ѣдешъ?“ — Одъ Дунаю! —
 „А що чувавъ про Михайлу?“
 — Эгѣ! чувавъ! я самъ видавъ:
 Ишли Ляхи на приплати,
 Козаченьки на чопыри,
 А Тапаре поле крыди.
 А въ томъ войську козацкому
 Ъхавъ возокъ да й покрыви
 Червоною кинѣйкою,
 Заслугою козацкою.
 А въ томъ возку було пѣло,
 Порубане, почорнѣло;
 За пѣмъ возкомъ конь льнярський;
 Ведѣ коня хлопъ козацкий,
 Держишь снѣсъ въ руцѣ довгенькій,
 А у другѣй мѣть ясненькій.

Ой щѣ зъ мечѣ и кровѣ печѣ!
 По Михайлѣ ма́пи плачѣ . . .
 Не дужѣ вѣнь порубаный:
 Головонька на при часпѣ,
 Бѣле пѣло на чотыри!
 На-що, ма́пи, спѣраву дѣати (169)!
 Треба досчѣвъ добувати,
 Хорѣмину будовати!
 Дай при дѣски клѣновѣи,
 А четвѣрту сосновѣю!
 Безъ дѣверъ хѣпа, безъ вѣкѣнецъ,
 Бо вѣжѣ прѣйшовѣ ѣму кѣнецъ!

Въ другихъ варѣншахъ находятся слѣдующіе стихи:

А въ пѣмѣ вѣзку козѣкъ лежѣтъ
 Пострѣляный, порубаный,
 На при часпѣ роздѣленный;
 Въ правѣй рудѣ шѣблю держѣтъ,
 А зъ той шѣбли крѣвѣцѣ бѣжѣтъ —
 Бѣжѣтъ рѣчка кровѣвая,
 Надъ рѣчкою ѣворѣ спѣйтѣ,
 Надъ ѣворѣмъ вѣронѣ крѣче,
 За козѣкомъ ма́пи плачѣ,
 Вѣна́ плачѣ и рыдѣе,
 Свѣго сы́на не пѣзнае.

Сидишь воронъ надъ скалою

Похищуе головою :

— Ой я твоего сына знаю,

Тричи на день понасъ маю,

Зѣ лба очи выбираю.

Иди, спарá, до-домочку,

Возьми пѣску въ праву рúчку,

Посыи ёго въ городочку,

Якъ шой пѣсокъ въ-гору зѣнде,

Тогдѣ сынъ до тебе прійде !

15.

Внѣрть гудѣ, права шумить,

Козакъ бѣдный убитъ лежишь

На купинѣ головою,

Накрывъ очи окою.

Конь вороный у ноженъкахъ,

Орелъ сизый въ головонькахъ ;

Вонъ козакá доглядае,

На кúчерѣ наступáе . . .

Вонъ до ёго промовляе :

„Сизый орле, побрапáймось !

Якъ ты, брате орле, спáнешь

Зѣ лобу очѣй выдираши,

Дáй же моёй нѣнцѣ знаши,

Моёй нѣнцѣ спарѣсенькѣи,

Мамусеньцѣ рѣднѣсенькѣи.

Ой знай, орле, щѣ казаши,

Якъ у пѣбе моя маши

Буде про мене пыташи !

Скажи: слѣживъ вѣнь у Хана,
 Въ пана Хана Татарина,
 У Крымскаго Добрѣдѣ;
 Да выслуживъ королѣвоньку,
 Въ числѣмъ полѣ могилоньку. . .“

16.

Ой конь бѣжитъ, права шумитъ:
 Да вжѣжъ козакъ убить лежитъ,
 На купинѣ головою,
 Прикрывъ ноги осоклою,
 Жовте тѣло рокипою,
 Бѣлы руки хустинною,
 Ясне личко кипайкою. . .
 Въ головонькахъ воронъ кряче,
 А въ ноженкахъ коникъ плаче;
 Колыпомъ землю выбивае,
 Свояго пана вѣнь пылае:
 — Ой пане-жъ мой, пане,
 Пане копипане!
 Ой кому менѣ вручаешъ,
 Кому коня покидаешъ?
 Чи Турчину, чи Татарину? . . .
 „Тебѣ, коню, Турчинъ не поймае,
 А Татаринъ не осѣдае.
 Ой бѣжи, коню, темными лугами,
 Бѣжи, коню, битыми шляхами;
 Да прибѣжи, коню, до двору,

Та вдарь коньѣю дѣ болѣну!
 А вѣйде до тебѣ нѣцѣка старѣнька,
 Козацькая матусѣнька;
 Вона бѣде тебѣ за поводѣ брѣни,
 Бѣде побѣ сѣна пѣдкладѣни,
 Вѣвсѣ бѣде побѣ пѣдсышѣни,
 Холодною водѣцѣю наповѣни,
 И скрѣзь слѣзы про мѣне пышѣни.
 Да не кажѣ, коню, що я убѣвсѣ,
 А скажѣ, коню, що я оженивсѣ,
 Да понявѣ себѣ панѣночку,
 Вѣ чѣстѣмѣ полѣ, земѣночку —
 Що кудѣ вѣшперѣ не вѣе,
 Ни сонѣчко вѣжѣ не грѣе.
 Безѣ вѣокѣнецѣ и безѣ дверѣць —
 Тамѣ спѣить козаць - молодѣць. . .“

17.

Ой у полѣ сѣвѣжѣмѣ пѣрошѣть
 Ажѣ пѣмѣ козаць забѣить лежѣть,
 На купѣнѣ головѣю,
 Накрѣвѣ очѣи муравѣю,
 Муравѣю зеленѣю,
 Червѣною кипѣйкѣю.
 Вѣ головѣнѣкахѣ вѣронѣ крѣче,
 А вѣ нѣженѣкахѣ конѣи пѣче:
 — Абѣ менѣ, пѣне, пускѣи,
 Абѣ менѣ запѣапу даѣи! —
 „Зѣрвѣи, коню, шѣвѣковѣи поводѣ,
 Бѣжѣи, коню, дѣрѣгою,
 Зелѣною дубрѣвою;

Выѣжъ правы двѣ косарѣ,
 Выпій воды два озёрѣ,
 Подбѣжи, коню, подъ ворона,
 А вдарь коню у коньща!
 А выйде до тебе ненька спаренька,
 Козацькая мапусенька —
 Ой знай, коню, що казали,
 Якъ буде у тебе пыпати:
 Ой коню мой вороненькій,
 А де твѣй пани молоденькій?
 Чи ты ёго въ войську згубивъ,
 Чи ты ёго подъ себе збивъ? —
 А ни я ёго въ войську згубивъ,
 А ни я ёго подъ себе збивъ:
 Заслуживъ воя паниночку,
 Въ чистомъ полѣ земляночку! . . .“

18.

(Г а л и ц к а я)

Чорна рѣля (170) забрана — гей, гей —
 Чорна рѣля забрана
 И кўлами (171) засѣяна,
 Бѣлымъ пѣломъ зволожена, — гей, гей —
 И кровѣю сполощена.
 Лежить воякъ на купинѣ — гей, гей —
 Лежить воякъ на купинѣ,
 Накрывъ очѣй кипайбою.

(170) Рѣля — пашня. (171) Кўла — пуля.

Китайкою червонюю — гей, гей —
Накрывъ очи кипайкою.

А нѣ труны (172), а нѣ ямы — гей, гей —
А нѣ труны, а нѣ ямы,
А нѣ вѣщя, а нѣ мамы.
А нѣкому задзвонити — гей, гей —
А нѣкому запужити!

Дзвонятъ конѣ копытами — гей, гей —
Дзвонятъ конѣ копытами,
А воякі оспрогами.
Дзвонятъ конѣ копытами — гей, гей —
А воякі оспрогами.

Летитъ воронъ зъ чужихъ спѳронъ — гей, гей —
Летитъ воронъ зъ чужихъ спѳронъ,
На могилѣ усьдае,
Очи ѳму выпивае — гей, гей —
Очи ѳму выпивае.

Ходитъ маѳпи гукѳючи — гей, гей —
Ходитъ маѳпи гукѳючи,
Сына своего пыпѳючи.
— Ой я твоего сына знаю — гей, гей —
Бо я зъ ѳго попасъ (173) маю!

„Скажи менѣ, воронъ милый — гей, гей —
Скажи менѣ, воронъ милый:
Чи мой сынѳкъ ищѣ бѣлый,
Чи щѣ ѳченьки яснѣнькѳй — гей, гей —
Да чи успѳа румьянѣнькѳй? ...“

(172) Труна — грѳбъ (173) Пастлу.

— Вжé-ёго́ успá синéнькѣ — гей, гей —
 Вжé ёго́ успá синéнькѣ,
 Егó личкó вжé чорнéньке,
 Я на личку присѣдаю — гей, гей —
 Очѣ ёму́ выпиваю!...

19.

По-за сáдомъ зеленéнькимъ доро́жка лежа́ла :
 Молода́я плуды́ панѣ́ некрушѣ́ вырѣжа́ла,
 Вырѣжа́ла на воронѣ́мъ кониче́ньку.
 — Выйди, выйди, се́рдце моё́, дѣвчи́нонько ! —
 Ой не-вы́йшла дѣвчи́нонька, вы́йшла спара́ ма́ши;
 Взяла́ коня́ за по́воды, да и́ спáла пы́тапи :
 „Ой сы́ну-жѣ́ мо́й, соко́лоньку, де́жѣ́ тебе́ шука́пи?“
 — Шука́й въ степу́, кра́й доро́ги, мо́я ро́дна ма́ши!
 Тамъ я бу́ду, мо́я ма́ши, го́ремъ горева́пи —
 Свои́мъ чу́бомъ куче́рявымъ степы́ успи́дапи,
 А своёю́ крове́цею мо́ря доповня́пи,
 А ще́ свои́мъ бѣ́лымъ плéломъ орлы́ годовани́.....
 „Бо-да́й же вы, воро́женьки, всѣ́ разо́мъ пропа́ли,
 Якъ вы плу́ю бѣ́ду зна́ли, менѣ́ не сказа́ли;
 А подѣ́й вже вы сказа́ли, якъ сы́на по́йма́ли!
 А по́йма́ли мого́ сы́на, да ру́ки звѣза́ли,
 Пова́завши бѣ́лы ру́ки, везу́тъ до Прилу́ки,
 „А зъ Прилу́ки до Полта́вы, до вѣ́чной прися́ги :
 Прися́гъ Царю́, прися́гъ Бо́гу, одре́кся одъ́ ро́ду,
 Проща́й, сы́ну, мо́й го́лубе, не ду́май до до́му!

До вдовиного двора
 Лежитъ дорожка новá,
 А въ томъ дворѣ столы пещаніи,
 По-мѣжъ пѣми сполáми,
 Сидящи пань рядáми,
 Пишутъ лиспы пѣра́ми,
 Пишутъ, пишутъ и рядя́тъ.
 Кого въ некру́ты, одда́тъ.

— Де пѣтъ — тамъ не бра́тъ;
 Де чо́тырѣ — тамъ веля́тъ;
 Де при — тамъ не пы;
 Де двá — тамъ нѣ-льга.

У вдовины оди́нь сы́нъ,
 И по́й по́шовъ по́дъ арши́нъ;
 По́дъ арши́номъ не до́йшовъ
 И заплакавши по́шовъ.

Пань ёго пожа́вли
 И купили ко́ника,
 И ко́ника и шабелку́,
 По́шовъ хло́пецъ до повку́.

Иде ма́ни, рыдае,
 Всю старщи́ну зби́рае.
 „Ой старщи́на моя́ ми́ла,
 Выпуска́йте мого́ сына.“

Обо́звãвся оди́нецъ,
 Уродли́вый молодёцъ:

— Не плачь, ма́ти, не рыда́й,
 Ка́рыхъ о́чей не зпира́й,
 Ой погди́ ты запла́чешъ,
 Якъ на му́шпрѣ забáчишъ.

А чий-же по ланѣ
 Позасѣвали панѣ?
 А по того́ одинця,
 Вродливого молодця.
 А выйдемо на той ланѣ,
 А вдарѣмо въ барабанѣ.
 Отъ: ма́терѣ на жалость,
 А спаршинѣ на радость.
 Пошла ма́ти плачущѣ,
 А спаршинѣ радощѣ.

21.

Ой крикнули орлы, зѣ-за моря летючи:
 Заплакали бурлаченьки въ нево́ль сидючи.

— Дава́й, Со́тський, по́шпу, коня́ вороно́го,
 Да повезе́мъ до приѣ́му хло́пця молодо́го! —

Взяли́ да й помча́ли пѣ́мными луга́ми;
 А за ни́ми оте́ць, ма́ти, би́тими шляха́ми.

А де́ на-но́чь спа́нушь, свѣ́пло задува́ють,
 Що ро́дного опця́ й не́ньки да не допус́кають.

„Не пла́чь, моя́ ма́ти, не пла́чь, не жури́ся:
 „Ще́ я молодѣ́нькій коза́къ, выслу́жуся!“

Ой зачула-жъ мой доля,
Що не бути менѣ дома,
Бути-жъ менѣ у неволѣ,
У некруцькому наборѣ! —
Скоро козакъ догадався,
До дѣвчины заховався:
— Ой дѣвчино, моє серце,
Зховай мене підъ ряденьце! —
Скоро люди доглядѣли,
Кругомъ хату обступили,
Въ дѣвки дѣри розломіли
И козака уловили;
Быстрій нѣженьки зкова́ли,
Бѣлий рѹченьки звязали,
Посадили у вѣзочокъ,
Самі сѣли въ передочокъ,
Да й повезли въ городочокъ.
Самі коней поганяють,
Да й на хлопця поглядяють —
Щобъ и коней не втоміти,
Щобъ и хлопця не впустили.
На коникахъ пѣна пала,
Недалеко вже Полтава.
Пріѣхали до Полтавы,
Оддѣтки повставали,
Быстрій нѣжки розкова́ли,
Бѣлий рѹчки розвизали,
Да повели у свѣтлицю,
Посадили на скамницю,

Чорний кудрі підголили
 Да й муніцію начепили,
 По базару поводили,
 Мёдомъ - виномъ напоили.
 „Лучче-бъ менѣ волôвъ паспи,
 Нѣжъ тепѣра зъ коня впаспи!
 Лучче-бъ менѣ погоніпи,
 Нѣжъ зъ панами говоріпи!
 Луччебъ менѣ зъ грабѣльками,
 Нѣжъ тепѣра зъ шабѣльками.“

23.

Ой дубъ на берѣзу голъемъ похилився,
 Сынъ своѣй матері до нôгъ уклонився:
 „Ой старá к'не, чомъ не жѣнишъ мене?“
 — На щô-жъ тебе, сыну, молодымъ жєніпи?
 Хибá тобѣ, сыну, нѣ зъ кѣмъ говоріпи?
 Куплю тобѣ, сыну, коня вороного,
 Коня вороного, говори до ёго. —
 „Но подôба, мати, зъ конѣмъ розмовляпи:
 Ой часъ и година дѣвчини шукáти.
 Ой коню-жъ мôй, коню, коню ворогѣнькій!
 Ой чогó ты спойшъ на спáнъ смутнѣнькій?“
 — Тогó я смутнѣнькій, щô ты молодѣнькій,
 Щô ты рáно встаєшъ, мене наповáєшъ,
 Мене наповáєшъ, вôзмєшъ осѣдлáєшъ,
 Гуды погадáєшъ, туды й поганяєшъ,
 Игдѣ того шйнку не минаєшъ,
 Мене вороного къ сповбу припинáєшъ.
 Я сырюю зѣмлю по поясъ вибью,

Доки тебе, П'ане, зъ пог'о ш'инку в'ыву.
 Ой дай мен' с'на по сам'и кол'на,
 Дай мен' воды по сам'и повод'и,
 Ой дай мен' м'оч'и по к'ары оч'и —
 Тогд'и гуляй, П'ане, хоч'а до п'овночи!

24.

Ой г'алочки чорн'еньк'и круп'у г'ору вкр'или;
 Молод'и коз'аченьк'и жал'ю нароб'или.

Ой г'алочки чорн'еньк'и, п'од'оймайт'есь в' г'ору!
 Молод'и коз'аченьк'и, вертайт'есь до-д'ому!

— Ой рад'и мы п'однят'ися — шум'ан' налягае.

— Ой рад'и мы вертайт'ися — да П'ан' не пускае.

25.

(Уланская вербунка.)

Въ Берд'ичов'ѣ, славн'ом'ѣ м'ѣсп'ѣ,
 Звербов'али хл'опц'ов' дв'ѣсп'ѣ.
 А ч'ѣм'ъ-же их'ъ вербов'али?
 Зл'отых'ъ гр'ошей даров'али.

Въ Берд'ичов'ѣ, славн'ом'ѣ м'ѣсп'ѣ,
 Звербов'али хл'опц'ов' дв'ѣсп'ѣ;
 И к'онюхи, и пис'ар'и
 Ув'ѣ улан'ы присп'ав'али.

Присп'ан'ъ, Юрку, до верб'унку,
 Б'удеш'ѣ в'спи зъ наслом'ѣ к'урку,
 Б'удеш'ѣ в'спи, б'удеш'ѣ п'ипи,
 Б'удеш'ѣ як'ѣ пан'ок'ѣ ход'ипи.

Забудь папа, забудь маму,
 А самъ пристань увь улааны!
 Теперь маешь горёвати,
 Лучше въ войську пановати.

А въ уланахъ даюшь гроши,
 Будешь багатый, хорошии;
 Будешь ѣсти, будешь пиши
 И хороше въ чёмъ ходиши.

И хороше въ чёмъ ходити —
 Довбешками воши биши.
 И остроги побляни,
 И чоботы ваксовани.

Китель бѣлый, киверъ чорный,
 Хлопецъ гарный и мопорный,
 И чикчиры гаптовани,
 Самы паны прибирани.

А зводкѣль вы? — Могиляне.
 А чія пы? — Ковалёва.
 Ой я дѣвка мѣжъ дѣвками,
 Черевички съ подкѣвками.

БУРЛАЦКІЯ.

26.

Гей-же! — Да журба менé скрушила,
 Да журба менé зсушила, — да гей!
 Гей-же! — за чужими волами ходючі)
 Да чужии возы мажучі, — да гей!
 Да ну́те, во́лы, по́малу,
 Да выпяга́йте изъ я́ру. —
 Ой крикнули журавлі,
 Да хóдючи по ро́лѣ:
 Да лóчче ро́ля рання́,
 А нѣжъ пая́ пòзня́;
 Щó на раннѣ́й женці́ жнóуть,
 А на пòзнѣ́й скопóмъ бьóуть. —
 Ой крикнули молодці́,
 Да сидючи въ корчомцѣ́:
 Да лóчче жóнка перша́я,
 А нѣжъ пая́ другáя;
 Да щó зъ пѣршою дѣ́пѣй ма́въ,
 А зъ друго́ю розòгна́въ.
 Да идѣ́шь дѣ́ши служи́ши,
 Чóмъ ма́чусь годі́ти! —
 Да оди́нь пòшовъ до по́а,
 Дру́гій пòшовъ до жи́да,
 Трѣ́тій пòшовъ до па́на —
 Щобъ ма́чуха пропа́ла!
 Хóдитъ ба́тько по ва́лу,
 Клі́че дѣ́пѣй до-дому́:

Да идѣть дѣти до-дому,
 Не буде вамъ розгону!
 — Живи, мати, якъ Богъ давъ,
 Коли ты насъ розогнавъ!
 Мы будемо служили,
 За матірью служили!

27.

„Щука рыба въ морѣ гуляе до-воли,
 А я козакъ на чужинѣ да не маю доли.

Выйду за ворота, надѣвши сѣмрягу,
 Ой хпѣ-жъ менѣ да пригорне бѣдного неспягу!

Осѣдлаю коня да поѣду въ поле,
 Прощай, прощай мапусенько, моя рѣдна ненько!“

— Ой ты сизый орле, высоко лѣтаешь,
 Ой чи часто мого сына у вѣчѣи видаешь?

„Сынъ твѣй, мати, въ полѣ, въ полѣ спочивае,
 Надъ нимъ сидѣтъ сизый соколъ, въ головоньку
 ськае.“

Да вдарилаь мати обѣ полы руками:

— Теперѣ-же я, мой дѣти, пропаѣла изъ вами. —

„Сама себе, мати, сама провинила,
 Що насъ такихъ покохала да й не поженила.“

— Сыны-жъ мой любѣи, сыны вы милѣнкѣи,
 Тѣмъ-же я васъ не женила, що вы молодѣнкѣи!

28.

— Въ недѣлоньку рано розйгралося море :
Не одному сыну на чужинѣ горѣ !

Выйду за воропа, спану якъ сирота.

Нихто менѣ не займае! я бѣдный сирота! . . .

Да лепить орель сизый, орель сизокрылый :

„Чого стойшь-пужишь, мой сыну единый!“

— Да порадь менѣ, орле! що маю робити :

Да померъ опець, мами, вся моя родина. —

„Да и ты не знаешь, да и я не знаю,

Покидай сей край, де роду не маєшь ;

Да йди на Вкраину, тамъ знайдешъ родину ,

Тамъ знайдешъ родину, любую дѣвчину.“

29.

Журба менѣ сущишь, журба менѣ валишь ,
Журба-жъ менѣ, мамѣ, скоро изъ ногъ звалишь !

А я-жъ пой журбѣ да й не поддаюся —

Пойду до шинкарьки, горѣлки напьюся.

Горѣлочка пьяна, суча журба впряма ;

Горѣлочка сумна, суча журба умна.

Чому-сь менѣ, брате, горѣлка не пьється ,

Биля мого серденька якъ гадина вьється.

Коло сердца, брате, коло сердца мого ,

А коли не вѣришь, нехай биля твого !

Були въ менѣ луги, спали жито жати ;

Бувъ въ менѣ опець и родная мамѣ ,

А теперъ нікому порадоньки дати !

Булі въ менé луги, высóкіи вóльхи,
 Булі въ менé дядькі и рóдныи тѣпки,
 А теперъ порáдоньки не маю ни звóдкòль!

Да булі въ менé луги, булі и копѣцѣ —
 А теперъ нѣкому подáпѣ и водѣцѣ.

Не дай Бóже смérтѣ — на чужинѣ вмерши:
 Ой нѣкому доглянути памъ моєи смérтѣ.

30.

Ой не шумѣ, лúже, дубрòвою дúже,
 Не завдавай сёрдцю жалю, бо я въ чужòмъ краю,

Ой я въ чужòмъ краю якъ на пожаринѣ,
 Никтò менé не пригòрне при лихòй годинѣ!

Ой роблю я, роблю, робòпа ни-за-що,
 Люди кáжущь и говорять: сиротá ледáщо!

Сиротá ледáщо, не хóче робѣти;
 Ой опдаймо врэжа сына у вòйськò служѣти!

Сиротá втомѣвся, на пѣнь похилѣвся —
 Люди кáжущь и говорять: вòнь мабушь упѣвся!

Ой пòйду я, пòйду на горó крупóую,
 Ой спáну-жъ я, подивлюся на рѣчку быстрóую.

Ой рѣченька, быстрénькая! на ёи дивлюся,
 Такѣ менé думкѣ взнóсяпѣ: пòйду утоплюся!...

— Не топѣся, козáченьку! мáрне дúшу згубишь:
 Трѣба зъ нею въ свѣтѣ жѣти, хочъ ёи не любишь!...

Ой не шуми, луже, ты зелёный гаю,
 Не завдавай сердцю жалю, бо я въ чужомъ краю!
 Бо я въ чужомъ краю марне пропадаю,
 Ой тымъ-же я пропадаю, що роду не маю...
 Хоть у мене и є родъ — далёко одъ мене;
 Ой я чую черезъ люди, цураються мене.
 Нехай вони цураються, да якъ самі знають,
 Прийде тая годинонька, що й мене згадають!

Зъ поля вѣперъ вѣе,
 За Лиманомъ завывае,
 Туга-печаль налягае. —
 Ой я съ шуги, да зъ печали
 Поїду въ корчмѣ погуляю.
 Шинкарьчка молодая,
 Вона-жъ мене давно знае,
 Горѣлки повѣрае. —
 Шинкарьчко молодая!
 Усыпъ мѣду и горѣлки,
 Тепѣрь въ мене нема жѣнки.
 Въ кого жѣнка, въ кого дѣти,
 Тому въ Польщѣ добре жиєти.
 А я жѣночки не маю,
 Я въ Одѣсѣ пробуваю. —
 А въ Одѣсѣ добре жиєти,
 Мѣшкѣмъ хлѣба не носієти,
 На паньщину не ходієти,
 Подушного не плапїєти.
 Ни за плугомъ, ни за раломъ,
 Называють мене паномъ.

33.

Ой лужечки да бережечки да вода поняла;
Да вже-жь мою да головоньку журба обняла.

Охъ и я журбу, охъ и я поску да на листу спишу;
Охъ и я журбу, охъ и я поску на Дунай пуцу.

Да пливѣ, журбо, да пливѣ, поска, да по всѣмъ
берегамъ;

Охъ и роздай, Боже, мою печаленьку по всѣмъ
ворогамъ.

Да зелѣный дубъ, да зелѣный дубъ, да безъ сон-
ця завьявъ,

Молодѣнькому да козаченьку Богъ долѣ не давъ.

Да не давъ долѣ, да не давъ счастья, да не давъ
шаланѣ,

Да куды я пойдѣ, куды повернусь — по все чужина.

34.

Ой въ полѣ могила зъ въпромъ говорила:

Повѣй, въпре, пы на мене, щобъ я не чорнѣла.

Щобъ я не чорнѣла, щобъ я не марнѣла,

Щобъ на менѣ правѣ росла, да щѣ й зеленѣла!

И вътеръ не вѣе, и сонце не грѣе,

Тольки въ степу при дорозѣ правѣ зеленѣе!

Ой у степу рѣчка, черѣзъ рѣчку кладка:

Не покидай, козаченьку, рѣдненького бѣтька!

Якъ бѣтька покинешь, самъ марне загинешь,

Рѣченъкою быстрѣнъкою за Дунай заплинешь.

— Бо-да́й па́я рѣ́чка рѣ́бы не плоди́ла:
 Вона́ мого́ повари́ша на-вѣ́ки втопи́ла!
 Бо-да́й па́я рѣ́чка кошу́ромъ заросла́:
 Вона́ мого́ повари́ша за Дуна́й занесла́!

35.

Лепі́въ соколо́ньку, да й сѣ́въ на дубо́ньку,
 Схили́въ-склони́въ голово́ньку уні́зь до-доло́ньку.
 Клі́че ма́пи сы́на зъ корчмы́ до-домо́ньку:
 Иди́, сы́ну, до-домо́ньку, пропѣ́шь худо́беньку.
 „Мапи-жъ мо́я, ма́пи, и са́мъ-же я ба́чу,
 Що́ я сво́ю худо́беньку усе́ ма́рне пра́чу.
 Ой не по́йдú, ма́пи, до-домо́ньку спа́ши:
 Е на се́рдцѣ́ скорби́тенька, далече́нько зна́пи.
 Зна́пи ма́пи, зна́пи; ще́ зна́пнѣ́йше бу́де,
 Що́ учо́ра изъ-вечо́ра осуди́ли лю́де.
 Не па́къ спа́ри́ лю́ди, якъ малы́и дѣ́ти:
 Доведе́ться одъ ворого́въ въ кайдана́хъ сидѣ́ти!
 Хоть бу́ду сидѣ́ти, да зна́пиму за́-що:
 Неха́й зъ ме́не не смѣ́ється вся́ке леда́що!

36.

Ой са́мъ же я да не зна́ю, що́ робі́ти-ста́ти:
 Зап'я́жy чо́пырі́ волы́ да по́йдú ора́ти!
 Во́лы мо́й поло́выи, чо́му не оре́те?
 Лѣ́та мо́й моло́дыи, чо́му ма́рне йде́те?
 „Якъ бы вы́ насъ погана́ли, такъ бы мы́ й ора́ли!
 „Якъ бы вы́ насъ шанова́ли, такъ бы ва́сь слуха́ли.“

Запряжѹ чопырі коні, коні воронѣи,
Да поѣду доганяти лѣта молодѣи.

Ой догнавъ же лѣта свой въ калиновѣмъ мѣстѣ:
Вернѣтсѣя, лѣта мой, хочъ до мене въ гостѣ!

Лѣта-жъ мой, лѣта мой, лѣта молодѣнкѣи!
Коли доля несчастлива — будьте коротѣнкѣи!

37.

Летѣвъ голубъ да все роскошно;
Лѣта мой молодѣи пошли розпѣчно.

Летѣвъ голубъ да ѣ упавъ на садъ:
Лѣта мой молодѣи, вернѣтсѣя назадъ!

38.

Летѣтъ орелъ по-надъ моремъ по высокѣи висо-
кѣи:

Илѣче козакъ старѣсенкѣи да по своѣи молодѣи.

— Лѣта-жъ мой молодѣи, дѣ ся вы подѣли:

Чи вы въ лугѣи, чи въ байраки геть одъ мене по-
летѣли?

Лѣта-жъ мои молодѣи, дѣ ся вы подѣли? . . .

Завилѣся въ кленовый лѣсѣи, да въ лѣсѣи полетѣли!

Козацкѣя здобычѣнкѣя мѣрие пропадѣе:

Тѣждѣнь козакъ зарабатѣе, за одѣнъ дѣнь пропивѣе.“

39.

Да ѣшовъ козакъ зъ Дѣну, да зъ Дѣну до-дѣму,

Да ѣ сѣвъ надъ водѣю, проклиналѣе дѣлю:

— Дѣле-жъ мой, дѣле, чѣмъ ты не такѣя,

Оѣ чѣмъ не такѣя, якъ дѣлл чужѣя?

Що люди не роблять, да въ жулѣнахъ ходять,
 А я роблю, дбаю — и свѣты не маю;
 Що люди гуляють и рѣскошѣ мають,
 А я роблю, дбаю — ничѣго не маю! —
 Обѣзвѣтся дѣля по тѣмъ бѣщѣ мѣря:
 „Козѣче-бурлѣче! дурный рѣзумъ маѣшь,
 Що ты свою дѣлю мѣрне проклѣнаѣшь:
 Ой невѣнна дѣля, вѣнна твоя вѣля —
 Що ты заробляѣшь, то все пропиваѣшь,
 Що въ дѣнь загорѣшь, за нѣчь прогайнѣшь,
 А щѣ запалѣнишь (174), то музыкѣ наймѣшь:
 Ой грайте, музыкѣ, изъ двѣра до двѣра,
 Да щѣбъ не журѣлась спарѣ нѣнька дѣма!...
 — Якъ музыкѣ грали, то й насъ люди знали,
 А якъ переспѣли, то й лаѣти спѣли! —

40.

Ой не спѣвъ я нѣчку темнѣнькую,
 Да не бѣду спѣти щѣ й другѣю,
 Да чѣмѣ-сь менѣ нѣдно
 И на сѣрдѣньку прѣдно,
 Молодѣй козѣкъ, самъ не знаю!

Да вѣють вѣтры все бѣйныи,
 Да идѣтъ дожѣи все дрѣбныи,
 Зѣмлю розрушають,
 И правѣю устѣлають,
 Краснымъ цвѣтомъ искрашають.

(174) Зашалѣниши или закалѣниши — прѣобрѣсть,
 нажить.

Да тепѣръ рѣчки не глыбокіи
 И на перевозѣ не широкіи;
 А луги изъ лугами,
 Береги зъ берегами,
 Де прохóдять зъ кораблями.

А тепѣръ не прохóдять,
 И бурлакѣ не провóдять
 За вражими ворогами! . . .

ГАЙДАМАЦКІЯ.

41.

Наѣхали козаки до Маруси въ гóстѣй:
 „Марусенько-пані! чи ё твóй пань дóма?
 Коли-жѣ нема пана, вѣйди до насъ сама!“
 Марусенька не пóзнала, въ черевичкахъ вѣйшла:
 — Естѣ вы козаки, естѣ гайдамаки! —

„Марусенько-пані! по чóмъ ты пóзнала?
 По чóмъ ты пóзнала, правдоньку сказа́ла?“
 — По тóмъ я пóзнала, правдоньку сказа́ла,
 Що я свогó пана коника пóзнала. —

„Марусенько-пані! не правдоньку-жѣ ка́жешъ:
 Мы того коника въ твогó пана купили,
 Въ зеленóй дубровѣ грóши польчили,
 Въ холóдной крыницѣ мого́ричъ за́пили,
 Пóдъ гнилú колóду пана пóдкопи́ли.

(Г а л и ц к а я).

„А що у тої Чорногорѣ за воронї конї!
 Ходѣмъ, браће, въ гайдамаки, чѹємо червонї.
 Ой и чѹємо червонї въ пана молодого...
 Ой якъ бы ихъ да ужїпи зъ двора головнѹго?“
 — Ой я знаю, пане-браће, якъ то ихъ ужїпи:
 Молодѹго того пана до стѣни прибїпи!
 Ой прибїпи рѹки, нѹги, ще межї плечїма,
 Да щѹбъ на насъ вѹнъ дивївся чѹрными очїма!

На-що-жъ тобѣ, пане-браће, торбїну таскати?
 Лѣнше тобѣ, пане-браће, людѣй розбивати.

Чи знаєшь ты, пане-браће, що бѹдемъ дѣяти:
 Вѣрїжемо вражихъ сынѹвъ, бѹдемъ панувати!

Чи бачишь ты, пане-браће, за лѣсомъ могила:
 Чи ты умрѣешь, чи повїснешъ — разъ мами родила!...

Ч У М А Ц К І Я.

Ой по горамъ снїгї лежати,
 По долинамъ вѹды спѹвати,
 А по шляхамъ маки цвѣтѹть:
 То не маки, а чумаки —
 Зъ Крыму идѹть, рїбу везѹть.

Мáппи сь́на визнава́ла,
Да не взна́ла — вы́лика́ла:
— Иди́, сы́нку, до-до́моньку,
Змьё́ю тобѣ́ голо́воньку! —

„Измый, ма́ти, сама́ собѣ ,
Або́ моёй рѣднѣй сеспрѣ :
Мене́ змыно́ть — дробнѣй до́жчи ,
А розчѣшуть — гу́спѣй тѣрны ,
А просу́шить — яснѣ со́лнце ,
А розку́дрють — буйнѣй вѣспры ! . . “

45.

Чума́ченьки коза́ченьки ка́шу вари́ли,
А са́мі сѣ́дали, пѣ́сно спѣ́вали:
„Хо́дишь пѹ́га по лу́гу,
Гне́ться ту́рѣ-во́ль у ду́гу.
Хо́дишь пѹ́га по га́ю,
Клі́че дѣ́вку Га́лю.
Хо́дишь пѹ́га по балка́хъ,
Пла́че пѹ́га по Козака́хъ.
Хо́дишь пѹ́га по дубро́вѣ,
Що нема́є до́лі, до́лі!“

46.

Зацѣла́ калина у́ лузѣ́ да попусти́ла квѣ́ты,
Не оди́нь чума́нъ кѣ́да жѣ́нку и дрѣ́бнѣ́нкіи дѣ́шны.
До́бре бу́ло да чу́макова́пи по́ки всю́ды бу́ло ро́вно,
А по́ вѣ́же че́рѣзъ тѣ́и билѣ́пы да ѣ́ ходи́ти не во́льно.
Ге́й въ сте́пѣ́ глыбо́ка кы́ниця, то́льки во́да бли-
щѣ́тся;
Ге́й по́йшовъ-бы́ я до́ жѣ́нки, дѣ́ше́й — не ма́ю
чѣ́мъ розпла́титъсѣ́.

Ой ходивъ чумакъ сѣмъ рѣкъ по Дону,
Да не було пригодоньки никѣли ёму.

Ой ишовъ чумакъ зъ Крѣму до-дому,
Спѣлась ёму пригодонька за всю дорѣгу.

Спѣлась ёму пригодонька не въ дѣнь, а въ ночи,
Занедужавъ чумаченько зъ Крѣму идучи,
При ширѣкѣй дорѣженцѣ волѣ пасучи.

Ой пѣшовъ чумакъ въ Самѣрь на базѣрь,
Червоною хустѣною головку звѣзѣвъ.

Ой упѣвъ чумакъ, упѣвъ да й лежѣвъ,
Нихтѣ ёго не спѣѣе щѣ въ ёго болѣвъ.

Ой и болѣвъ въ ёго сѣрдце й голова,
Помирѣе чумаченько, а рѣду немѣ.

Прѣшовъ до ёго опѣманъ ёго,
Берѣ ёго за рѣченьку, жалѣе ёго.

„Опѣманѣ мѣй, жалѣешъ менѣ:
Скидѣй жупѣнъ зъ менѣ да укрьѣй менѣ.

Берѣ мѣй волѣ-возѣ — поховѣй менѣ,
Берѣ мѣе сребло-злѣто — поминаѣ менѣ.“

Изкѣнувъ чумакъ свѣту и кожѣхъ,
Припадѣе къ сирѣй землѣ, тѣплый звѣде дѣхъ;

Изкѣнувъ чумакъ изъ сѣбе капѣѣнъ:
„Волѣ мѣй половѣи, хпѣ-жѣ бѣде вамъ пѣнъ?

Да вдарили зъ-разу у великій дзвонъ,
Сѣ-жъ по пому чумаченьку що ходивъ на Донъ.

Да вдарили зразу въ дзвонѣ уво всѣ:
Сѣ-жъ по пому чумаковѣ, що ходивъ по сѣль.

Ой ишли волѣ да въ вѣсмерикѣ,
Задзвонили въ усѣ дзвонѣ по помѣ чумаку.

Ревнуѣ волѣ у новѣмъ ярмѣ;
Поховали чумаченька въ чужѣй споронѣ.

Ревнуѣ волѣ степѣмъ идучѣ;
Поховали чумаченька, зъ Крыму везучѣ.

48.

Ой злестѣвъ пугачъ на ялиноньку, да якъ пугу да пугу!
Гей, досягайте славноѣ чумаченьки да до темного
лугу!

Ой радѣбъ мы поспѣшати, да чумакъ занедужавъ.
Ой занедужавъ да чумакъ Микѣйла да на вѣзъ
похилився,

Да правою рѣченькою за сѣрдце ухопився,
Каренькими оченьками на вѣликѣвъ подивився.
„Ой волѣ мой, да половѣи! хпѣ вамъ Панѣмъ бѣде?
Ой якъ менѣ чумака Микѣйла на свѣтѣ не бѣде?“
— Ой поѣ надъ нами бѣде пановати, хпѣ насъ бѣ-
де поганяти! —

Ой вы чумаченьки, ой вы бурлаченъки! ой вы
люди на всѣ гѣжи!

Ой изробѣте чумаковѣ Микѣйла домовину зъ рѣгѣжи.
Та вѣрыйте надъ чумакомъ Микѣйлою да высѣ-
ку могилу;

Та посадѣте надъ чумакомъ Микѣйлою, да чер-
вѣну калину.

Ой чумаче, чумаче!
 Въ тебѣ личко козаче.
 Чомъ не рано зъ Крыму йдѣшь,
 Не всѣхъ чумаковъ ведѣшь?
 — Ой я рано зъ Крыму йду,
 Всѣхъ чумаченьковъ веду,
 Толькожъ нема одного —
 Мого брата родного! (а)
 Шукавъ, шукавъ, не найшовъ,
 Запрѣгъ волы да й пошовъ.
 Ъхавъ, ѡхавъ — могила,
 Край могилы — долина,
 Тамъ чумаки стояли,
 Тамъ же и мы пристали.
 Опамане, батьку нашъ!
 Порадъ же ты тепѣрь насъ:
 Що будемо робити,
 Чѣмъ воликѡвъ кормити?
 — А ще, хлопцѣ, не бѣда!
 Есть у полѣ лобода:
 Косѣть, хлопцѣ, лободу —
 Забувають сю бѣду!
 Косѣть, хлопцѣ, пшеницю —
 Въ чистѡмъ полѣ метлицю.
 Косѣть, хлопцѣ, весь споришъ —
 Кормѣть волѡвъ на барышъ.
 Косѣть, хлопцѣ опаву —
 Пасѣть волѡвъ на славу.

Косѣшь, хлопцѣ, щѣ лѣмѣнь —
 Поѣдемъ въ Крѣмъ по сѣль!
 Косѣшь, хлопцѣ, и овѣсь —
 Поѣдемъ у Одѣсь!
 Косѣшь, хлопцѣ, очерѣтъ —
 Навѣримо вечерѣтъ,
 Укинѣмо чабака,
 Да помянѣмъ чумака! . . .

(а) Въмѣсто сихъ стиховъ поютъ еще такъ :

Тѣлькѣ одного нѣма —
 Вдѣвиного Иванѣ:
 Склѣлась ему причина,
 Головѣньку пробѣла —
 Поламѣлись перѣзы,
 Сѣль вѣжучи ни возѣ.

50.

Да идѣ чумакъ да дорѣгою,
 Мѣдъ-вино кружѣе;
 Да оглянѣтся да чумакъ назѣдъ,
 Ажъ волѣвъ не мѣе.

— Да бѣжи, хлопку, да бѣжи, малѣй,
 Давѣй панѣмъ знѣти:
 Да нехѣй панѣ, да нехѣй вѣны
 Шлѣютъ волѣвъ шукаѣти! —

Ой у Кѣвъ да на рынѣчку
 У всѣ дзвѣны дзвѣнятъ. . .

Да оглянешся да чума́къ наза́дь,
Ажъ во́ликѡвъ го́няпъ.

Да оглянешся да чума́къ наза́дь,
Ажъ во́ликѡвъ же́нупъ;
А за во́лами да за воза́ми
Бусу́рме́на ве́дупъ.

Да ве́дупъ, ве́дупъ да бусу́рме́на
На кру́ту моги́лу:
— Да диві́сь, диві́сь, да бусу́рме́не,
На сво́ю кра́йну. —

„Да тепе́рь менѣ, да ми́ли бра́тья,
Кра́йна не ми́ла:
Що розсе́рдівся мо́й опе́ць й ма́ши,
Ще й вѣ́рна дру́жина!“

51.

У по́ль кри́ниченъ́ка, хо́лодна во́диченъ́ка;
Та́мъ чу́макъ во́ло́въ напова́е:
Во́лы ре́вупъ, во́ды не пью́ть, до́роженьку
чу́ють.

„Бо-да́й же васъ, сѣ́рй во́лы, да до Крѣ́му не
зхо́дили!
Я́къ вы мене́ мо́лодо́го наві́къ засму́шили ...“

Поме́рь, поме́рь чу́маченъ́ко въ не́дме́ньку
вра́нцъ;
Похо́вали чу́маченъ́ка въ зе́леномъ ба́йрацъ.

Насыпáли чумáченьку вы́соку моги́лу;
Посади́ли на моги́лѣ червóну кали́ну.

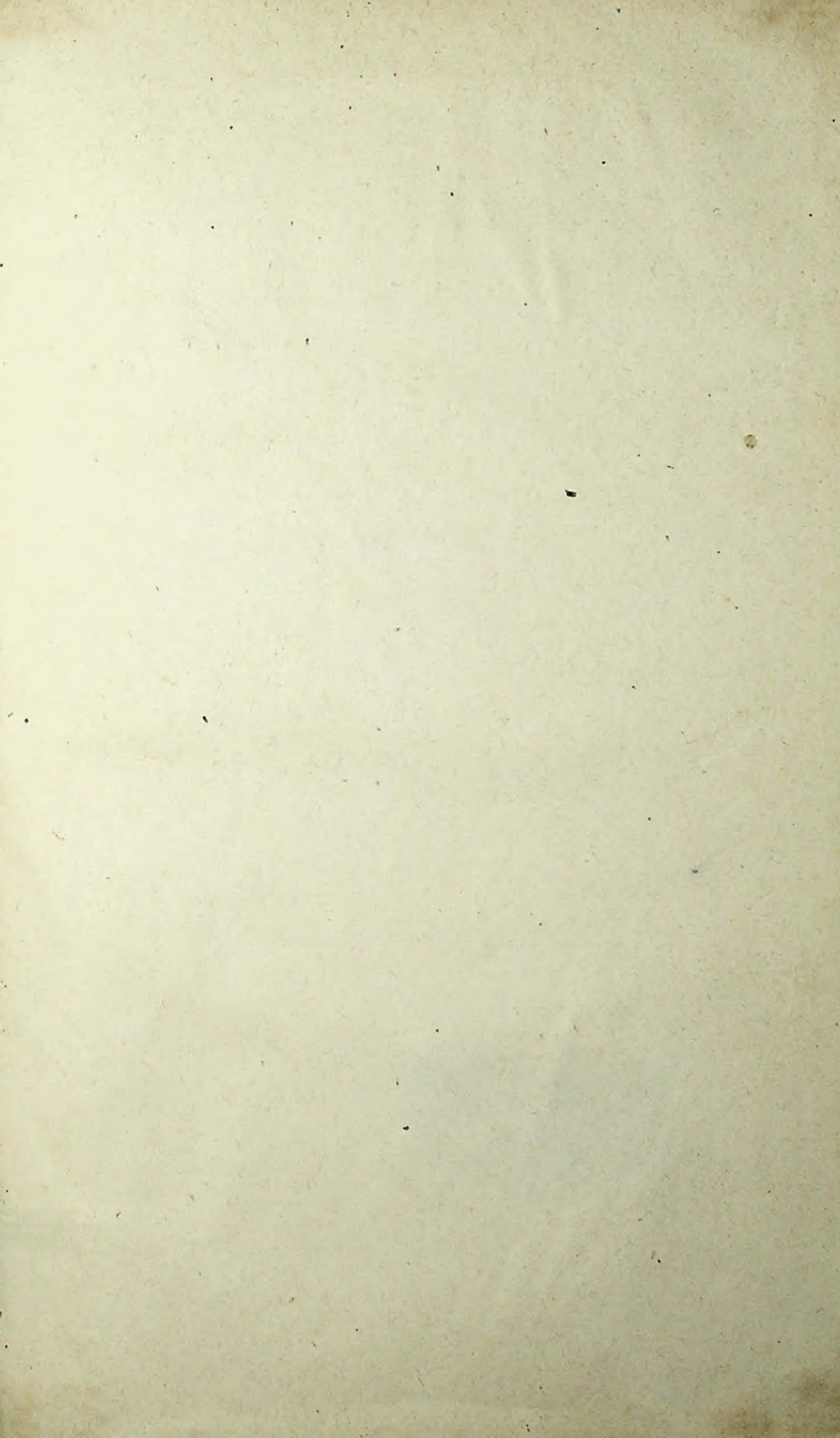
Прилетѣ́ла зозу́ленька, да ѣ сказа́ла: кú-ку!
Пода́й, сы́ну, пода́й, о́рле, хочь пра́вую ру́ку!

„Ой ра́дъ-бы я, моя ма́мки, обѣ-двѣ пода́пи;
Да налягá сыра́ земля, не мо́жно по́дняпи!“

170761
~~87760~~

540/3

3714 2716544 867D1

